STEPHANOS

СТЕФАНОС

2025

№ 3 (71) || Май

#3 (71) || May

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-1-127

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013

Содержание

Статьи

Ничипоров И.Б. (Москва, Россия) Шахматная антиутопия Алексея Конакова в романе «Табия тридцать два» 7

Моисеева В.Г. (Москва, Россия) Между романом и романсом: жанровая специфика «Ополченского романса» З. Прилепина 16

Ашрапов Б.П. (Республика Таджикистан, Худжанд) Сравнительный анализ морфосинтаксических особенностей английского предлога On и его эквивалентов в таджикском и китайском языках 24

Абдуллоев Р.Х. (Худжанд, Республика Таджикистан) Взаимодействие Садриддина Айни с индийским стилем в дореволюционной поэзии 34

Ибрагимова Р.А. (Худжанд, Республика Таджикистан) Роль некоторых таджикских инфинитивов в глагольных словосочетаниях и их английских эквивалентах (сравнительное исследование) 44

Саидганизода С. (Худжанд, Республика Таджикистан) Некоторые взгляды на литературную ценность «Рисалат-ут-Туйур» Ахмада Газали 51

Султонов А.А. (Худжанд, Республика Таджикистан) Сравнительный анализ морфологических особенностей модальных частиц в таджикском и китайском языках 60

Материалы и сообщения

Романова Т.А. (Москва, Россия) Актуализация имени собственного Disney в ономастике и лингвокультурологии 69

Бахридинова А. (Худжанд, Республика Таджикистан) Речевая агрессия как одна из тем лингвистических исследований 78

Темирова Х.И. (Худжанд, Республика Таджикистан) Восприятие содержания классических произведений 88

Фокина А.А. (Москва, Россия) Использование принципа комплементарности для описания мультилингвальной личности (на примере текстов Юргиса Балтрушайтиса-младшего) 96

Библиографии

Громова М.М. (Москва, Россия) О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 3 106

Научная жизнь

Бархударова Е.Л., Дементьева О.Ю., Зубова О.В., ПанковФ.И. , Чаплыгина Т.Е. (Москва, Россия) Наши Учителя. О тех, кто стоял у истоков специальности «Русский язык как иностранный» 116

Критика. Библиография

Певак Е.А. (Москва, Россия) Между историей и литературой: дискуссии о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. 121

In Memoriam

И.Н. Исакова (Москва, Россия) Памяти Лилии Валентиновны Чернец (22.03.1940–24.05.2025) 124

Contents

Articles

Nichiporov I.B. (Moscow, Russia) Alexey Konakov's Chess Dystopia in the Novel "Tabiya Thirty-two" 7

Moiseeva V.G. (Moscow, Russia) Between a Novel and a Song: Genre Peculiarities of Z. Prilepin's "Volunteer's Song" ("Opolchensky Romans") 16

Ashrapov B.P. (Khujand, Republic of Tajikistan) A Comparative Analysis of the Morpho-Syntactic Peculiarities of English Preposition ***On*** and Its Equivalents in Tajik and Chinese 24

Abdulloev R.Kh. (Khujand, Republic of Tajikistan) Sadriddin Aini's Engagement with the Indian Style in Pre-Revolutionary Poetry 34

Ibragimova R.A. (Khujand, Republic of Tajikistan) The Role of Some Tajik Infinitives in Verbal Phrases and Their English Equivalents (a comparative study) ... 44

Saidghanizoda S. (Khujand, Republic of Tajikistan) Some Views on Literary Value of "Risalat-ut-Tuyur" by Ahmad Ghazali 51

Sultonov A.A. (Khujand, Republic of Tajikistan) Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Modal Particles in Tajik and Chinese 60

Communications and Materials

Romanova T.A. (Moscow, Russia) The Actualization of the Proper Name 'Disney' in Onomastics and in Linguistics and Culture 69

Bahridinova A. (Khujand, Republic of Tajikistan) Speech Aggression as One of the Topics of Linguistic Research 78

Temirova Kh.I. (Khujand, Republic of Tajikistan) Perception of the Content of Classical Works 88

Fokina A.A. (Moscow, Russia) The Complementarity Principle as a Means of Description of Multilingual Individuals (on the example of the texts by Jurgis Baltrušaitis Jr.) 96

Bibliography

Gromova M.M. (Moscow, Russia) About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 3 106

Academic Life

Barkhudarova E.L., Dementieva O.Yu., Zubova O.V., Pankov F.I., Chaplygina T.E. (Moscow, Russia) Our Teachers. About Those Who Stood at the Origins of the Specialty "Russian as a Foreign Language" 116

Critique. Bibliography

Pevak E.A. (Moscow, Russia) Between History and Literature: Discussions about A.N. Tolstoy's Novel "Peter the Great" in the 1930s

In Memoriam

Isakova I.N. (Moscow, Russia) In Memory of Lilia Valentinovna Chernets (03.22.1940–05.24.2025) 124

Статьи

Articles

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-7-15

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

Шахматная антиутопия Алексея Конакова в романе «Табия тридцать два»

Аннотация: Статья вводит в научный оборот новейший литературный материал – роман А. Конакова «Табия тридцать два» (2024). Футурологическая антиутопия о России 2080-х гг., университетской среде Петербурга моделирует и критически исследует национальную мифологию о тотальной шахматной гармонии как государственной идеологии, не терпящей произвольных ходов и альтернативных сценариев. Художественными находками в системе персонажей стали образы ортодоксальных поборников «традиционных шахматных ценностей» и интеллектуалов-«еретиков», прокладывающих рискованные пути свободного научного и социального мышления.

Ключевые слова: современная русская проза, антиутопия, психологический детектив, литературная конспирология, альтернативная история, Алексей Конаков

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

Alexey Konakov's Chess Dystopia in the Novel "Tabiya Thirty-two"

Abstract: The article introduces the latest literary material into scientific circulation – the novel by A. Konakov's "Tabiya Thirty-Two" (2024). The futurological dystopia about Russia in the 2080s and the university environment of St. Petersburg models and critically explores the national mythology of total chess harmony as a state concept that does not tolerate arbitrary moves and alternative scenarios. The artistic finds in the character system were the images of orthodox adherents of "traditional chess values" and "heretical" intellectuals who pave risky paths of free scientific and social thinking.

Key words: modern Russian prose, dystopia, psychological detective, literary conspiracy theory, alternative history, Alexey Konakov

Роман «Табия тридцать два» (2024)[1] стал заметным прозаическим дебютом Алексея Андреевича Конакова (род. 1985) – выпускника Петербургского политеха, поэта, литературного критика, исследователя неофициальной позднесоветской поэзии. Эта, по его жанровому определению, «фантастическая опера» вводит в «театр идей»[2] о России конца нынешнего столетия и соединяет сюжетные

[1] *Конаков А.* Табия тридцать два. М., Индивидуум, 2024. Текст романа приводится в статье по этому изданию.

[2] Фантастическая опера. Интервью с автором романа «Табия 32» А. Конаковым: https://orden-bezdna.livejournal.com/2259077.html?es=2 (дата обращения: 16.05.2025).

звенья интеллектуального детектива, конспирологического романа с утопическими построениями и антиутопией. В авторской концепции «утопия и антиутопия должны чередоваться в восприятии читателя, просвечивать одна сквозь другую»[1], а шахматы – служить «игровым воплощением конспирологии»[2].

Романная структура основана у Конакова на остросюжетном объективированном повествовании о российских реалиях 2080-х гг., когда страна все еще переживает последствия поражения в неназванной войне с Западом и радикального внутреннего Переучреждения 2030-х гг. В условиях долгосрочного международного Карантина, культурной, информационной, технологической и экономической изоляции общество индоктринируется якобы спасительной для него национальной идеологией и вовлекается государством в процесс «перепрошивки» культурного кода, нацеленный на купирование приведшего к катастрофе имперского синдрома. Ключевую роль в призванном «оберегать Россию» «братстве посвященных» играет легендарный Д.А.У. – маститый профессор Петербургского университета Дмитрий Александрович Уляшов, который когда-то занимался «композиторами Российской империи и СССР», имеет вес в правительстве и даже «лично контролировал ход реформ».

Художественное изображение эпохи сфокусировано на интеллектуальной среде Петербурга, что вызвало резонные сомнения обозревателей в соразмерности подобного локального материала замаху автора на освоение общероссийской проблематики, скептические суждения о том, что «описание новой России в романе производит впечатление виньетки» и выглядит местами «легковесным, проходящим сквозь читательское сознание мутным образным потоком»[3].

Обласканные властью, безоговорочно лояльные Уляшову, затвердившие «установочные речи учителя» псевдоученые предъявили *суровый счет литературоцентричной культуре прошлого*, «зловещим безднам русской литературы», под чьим пагубным влиянием «входили в умы… расхлябанность и необязательность», а также самим писателям – «аристократам и монархистам», пестовавшим у публики имперское сознание. В созвучии с утопической теорией культуры в романе «Мы» Уляшов, который «сам начинал как филолог», уличает литературу в отступлении от идеальной гармонии, формулирует закон тоталитарной эстетики, по которому «истинная красота заключается в экономии средств и в согласованности действий». «Томами Достоевского», то и дело живописующего «поединок пьяных второразрядников», по его оценке, «вымощен… путь к военным преступлениям» и в целом компрометируются формы «докризисной» культуры – с переизбытком расхожих литературных ассоциаций, «засоренностью» речи «осколками литературных текстов», школьным заучиванием стихов, засильем кафедр русской литературы.

В нарочито затянутом, порой сбивающем сюжетный ритм воспроизведении программных монологов Уляшова на тему того, что «книги-то и были виновны в Кризисе», различим остроумный авторский «стеб над дискуссией вокруг переосмысления русской классики»[4] и в то же время выкристаллизовывается *язык новейшей высокотехнологичной, псевдоинтеллектуальной утопии как основы неототалитаризма, совершенствующего механизмы управления культурой и массовым сознанием*.

---

[1] Фантастическая опера. Интервью с автором романа «Табия 32» А. Конаковым.

[2] Там же.

[3] *Проханова М.* Шахматная тоска. О романе Алексея Конакова «Табия тридцать два»: https://zavtra.ru/blogs/shahmatnaya_toska (дата обращения: 16.05.2025).

[4] *Петрова Е.* Литература как источник всех бед: https://m.realnoevremya.ru/articles/323303-literatura-kak-istochnik-vseh-bed (дата обращения: 16.05.2025).

Чрезмерно пестрой, малопредсказуемой и идеологически ненадежной литературе команда Уляшова противопоставила *строгий мир шахматной игры в качестве прообраза мировой гармонии* и предвкушения грядущего «золотого века». Впрочем, из шахматного лексикона в целях борьбы с пресловутым имперским чувством были изъяты батальные понятия и метафоры, стараниями Уляшова «все турнирные сборники прошлого были переизданы с новыми комментариями». Древняя шахматная традиция адаптируется под всеобщее потребление и низводится до эффективного «манипулятивного конструкта»[1], хотя парадоксальным образом в авторском восприятии, «даже оказавшись мрачным орудием господства, сама по себе шахматная игра остается прекрасной»[2].

В колоритной мозаике микросюжетов, частных историй и панорамных планов в романе осмысляются следствия растянувшейся на несколько «посткризисных» десятилетий «шахматизации» языка частного и общественного самовыражения, образования, культуры, повседневной действительности, обнаруживаются проявления мнимо консолидированного движения страны к тому, чтобы «на месте ядовитого бурьяна словесности возникли ухоженные шахматные поля». Как посетовал один рецензент, в произведении умалчивается о том, «что именно ужаснуло нацию настолько, что решение отказаться от собственной культуры далось ей с такой простотой, что уже через пятьдесят лет молодые люди даже не знают, что когда-то существовали Пушкин, Толстой, Достоевский»[3]. Однако этой красноречивой лакуной в сюжетном рисунке выразительно передано *амнезирующее воздействие насильственной утопической пересборки коллективной картины мира*. Школьники теперь учат наизусть не стихи, а шахматные партии; «Берлинская стена» даже для эрудированного аспиранта-гуманитария означает исключительно шахматный термин, лишенный какого-либо исторического содержания; в междометных речевых оборотах прочно утвердились шахматные мемы вроде Каиссы и бонклауда; Царское село давно носит имя Ботвинника; «Синим Ботвинником» называется популярный в городе бар, а раздражительная уборщица в одном из эпизодов в сердцах восклицает: «Под ноги смотреть за тебя Ботвинник будет?»; Юсуповский сад напоминает современникам только о гроссмейстере Артуре Юсупове; об игре в шахматы сочиняются даже неофициальные рок-баллады…

В своем «провокационном романе»[4] посредством шахматных параллелей автор «плетет ткань повествования мастерски и с удовольствием»[5], виртуозно собирает «целую реальность на основе шахмат»[6] и, явно или косвенно перекликаясь с «Защитой Лужина», наделяет шахматы двоякой функцией – «как собственно игры, так и симулякра реальности»[7]. Почти победившая «шахматная» утопия диктует жесткие ограничения информационного поля посредством устранения «еретиков», восстановления системы спецхранов, спецразрешений, гласных и негласных запретов неблагонадежных текстов – особенно на тему сакрализованных шахмат. Не только о речевых новшествах, но и об антропологической деформации с зата-

---

[1] *Юзефович Г.* Вместо Пушкина – Ботвинник! : https://www.kinopoisk.ru/media/article/4009671/ (дата обращения: 16.05.2025).

[2] Фантастическая опера. Интервью с автором романа «Табия 32» А. Конаковым.

[3] *Проханова М.* Шахматная тоска. О романе Алексея Конакова «Табия тридцать два».

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] *Ханипаев И.* «Эта книга вовлекает в игру, опасную для ее персонажей»: https://66.ru/news/freetime/279091/ (дата обращения: 16.05.2025).

[7] *Мошков А.* Алексей Конаков. Табия тридцать два: https://znamlit.ru/publication.php?id=9325 (дата обращения: 16.05.2025).

енной иронией размышляет в романе одна мудрая старушка, на свою беду помнящая Россию до Переучреждения: «Одураченные Пушкиным и Львом Толстым, наши предки пытались применять к миру понятия “истины” и “правды”, а потому склонны были к экзальтации, к истерике и к депрессии; в этом смысле они действительно могли бы показаться кому-то более “живыми” и “искренними”, более, скажем так, “настоящими” и “человечными”. Но мы-то теперь понимаем, что нет никакой абстрактной последней истины, есть только целесообразность; знаем, что истерика непродуктивна, что экзальтация мешает думать, что главное в жизни – точный расчет вариантов и верная оценка позиции». В подтверждение таких оценок молодежная публика в кафе – эта собирательная жертва госманипуляций – беззаботно оперирует универсально-безликим языком шахматных понятий с давно выпотрошенными смыслами, предается веселой болтовне о преимуществах и изъянах различных стилей игры, при этом пьет только чай и вино, поскольку когда-то популярный кофе в пору изоляции превратился в драгоценный элитный напиток для небожителей, а выражение «заварить кофе» незаметно перешло в разряд малопонятных архаизмов.

В романе Конакова теряющие историческую память и существующие в тесных границах социального неблагополучия граждане России 2080-х гг. в своем подавляющем большинстве утратили навык критической оценки современности. Нескончаемые обсуждения виртуальных ходов и диспозиций на шахматной доске заменили им объективное видение того, что, вопреки пропаганде нарастающего изобилия, «многие крупные города стояли практически пустыми; сотни тысяч поселков и деревень просто исчезли», и даже лощеный Петербург «тоже ужался, уменьшился, как бы скукожился… Районы Черной речки на севере города, Большой Охты на востоке и Ближней Рогатки (Московских ворот) на юге считались теперь натуральными медвежьими углами». А начало Переучреждения по зловещему, не замеченному общественным мнением совпадению ознаменовалось для страны неотложной потребностью в «сотнях новых огромных кладбищ».

При очевидной пунктирности прочерченного автором общероссийского фона вряд ли справедливо категоричное мнение о том, что «это роман не о России, не о войне, он о языке и о шахматах»[1]. *Шахматная образность не ограничена у Конакова сферой эстетической игры, а служит метаязыком социального анализа и прогнозирования.* Общественная жизнь по идеологии Д.А.У. устроена подобно шахматному полю с непоколебимыми границами, алгоритмами партий и «наилучших» ходов. Искусственная «демилитаризация» шахмат исключила любые варианты «некорректных ходов» в виде гражданского неповиновения, коллективного пересмотра сценариев «игры», участники которой остаются лишь «говорящими» функциями, но отнюдь не полноправными субъектами социальной жизни. Объявленная Переучреждением борьба с тоталитаризмом имперским оборачивается *тоталитаризмом шахматным*, который в трагическом развитии романного сюжета «оказывается тоненькой ширмой, прикрывающей хаос. Однажды эту ширму начинает трепать бесчеловечный ветер истории»[2].

Композиционную ось романа составляет психологически детализированная история поисков, заблуждений, прозрений и гибели молодого героя-правдоискателя Кирилла Чимахина – выпускника Новосибирского университета, поступив-

[1] *Проханова М.* Шахматная тоска. О романе Алексея Конакова «Табия тридцать два».
[2] *Гулин И.* Народ и партии. «Табия тридцать два»: шахматная Россия будущего: https://www.kommersant.ru/doc/6822218 (дата обращения: 16.05.2025).

шего в аспирантуру к профессору Уляшову с получением вернувшихся из незапамятных времен талонов на питание.

Книжный юноша-интеллектуал – «тощий, лохматый, чуть косящий глазами, и весной, и осенью кутающийся в одну бесформенную кофту» – увлечен историей шахмат, собирается писать диссертацию о «Берлинской стене», наслаждается в столице восторгами первой любви, мечтает «перелететь реку, оказаться на милой Петроградской стороне» у любимой девушки и с фатальной неизбежностью попадает под идеологический прессинг «шахматной» профессуры.

В живо обрисованных университетских кругах 2080-х научный поиск подменяется воспроизведениями «культурно-исторической концепции» учителя-гуру, заучиванием канонизированных трактовок «ключевых фактов» из спекулятивно отредактированной им истории России, превентивной борьбой с «ревизионистами» и творцами «контрфактической истории». Негласный отказ от исследовательской самостоятельности методично вознаграждается Системой перспективой преподавательской должности на кафедре, а также опьяняющим молодого специалиста внушением «чувства приобщения к тайным механизмам истории» и едва ли не мессианского видения себя «хранителем сокровенной тайны, добрым ангелом, защищающим страну от ее темного прошлого». В окрашенной авторской иронией несобственно-прямой речи персонажа сказывается его подверженность коллективной амнезии, поскольку, упиваясь иллюзией освобождения от прошлого, «новые поколения россиян… старались поменьше думать о том, что происходило до Переучреждения». Юный Чимахин до некоторых пор вдохновляется взвинчивающим национальную гордость нарративом о «традиционных шахматных ценностях России», выводит из него подтверждение своей поколенческой избранности, коль скоро «хвала Каиссе, он родился уже в новой, нормальной России… ему не пришлось… жить в докризисную эпоху, когда детей заставляли читать Достоевского».

Вместе с тем в неординарном, ищущем уме этого героя культурно «перепрошитого» и «спасенного» от литературы поколения исподволь мелькают сомнения в повсеместной апологии «карантинного» изоляционизма, в профессорских «постулатах» о России как «последней твердыне честной человеческой игры». Неутоленная жажда давно упраздненных в ученом сообществе открытых дискуссий, внутренние вопрошания о том, «с кем обсудить?.. что же произойдет, когда карантин снимут?!», точно ли, что «до Переучреждения культура была незаметна большинству», – делают Кирилла чувствительным к крамольным выпадам Бориса Брянцева – одаренного «левого интеллектуала»[1], блестящего переводчика с латыни, выступающего в амплуа то юродивого маргинала, то циничного пьяницы и при этом жестко оценивающего посткризисную Россию как «высокоэффективную колонию», измыслившую «искусственно созданный культ шахмат» для того, чтобы «анестезировать народную душу».

Решающим событием в эволюции молодого правдоискателя и сюжетным импульсом стремительного развития линии интеллектуального детектива становится знакомство и сближение Кирилла Чимахина с Александром Броткиным. Весьма выразителен в романе этот образ мятежного ученика Уляшова, талантливого преподавателя и ученого, переродившегося в убежденного «еретика», в того, о ком «нельзя говорить», в изгнанного из официального сообщества «извращенца», прозябающего инкогнито на симптоматично поименованной кафедре «анализа за-

[1] Фантастическая опера. Интервью с автором романа «Табия 32» А. Конаковым: https://orden-bezdna.livejournal.com/2259077.html?es=2 (дата обращения: 16.05.2025).

крытых начал». Дерзкий аспирант Чимахин движим «природным любопытством и желанием добыть новую информацию», он недоумевает, кто мог за него решить, что ему «не следует читать» некоторых изъятых из открытого библиотечного фонда статей, прорывается к оппозиционеру-изгою сквозь зашифрованные по аналогии с секретными военными объектами кафедральные пространства и пытливо вникает в «порочную практику» «еретиков», которые – прямо по-замятински – «прекрасной, почти божественной симметрии» возвеличенных государством шахмат противопоставили необходимость допустить переменное, случайное расположение фигур в исходной позиции.

Феноменальный книгочей Броткин, чья «тесная однокомнатная квартира» была «уставлена книгами», героически, под угрозой осуществившейся в итоге расправы реконструировал старую, запрещенную и переписанную Уляшовым литературу о шахматах. С опорой на замолчанные труды теоретиков он обосновал опасность фатальной «ничьей» в классической шахматной партии, вычислил «табию 32» и доказал, что «любые партии, играемые из этой табии тридцать два, обязательно заканчивались вничью». «Еретические» варианты игры с вольной расстановкой фигур были продиктованы научно аргументированным осознанием Броткиным, его предшественниками и тайными учениками пугающей перспективы «ничейной смерти» шахмат, гарантированной «ничьей» в любой партии и конечной профанации самой игры, из которой «уйдет неожиданность, уйдут дерзкие атаки и комбинации».

Построения Броткина – ученого-отшельника, внешне опустившегося до трагикомического сходства с «нелепой старухой», а также колебания аспиранта-правдолюбца, все еще очарованного Системой и априорным превосходством «нормальной шахматной игры», *соотносят шахматный мир с траекториями социального развития*. Броткин проговаривается о своих оппозиционных политических взглядах на «тотальную изоляцию нашей страны» как «сказку для внутреннего пользования», патетически свидетельствует об альтернативных шахматах с 960-ю стартовыми конфигурациями как воплощении выстраданного им нравственного кредо: «Я сделался апостолом девятьсотшестидесятничества; в этом моя цель и мой путь. И вы тоже, Кирилл, вы тоже станете таким апостолом…».

Броткинская Табия 32 считывается как оригинальная метафора общественного регресса, формула неотвратимой деградации и самоисчерпания гражданской жизни, где заведомо «ничейный» результат обессмысливает здоровую конкуренцию игроков, отменяет творческие поиски новых ходов и комбинаций – ради гарантированного триумфа провозглашенной Д.А.У. «современной свободной Переучрежденной России», в которой с математической неизбежностью инакомыслящий ученый, «угрожавший традиционным шахматам, был убит именно шахматными книгами».

Детективный поворот сюжета, обусловленный неумело замаскированным устранением Броткина, влечет как психологическое углубление характера его продолжателя Чимахина, так и движение художественной мысли к социокультурным прозрениям. Центральный персонаж выводится из традиционной парадигмы повествования о беспомощном «маленьком человеке в тисках тоталитарной машины»[1], отчасти сближается с фигурой Павла Чжана из романа В. Богдановой 2021 г.[2], возвышается до выбора «героического и трагического без всяких

[1] *Мошков А.* Алексей Конаков. Табия тридцать два.

[2] *Ничипоров И.Б.* «Павел Чжан и прочие речные твари» Веры Богдановой: опыт художественной футурологии // Филология и культура. 2022. Т. 68. № 2. С. 70–82.

кавычек»[1]. Из дотошного аспиранта, любителя каверзных вопросов и искателя отвлеченной справедливости, усомнившегося в догме о «завидном пути в Переучрежденной России», он вырастает в бескомпромиссного поборника научной истины, ценой карьеры и своей безопасности прорывает библиотечную блокаду неудобной властям информации и даже всесильного Д.А.У. вынуждает на саморазоблачающий монолог.

Риторически и содержательно итоговая отповедь Уляшова перед еще одним «несистемным» учеником примечательна ловкой каталогизацией штампов о «едином логичном сюжете» событий, «стабильности огромной страны», манипулятивным приписыванием шахматам благотворного политтехнологического влияния не только на «темные страсти нашего народа», но и на весь ход истории, ибо они якобы «спасают от империализма и от новых войн». Смысловым ядром этого инквизиторского манифеста выступает *тоталитарная псевдофилософия культуры* как «саморегулирующейся системы», чурающейся поиска истины, поскольку очевидное не только для бунтаря Броткина, но и для Д.А.У. знание о «смерти» шахмат «приведет к мгновенному краху культуры, которая скрепляет сейчас общество». Пропагандируемая им «новая культура» отстаивает приоритет государственной «целесообразности» и мыслится как жестко функциональная, репрессивная институция, которая «способна уничтожить любого, кто, привлеченный ее тайнами, неосторожно полезет внутрь».

Отчаяние молодого героя и его гибель в результате возможного самоубийства тонко мотивированы в финале романа неразрешимым для него противоречием между нравственной потребностью в публичном развенчании шахматного кумира – и усугубленным доводами Уляшова страхом причинить травму заблуждающимся соотечественникам, подорвать их веру в пусть и ложную, но поддержанную искренними усилиями многих простых людей конструкцию общественного бытия: «Кирилл завтра же должен сообщить всем о “ничейной смерти” шахмат, наступившей более двадцати лет назад, в 2058 году, о многолетнем обмане, в котором держали россиян. Морок должен развеяться! Но… ведь Кирилл – не Уляшов. В эпоху Переучреждения Д.А.У. без малейших сомнений уничтожил прежнюю, литературоцентричную культуру России; стер ее с лица земли, выбросил на свалку истории, от-ме-нил. И так легко! Готов ли Кирилл с такой же легкостью уничтожить теперь всю российскую культуру шахмат?.. Нет, Кирилл не имеет права покушаться на шахматную культуру – единственную, быть может, отраду миллионов людей в этой бедной, холодной, печальной стране».

Самозабвенным бегством от «гнетущего знания» о современности, о том, что теперь «любой ход вел к гибели», оказывается для героя Конакова знакомое набоковскому Лужину растворение в бесстрастной «шахматной» отвлеченности мироздания, переданное, по замыслу автора, посредством визуальной отсылки к записи ходов в столбик[2]:

Рассвет.
Тоска.
Река.
И черными белыми полями квадратные круги по воде… Но никакого Кирилла Геннадьевича не было.

[1] *Юзефович Г.* Вместо Пушкина – Ботвинник!
[2] Алексей Конаков: «Мне хочется написать книгу, посвященную супам» [Интервью А.Секисову]: https://unost.org/texts/intervyu/aleksej-konakov-mne-hochetsya-napisat-knigu-posvyashhennuyu-supam/ (дата обращения: 16.05.2025).

Итак, антиутопия Алексея Конакова входит в контекст современной художественной футурологии. Мир шахмат выведен здесь как проекция интеллектуальных поисков, примет повседневности и вместе с тем как разросшийся до гротеска инструмент тотальной идеологизации, радикального «переучреждения» культуры, исторического знания, общественной жизни, индивидуального и коллективного мышления, языковой картины мира в целях построения очередной модели национального процветания. В шахматных коллизиях образно преломляются вехи и провалы социальной истории, а рефлексии о «ничейных» тупиках игры выводят к эпохальным прогнозам и обобщениям. Незаурядные герои-правдоискатели погружаются в научные поиски и вычисления, становятся жертвами не только Системы и массового отчуждения, но и мучительного выбора между иллюзорно справедливым, безапелляционно гарантирующим народное благо порядком и назревшими разоблачениями общественной лжи.

ЛИТЕРАТУРА

Алексей Конаков: «Мне хочется написать книгу, посвященную супам» [Интервью А.Секисову]: https://unost.org/texts/intervyu/aleksej-konakov-mne-hochetsya-napisat-knigu-posvyashhennuyu-supam/ (дата обращения: 16.05.2025).

Гулин И. Народ и партии. «Табия тридцать два»: шахматная Россия будущего: https://www.kommersant.ru/doc/6822218 (дата обращения: 16.05.2025).

Конаков А. Табия тридцать два. М., Индивидуум, 2024.

Мошков А. Алексей Конаков. Табия тридцать два: https://znamlit.ru/archive.html?id=345 (дата обращения: 16.05.2025).

Ничипоров И.Б. «Павел Чжан и прочие речные твари» Веры Богдановой: опыт художественной футурологии // Филология и культура. 2022. Т. 68. № 2. С. 70–82.

Петрова Е. Литература как источник всех бед: https://m.realnoevremya.ru/articles/323303-literatura-kak-istochnik-vseh-bed (дата обращения: 16.05.2025).

Проханова М. Шахматная тоска. О романе Алексея Конакова «Табия тридцать два»: https://zavtra.ru/blogs/shahmatnaya_toska (дата обращения: 16.05.2025).

Фантастическая опера. Интервью с автором романа «Табия 32» А. Конаковым: https://orden-bezdna.livejournal.com/2259077.html?es=2 (дата обращения: 16.05.2025).

Ханипаев И. «Эта книга вовлекает в игру, опасную для ее персонажей»: https://66.ru/news/freetime/279091/ (дата обращения: 16.05.2025).

Юзефович Г. Вместо Пушкина – Ботвинник! : https://www.kinopoisk.ru/media/article/4009671/ (дата обращения: 16.05.2025).

REFERENCES

Alexey Konakov: “I want to write a book about soups” [Interview with A. Sekisov]: https://unost.org/texts/intervyu/aleksej-konakov-mne-hochetsya-napisat-knigu-posvyashhennuyu-supam/ (date accessed: 16.05.2025).

Gulin I. People and Parties. Tabiya Thirty-Two: Chess Russia of the Future: https://www.kommersant.ru/doc/6822218 (date accessed: 16.05.2025).

Konakov A. Tabiya Thirty-Two. Moscow. Individual Publ. 2024.

Moshkov A. Alexey Konakov. Tabiya Thirty-Two: https://znamlit.ru/archive.html?id=345 (date accessed: 16.05.2025).

Nichiporov I.B. “Pavel Zhang and other river creatures” by Vera Bogdanova: The Experience of Artistic Futurology. *Philology and Culture*. 2022. Vol. 68. No 2, pp. 70–82.

Petrova E. Literature as a Source of All Troubles: https://m.realnoevremya.ru/articles/323303-literatura-kak-istochnik-vseh-bed (date accessed: 16.05.2025).

Prokhanova M. Chess Tosca. About Alexey Konakov’s Novel “Tabiya Thirty-Two”: https://zavtra.ru/blogs/shahmatnaya_toska (date accessed: 16.05.2025).

Fantastic Opera. Interview with the author of the novel “Tabiya 32” A. Konakov: https://orden-bezdna.livejournal.com/2259077.html?es =2 (date accessed: 16.05.2025).

Khanipaev I. “This book involves a game that is dangerous for its characters”: https://66.ru/news/freetime/279091/ (date accessed: 16.05.2025).

Yuzefovich G. Instead of Pushkin, Botvinnik! : https://www.kinopoisk.ru/media/article/4009671/ (date accessed: 16.05.2025).

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilia B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
il-boris@yandex.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-16-23

В.Г. Моисеева (Москва, Россия)

Между романом и романсом: жанровая специфика «Ополченского романса» З. Прилепина

Аннотация: В статье рассматривается полисемия авторского обозначения жанра (ополченский романс, «14 треков в разном ритме»), раскрывающего механизмы нарративной стратегии в книге Захара Прилепина «Ополченский романса», а также формы реализации этой стратегии в тексте. Сопоставление с книгой М. Степановой «Памяти памяти: романс» позволяет показать, как сходные литературные приемы, включенные в разные культурно-эстетические парадигмы служат для создания принципиально разных моделей миры. Рассматривая вопрос о традициях художественного цикла, нашедших отражение в книге Прилепина, автор статьи обращается к творчеству М. Горького, в частности его циклу очерков и рассказов «По Руси», и приходит к выводу о близости авторских идейных установок, отразившихся в текстах обоих произведений и определивших в обоих случаях основные черты повествовательной структуры.

Ключевые слова: роман, романс, литературный цикл, авторская нарративная стратегия, З. Прилепин, М. Горький, донбасский текст, «Ополченский романс», «По Руси»

V.G. Moiseeva (Moscow, Russia)

Between a Novel and a Song: Genre Peculiarities of Z. Prilepin's "Volunteer's Song" ("Opolchensky Romans")

Abstract: The article analyses the polysemy of the author's nomination of the genre (volunteer's song, "14 tracks in different rhythms"), which reveals the mechanisms of the narrative strategy in Zakhar Prilepin's "Volunteer's Song" ("Opolchensky Romans"), as well as the forms of implementation of this strategy in the text. A comparison with M. Stepanova's "In Memory of Memory: A Romance" shows that similar literary techniques, included in different cultural and aesthetic paradigms, are be used to create fundumentally different models of the world. The traditions in Prilepin's creation are inquired in comparison with works of M. Gorky, particularly the cycle of essays and stories "Across Rus' " The conclusion done of the closeness two author's ideological attitudes, determed in both cases the main features of the narrative structure.

Key words: novel, song, literary cycle, author's narrative strategy, Zakhar Prilepin, Maxim Gorky, Donbass text, "Volunteer's Song" ("Opolchensky Romans"), "Across Rus' "

Когда в 2020 г. «Ополченский романс» Захара Прилепина вышел в свет, в большинстве отзывов отмечалось, что это первое в полном смысле слова художественное произведение о донбасской войне: «…в русской литературе пока нет ни одного крупного текста, осмысляющего опыт донбасской войны. Есть тексты, опыт войны передающие, фиксирующие. Среди них даже есть хорошие. Но осмысления, рефлексии, отстранения взгляда без отстранения сердца – до сих пор нет. "Ополченский романс" в этом плане книга-прорыв», – писала Анна Долгарева, правда, дальше она несколько корректирует свою оценку: «Впрочем, в описании героев Прилепину не всегда удается сохранить эту отстраненность: рисуя своих персонажей, он искренне, заразительно любуется ими»[1]. Эти две, казалось бы, разнонаправленные стратегии повествования можно определить как доминантные черты образа «образцового автора» в «Ополченском романсе». Термин «образцовый автор» был предложен Умберто Эко как более точное обозначение того, что «в любой эстетической теории называется "стилем"», поскольку «термин "стиль" и слишком широк, и слишком узок. Он заставляет нас предположить, что образцовый автор, говоря словами Стивена Дедала, замкнут в своем совершенстве, «как Бог-творец, остается внутри, или позади, или поверх, или вне своего создания, невидимый, утончившийся до небытия, равнодушно подпиливающий себе ногти». С другой стороны, образцовый автор – это голос, обращающийся к нам с приязнью (или надменностью, или лукавством), который хочет видеть нас рядом с собой. Этот голос проявляется как совокупность художественных приемов, как инструкция, расписанная по пунктам, которой мы должны следовать, если хотим вести себя как образцовые читатели»[2]. Таким образом, «автор – это текстовая стратегия, определяющая семантические корреляции и требующая, чтобы ей подражали»[3], – стратегия создания, «воспитания» образцового читателя.

Одна из важных составляющих этой стратегии – жанр произведения, особенно в том случае, когда тем или иным способом автор фокусирует на нем внимание: комментарием, обозначением жанра, которое не может быть не замеченным читателем в силу того, что привычное представление, вызывающее определенные «жанровые ожидания», очевидно расходится с впечатлением от текста.

Прилепин в заглавии использует жанровое определение «романс», которое в представлении большинства читателей связано с поэтической и музыкальной формой и, естественно, может даже вызвать удивление, когда видишь его на обложке произведения прозаического. Таким образом автор задает определенный вектор прочтения (если, конечно, читающий готов взять на себя роль «образцового читателя», подчиняясь авторской стратегии) произведения как лирического и в плане авторской сопричастности изображаемому миру, и в том смысле, что внимание направлено прежде всего на человека, раскрытие его внутреннего мира. Как писала критик Ольга Андреева: «Прилепин изучает не политическую историю современной Украины и донбасской войны, а тот механизм выбора меж-

[1] *Долгарева Анна*. «Живым не прощают ничего». О книге Захара Прилепина «Ополченский романс»: https://pechorin.net/articles/view/zhivym-nie-proshchaiut-nichiegho-o-knighie-zakhara-priliepina-opolchienskii-romans

[2] *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2003. С. 31–32.

[3] *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. С. 48.

ду добром и злом, который, однажды включившись, разводит людей по разные стороны баррикад. Почему и как происходит этот выбор – вот, пожалуй, главный вопрос автора»[1].

Сам автор, комментируя название книги, обосновывает его наличием романсных сюжетных мотивов: «У меня было опасение, что само название книги – “Ополченский романс” – подействует раздражающе на часть публики, но я решил его оставить. Название отвечает сути текста: в каждом третьем рассказе есть обязательный любовный, или романсовый, сюжетный мотив: одна война – три судьбы»[2]. Однако жанровое обозначение используется автором не только для определения одной из тональностей повествования и сюжетных особенностей, но и для характеристики нарративной стратегии в целом. «14 треков в разном ритме» – интермедиальность текста Прилепина проявляется и в наличии музыкального ритма в каждой из 14 частей текста, и в композиции произведения, повторах и перекличках деталей, эпизодов, что в свою очередь «работает» на целостность восприятия текста: «Если вслушаться в треки-рассказы, можно расслышать, как они звучат: первый – медленно и протяжно, затем темп убыстряется, убыстряется, ударные звучат как автоматные очереди, и затем – чистый, сильный, лирический финал, в котором можно уловить отзвуки русской народной песни; ну вот, в общем, и пересказала»[3]. Надо учитывать, что для Прилепина, в жизни которого есть место и музыке: он инициатор, автор и участник записи нескольких музыкальных альбомов, такая характеристика книжного теста по сути декларация сближения разных по своей природе, с его точки зрения[4], форм художественного высказывания[5].

Можно предположить, что этим не исчерпывается содержательная наполненность жанрового обозначения. Происхождение термина романс (франц. romance, от позднелатинского romanice, букв. – по-романски, на родном наречии) указывает на «соприродность» этого жанра роману. Исследовательница истории развития в России жанра романса отмечает: «Со времени своего появления в России в самые яркие моменты развития художественной культуры романс играл немаловажную роль, подчас не только олицетворяя чаяния какого-либо одного социального пласта, но и выражая суть всей эпохи. И сегодня судьба романса является отражением существенных процессов, происходящих в культуре: речь идет о динамике положения личности в современном обществе, отношения личности и “массы”, массовой и элитарной культур, а следовательно, на глубинном уровне – отношения в самом человеке внутреннего и внешнего, духовного и физического, эмоционального и рационального, интимного и социального»[6]. Романс так же близок к сфере настоящего в значении современного, как и роман, так же многогранен в плане содержания и гибок, пластичен в плане структуры.

Видимо, этим и определяется возможность сопряжение двух жанровых форм. Такого рода эксперимент мы наблюдаем не только в книге Прилепина, но и, на-

---

[1] *Андреева Ольга*. Новый роман Прилепина: на чьей стороне ангелы? : https://www.chitalnya.ru/federation/4646/

[2] Цит. по: *Толстоухова Н*. Романс о Донбассе // Российская газета. 2020. 30 авг. № 193(8247).

[3] *Долгарева Анна.* «Живым не прощают ничего». О книге Захара Прилепина «Ополченский романс».

[4] Из интервью Захара Прилепина: «это же не книга, где это другими средствами преподносится / пластинка «Охотник», 2020: http://www.newlookmedia.ru/?p=58090

[5] Более подробный разбор функций музыкальных элементов и экфрасисов в «Ополченском романсе» см. в ст.: *Маркова Т.Н.* «Ополченский романс» Захара Прилепина: новое слово о войне // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. Вып. 2. С. 88–98.

[6] *Черва В.Е*. Романс в истории русской художественной культуры: Дисс. ... канд. культурол. наук. СПб., 1999: https://www.dissercat.com/content/romans-v-istorii-russkoi-khudozhestvennoi-kultury

пример, у Марии Степановой в книге «Памяти памяти: романс» (2017). Здесь, как и у Прилепина, романсная основа текста проявляется не только в характерной для этого жанра лирической тональности, поэтичности, но и в композиционных особенностях[1], вместе с тем о романном начале в обоих произведениях позволяет говорить масштабность повествования и осмысления изображаемого. Однако в данном случае использование во многом схожих стратегий построения художественного высказывания указывает лишь на общие в целом для культуры процессы деканонизации жанровых форм. Интереснее и, на наш взгляд, более важно обратить внимание на различия целей использования сходных художественных приемов, – различия, обусловленные разными эстетическими и мировоззренческими парадигмами, внутри которых бытуют рассматриваемые тексты. У Степановой, чей текст ориентирован на постмодернисткий исторический дискурс, расширенный до романного хронотопа романс-эпитафия ушедшим поколениям предстает как эпитафия самой памяти, на что и указывает заглавие – памяти памяти: финал книги открытый, прошлое остается неразгаданным в системе заданных постмодернистической парадигмой координат в силу того, что в этой парадигме отсутствует категория будущего. У Прилепина, чье творчество «прописано» в эстетическом пространстве неореализма XX–XXI вв., «Ополченский романс» – это слово о настоящем, обращенное в будущее; определение «ополченский» звучит и как посвящение, указывая на героя романса, и как обозначение коллективного авторства, и в основе этого единства вера в жизнь, в безусловность ее первоначал: «...при ближайшем рассмотрении почти все ополченцы оказывались на редкость добры и жизнелюбивы. И некая, касающаяся больших политических вопросов, ополченская наивность только подтверждала общее впечатление. Оттого, что наивность эта – взрастала на вере в саму возможность существования истины и добра. Они считали себя носителями правды объемной и важной настолько, что их конкретная жизнь на этом фоне становилась почти невесомой»[2].

«Ополченский романс», как мы уже говорили, включает 14 рассказов (в основном новеллистического характера), объединенных героями, повторяющимися мотивами. Характеристики жанра «Ополченского романса» исследователями располагаются между двумя полюсами: «роман в рассказах» (А. Колобродов), цикл рассказов со сквозными героями (Вл. Душин). Очевидно, что различия в обозначении жанра отражают оценку критиками целостности текста. Прилепин к данной жанровой форме обращался и раньше: сборник «Грех» (2007) имел подзаголовок «роман в рассказах»; презентуя сборник «Семь жизней» (2016), автор отсылает читателя к одноименному рассказу Хорхе Луиса Борхеса «Сад расходящихся тропок» («El jardín de senderos que se bifurcan»): «...когда человек встает на одну тропку, а мог бы сделать шаг влево или шаг вправо и прийти… куда-то в совсем другую жизнь? Или в другую смерть? Или туда же? Эта книжка – попытка сходить во все стороны, вернуться и пересказать, чем все закончится»[3]. Родственна двум названным произведениям жанровая структура написанной позже книги «Собаки и другие люди» (2023), в которой создается портрет, – воспользуемся словом, часто употребляемым самим писателем, – родни, того духовного пространства, внутри которого каждая жизнь обретает ценность и уникальность,

[1] О жанровых особенностях книги М. Степановой мы говорили в статье «“Памяти памяти” М. Степановой – романс о прошлом и настоящем» // Stephanos. 2022. №3(53). С. 20–27.
[2] *Прилепин З.* Ополченский романс. М.: АСТ: Neoclassik, 2024. С. 253.
[3] *Прилепин З.* Семь жизней: рассказы. М., 2016. С. 4.

в чем книга близка «Ополченскому роману», но только это портрет, вписанный в рамку мирного, а не военного времени.

Неоднократно с момента появления «романа в рассказах» «Грех»[1] в критике, в читательских отзывах звучали упреки в адрес писателя, что выбранная им форма организации художественного текста свидетельствует о неспособности работать в жанре крупной эпической формы. Надо отметить, что эти отзывы отражают частный случай скептической оценки наблюдаемой в современной литературе тенденции романизации малых форм путем собирания их в единый текст – цикл, сборник. «Роман, который оказывается собранием рассказов, – это не более чем гениальный обман и шутка. Готовность малой формы мимикрировать под большую, притвориться чем-то иным, перекликается с постмодернистскими тезисами и переводит жанр “сборник рассказов” в издательский формат, предполагающий единую фабулу, большой объем и другие романные признаки, у него отсутствующие»[2]. На наш взгляд, такого рода скептицизм объясним, но не оправдан, поскольку само по себе соблюдение формальных признаков романа (объем, хронотоп, структура системы персонажей и пр.) не гарантирует романного содержания, особого ви́дения реальности. Думается, более продуктивно рассматривать «роман в рассказах» в литературе 2000-х гг., учитывая интерес к этой форме очень разных писателей, как отражение общих социокультурных процессов, связанных с кризисом сознания человека в информационном сообществе XXI в. Естественно, что изменение сознания влечет за собой появление в сфере культуры новых художественных форм, в частности в литературе – новых жанров. При исследовании творчества отдельных авторов важно анализировать жанровую форму как часть общей авторской нарративной стратегии, только при таком подходе сможем увидеть, насколько обращение к выбранной жанровой форме определено материалом повествования и образом реальности, представленным в нем, понять заданную автором стратегию прочтения произведения и оценить форму ее реализации. Вместе с тем разговор о новаторстве или традиционности той или иной жанровой формы возможен только внутри исторического контекста, вне которого не существует того, что называется «памятью жанра».

Говоря о литературной традиции, с которой соотносится «Ополченский романс», критики называют имена И. Бабеля (имеется в виду «Конармия»), европейских писателей так называемого «потерянного поколения»[3]; встречается упоминание А. Блока (утверждается, что Прилепин отчасти приближается к Блоку с его идеей «Музыки революции»)[4]. Нам представляется важным назвать еще одно имя – Максима Горького.

---

[1] См.: *Юферова А.А*. Проблема жанрового определения книги Захара Прилепина «Грех» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. Межкультурная коммуникация. 2010. № 4(2). С. 997–999.

[2] *Ганиева А.А.* Изобретение малой формы // Октябрь. 2008. № 7: http://magazines.russ.ru/october/2008/7/ga16.html

[3] См., например: *Родионов И.* Кентавры и люди. О книге Захара Прилепина «Ополченский романс» // Pechorin.Net, 07.12.2020: https://pechorin.net/articles/view/kientavry-i-liudi-o-knighie-zakhara-priliepina-opolchienskii-romans; *Александрова В.Г., Жиркова Е.А*. Военная проза З. Прилепина и традиция западной межвоенной литературы: между полемикой и рецепцией // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 160–167: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-160-167

[4] *Жиркова Е.А., Александрова В.Г.* Поэтика цикла З. Прилепина «Ополченский романс»: коллизия образов детства, музыки и смерти как основа мотивной системы текста // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2021. № 10(163). С. 251.

Среди первых откликов на публикацию повести «Санькя» (2006) обращает на себя внимание статья Павла Басинского с провокационным перефрастическим заголовком «Новый Горький явился»[1], в которой повесть сравнивается с романом «Мать» как истории революционеров разных поколений. Удивительно, что в дальнейшем, – если и встречаются упоминания параллелей в творчестве обоих писателей, то не часто, – нет серьезных сравнительно-сопоставительных исследований, хотя их «родство» не только по месту «прописки» – нижегородские писатели, но и в плане мировоззренческом и творческом очевидно. На некоторые очевидные параллели именно в связи с рассмотрением жанровой природы «Ополченского романса» и цикла Горького «По Руси» мы хотели бы обратить внимание.

Готовя к изданию собранные в цикл рассказы, изданные до этого в разных периодических изданиях, в 1912 г. Горький в письме редактору «Вестника Европы» Д.Н. Овсянико-Куликовскому делится своими мыслями о названии цикла: «Не знаю, как озаглавить мне очерки, посланные Вам. Я имел дерзкое намерение дать общий заголовок “Русь. Впечатления проходящего”, – но это будет, пожалуй, слишком громко. Я намеренно говорю “проходящий”, а не “прохожий”: мне кажется, что прохожий не оставляет по себе следов, тогда как проходящий – до некоторой степени лицо деятельное и не только почерпающее впечатления бытия, но и сознательно творящее нечто определенное. Может быть, Вы согласитесь дать заголовок “Впечатления проходящего“, – откинув слишком широкое и требовательное слово “Русь”? Я затеял ряд очерков, подобных посланным, – мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их». Овсянико-Куликовский предложил писателю остановиться на названии «По Руси» – с подзаголовком: «Записки (или впечатления) проходящего». Заглавие в разных изданиях еще претерпит ряд трансформаций, изменится и состав цикла, когда в него будут включены 18 произведений из сборника «Ералаш и другие рассказы» (1918), – неизменным остается авторское стремление собрать в единое целое пестрые картины жизни, – целое, которое должно сложиться в образ Руси, дать представление об авторском понимании современного ему русского человека. По сути, ту же задачу ставит перед собой и Прилепин, только ограничивая свое художественное исследование определенным историческим хронотопом – Донбасс в 2014 году, но в обоих случаях обращение к прошлому (более далекому у Горького и близкому у Прилепина) имеет целью понимание настоящего и «освещение путей к будущему» в эпоху общенациональных перемен. «Мы живем во дни чрезвычайно трудные, требующие настоятельно упорной, организационной работы. Мы должны заняться духовным “собиранием Руси”, делом, которого никто еще не делал упрямо и серьезно...» – писал Горький в 1913 г. Позволим себе предположить, что под этими строчками мог бы подписаться и Прилепин. Жанровая модель цикла позволяет художественно оформить важные для обоих писателей идеи пестроты жизни, где есть место всему: милосердию и жестокости, любви и ненависти, жизни и смерти, – и духовного «собирания». Как писал Горький в письме Л. Андрееву, «Русь надо любить, – надо будить в ней энергию, сознание ее красоты, силы, чувство собственного достоинства, надо прививать ей ощущения радости бытия...»[2]. Установкой на такого рода созидательную деятельность заданы те черты образа

[1] Российская газета (Центральный выпуск). 2006. 15 мая. № 4066.

[2] Письма Горького цит. по: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 14: Повесть. Рассказы. 1912–1917. М., 1972. С. 581–582.

повествователя у Горького, о которых он говорил в письме Овсянико-Куликовскому. И лирическое начало в цикле Горького определяется не столько автобиографической их основой, сколько чувством сопричастности «проходящего» ко всему, с чем сталкивает его жизнь, сопричастности, проявляемой на разных уровнях: эмоциональном, рефлексивном, просто как участника событий. Хотя в «Ополченском романсе» Прилепин выбирает принципиально другую модель повествования – от лица неперсонифицированного повествователя, образ автора в произведении во многом близок горьковскому «проходящему». Об этом свидетельствует субъективность оценок, лирическая окрашенность текста, о чем мы уже говорили, а также то, что в произведении появляется персонаж, в образе которого очевидны автобиографические черты, – комбат Лесенцов, одно из основных действующих лиц произведения. Евгений Николаевич Прилепин в художественном тексте, как и в жизни, стремится «сходить во все стороны, вернуться и пересказать, чем все закончится».

ЛИТЕРАТУРА

Ганиева А.А. Изобретение малой формы // Октябрь. 2008. № 7: http://magazines.russ.ru/october/2008/7/ga16.html (дата обращения: 29.05.2025)

Жиркова Е.А., Александрова В.Г. Поэтика цикла З. Прилепина «Ополченский романс»: коллизия образов детства, музыки и смерти как основа мотивной системы текста // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2021. № 10(163). С. 247–252.

Критика о книге З. Прилепина Ополченский романс: https://zaharprilepin.ru/ru/pressa/stati-o-knige-opolchenskij-romans/ (дата обращения: 29.05.2025).

Маркова Т.Н. «Ополченский романс» Захара Прилепина: новое слово о войне // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. Вып. 2. С. 88–98. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-2-88-98

Черва В.Е. Романс в истории русской художественной культуры: Дисс.... канд. культурол. наук. СПб., 1999: https://www.dissercat.com/content/romans-v-istorii-russkoi-khudozhestvennoi-kultury (дата обращения: 29.05.2025).

Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2003. 285 с.

Юферова А.А. Проблема жанрового определения книги Захара Прилепина «Грех» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. Межкультурная коммуникация. 2010. № 4(2). С. 997–999.

REFERENCES

Ganieva A.A. Invention of the Small Form. *Oktyabr*. 2008. No 7: http://magazines.russ.ru/october/2008/7/ga16.html (date accessed: 29.05.2025).

Zhirkova Ye.A., Aleksandrova V.G. Poetics of the Circle “Militia romance” by Z. Prilepin: The Collision of the Images of Childhood, Music and Death as the Basis of Motive System of Text. *Izvestia of the Volgorad State Pedagogical University. Philological Sciences.* 2021. No 10(163), pp. 247–252.

Critics on Z. Prilepin’s Book “Volunteer’s Song”: https://zaharprilepin.ru/ru/pressa/stati-o-knige-opolchenskij-romans/ (date accessed: 29.05.2025).

Markova T.N. ‘Militia Romance’ by Zakhar Prilepin: a New Word about War. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2024. Vol. 16. Issue 2, pp. 88–98. DOI: 10.17072/2073-6681-2024-2-88-98

Cherva V.Ye. (1999) Romance in the History of Russian Artistic Culture. Thesis. St. Petersburg: https://www.dissercat.com/content/romans-v-istorii-russkoi-khudozhestvennoi-kultury (date accessed: 29.05.2025).

Eco U. (2003) Six Walks in the Fictional Woods. St. Petersburg. 285 p.

Yuferova A.A. The Problem of Genre Definition of Zakhar Prilepin's Book "The Sin". *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Literary Studies and Cross-Cultural Communication.* 2010. No 4 (2), pp. 997–999.

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria Moiseeva,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
moisvik44@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-24-33

UDC: 811.222.8’28

Б.П. Ашрапов (Республика Таджикистан, Худжанд)

Сравнительный анализ морфосинтаксических особенностей английского предлога On и его эквивалентов в таджикском и китайском языках

Аннотация: В данной статье дан сравнительный лингвистический анализ использования английского предлога on и его функциональных эквивалентов в таджикском и китайском языках. Методология включает анализ параллельных конструкций и контрастных языковых приемов, выявленных с помощью справочных грамматик, корпусов и, в частности, с помощью примеров, взятых из «Воспоминаний» Садриддина Айни для таджикского языка. Анализ подчеркивает существенные расхождения: английский язык опирается на многозначный предлог on в пределах относительно фиксированной структуры SVO; таджикский язык использует ряд предлогов (*bar, dar, ba*), послелогов (*rūi*), иносказаний (*dar boloi*) и послелог (*-ro*, косвенно взаимодействующий с местоположением) в пределах более гибкой структуры SOV; китайский язык использует оболочки (*zài, dào*), локативные частицы (*shàng*) и глагольные дополнения в рамках тематически значимой структуры SVO. Результаты показывают, как различные морфологические инвентари (склонение, агглютинация, деривация, отсутствие таковых) и синтаксические конфигурации формируют выражение, казалось бы, универсальных пространственных и абстрактных концепций.

Ключевые слова: предлоги, контрастивная лингвистика, морфо-синтаксис, типология, английский, таджикский, китайский, пространственные отношения, эквивалентность

B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)

A Comparative Analysis of the Morpho-Syntactic Peculiarities of English Preposition *On* and Its Equivalents in Tajik and Chinese

Abstract: The given article dwells on a comparative linguistic analysis focusing on the English preposition *on* and its functional equivalents in Tajik and Mandarin Chinese. The methodology involves analyzing parallel constructions and contrasting linguistic devices identified through reference grammars, corpora, and specifically through examples drawn from “Reminiscences” Sadriddin Aini for Tajik. The analysis highlights significant divergences: English relies on the polysemous preposition *on* within a relatively

fixed SVO structure; Tajik employs a range of prepositions (*bar, dar, ba*), postpositions (*rūi*), circumpositions (*dar boloi*), and postposition (*-ro* indirectly interacting with location) within a more flexible SOV structure; Chinese utilizes covers (*zài, dào*), locative particles (*shàng*), and verb complements within a topic-prominent SVO structure. The findings underscore how distinct morphological inventories (inflection, agglutination, derivation, lack thereof) and syntactic configurations shape the expression of seemingly universal spatial and abstract concepts.

Key words: prepositions, contrastive linguistics, morpho-syntax, typology, English, Tajik, Chinese, spatial relations, equivalence

1. INTRODUCTION

1.1. BACKGROUND

It is common-knowledge that prepositions encompassing postpositions, and circumpositions constitute a fundamental functional category across human languages serving as essential grammatical elements for encoding a wide array of relational concepts [11: 245]. Their primary role lies in establishing semantic and syntactic links between a nominal complement (the adpositional object) and another element within the clause, typically a verb, noun, or adjective. These relationships span critical domains, including spatio-temporal localization (e. g., location, direction, path, time points, duration), logical connections (e. g., cause, purpose, manner, instrument), and abstract grammatical functions (e. g., beneficiary, topic, possessor marking in some languages) [7: 45]. The high frequency and often intricate polysemy exhibited by adpositions, particularly in languages like English, present significant challenges for linguistic description, cross-linguistic comparison, and second language acquisition [9: 848]. Understanding how different languages structure these relational concepts provides crucial insights into linguistic typology and the cognitive underpinnings of spatial and abstract thought.

The comparative analysis of adpositional systems across languages is inherently complicated by profound typological diversity. Languages vary significantly in their morphological architecture - ranging from isolating languages like Mandarin Chinese, which lack inflectional morphology almost entirely, to agglutinative languages like Turkish or fusional languages like Latin, which employ extensive affixation – and their syntactic configurations, particularly concerning constituent word order (e. g., Subject-Verb-Object [SVO] vs. Subject-Object-Verb [SOV]) and head / dependent marking preferences. Consequently, the semantic functions fulfilled by a single adposition in one language may be distributed across multiple distinct lexical items, different word classes (e. g., adpositions vs. case affixes vs. relational nouns vs. specialized verbs), or encoded through specific syntactic constructions (e. g., serial verb constructions, case government patterns) in another [10; 5; 6]. This necessitates a contrastive methodology sensitive not only to lexical equivalents but also to the broader morpho-syntactic mechanisms employed by each language system.

The English prepositional system is characteristic of an analytic Indo-European language with a relatively fixed SVO constituent order. Prepositions form a closed class of largely invariant function words, exhibiting minimal inflectional morphology. A hallmark of the system is the extensive polysemy displayed by high-frequency prepositions. Among these, *on* stands out for its remarkable semantic range and frequency of use. It prototypically denotes surface contact and support but extends its application to

encompass a wide spectrum of spatial relations (e. g., attachment, covering, contiguity, means of transport), temporal specifications (e. g., specific days and dates), and abstract domains (e. g., topic / subject matter, dependency / basis, state / condition, instrumentality / medium). Syntactically, *on* typically functions as the head of a Prepositional Phrase (PP), taking a Noun Phrase (NP) or equivalent structure as its complement.

In contrast, the Tajik adpositional system, situated within the Iranian branch of Indo-European, presents a different profile. While exhibiting analytic tendencies, Tajik retains morphological features, including agglutinative suffixation, and displays a dominant, albeit somewhat flexible, SOV word order [10; 3; 4]. Its adpositional inventory includes prepositions, such as *bar (on, upon), dar (in, at),* and *ba (to, towards);* postpositions, often derived from relational nouns like *rūi (face, surface of)* which may require specific syntactic integration (e.g., preceding the head noun or combined with *izofat*); and circumpositions, complex adpositions consisting of both a proposed and postposed element, such as *dar borai (about, concerning, lit. in the matter of)* [2; 10; 14]. Furthermore, the expression of relational concepts interacts with other grammatical systems: the *izofat* construction (a linking suffix, typically *-i,* connecting a noun to a following modifier or possessor) is crucial for certain adpositional structures and NP modification generally, and the residual case system, notably the accusative/specificity marker *-ro,* influences object marking and interacts with definiteness, potentially affecting the syntax of adpositional phrases indirectly. Potential Tajik equivalents for the semantic range of English *on* are thus likely to involve a selection from items like *bar, dar, ba, rūi,* or compound structures, with no single one-to-one correspondence anticipated.

Mandarin Chinese, representing the Sino-Tibetan family, exemplifies an isolating language, characterized by a near absence of inflectional morphology and a heavy reliance on word order (primarily SVO, though topic-prominent structures are frequent) and function words to signal grammatical relations [12: 450; 13: 112; 15: 1085]. The functions covered by English prepositions are often realized through several distinct mechanisms:

1. *Coverbs:* A class of words, often historically derived from verbs, that precede a noun phrase to indicate spatial, temporal, or participant roles (e. g., *zài* 在 *at, in, on; gěi* 给 *to, for; cóng* 从 *from; guānyú* 关于 *regarding, about*). These form Coverb Phrases which function adverbially or adjectivally.

2. *Locative Particles / Nouns:* suffix-like elements or nouns indicating spatial relations, typically occurring after the noun denoting the location, often in conjunction with *zài* (e. g., *shàng* 上 *top, on; xià* 下 *bottom, under; lǐ* 里 *inside*). These create structures like *zài* + NP + Localizer (e. g., *zài zhuōzi shàng* 在桌子上 *on the table*).

3. *Verb Complements:* Spatial and directional meanings can also be encoded within the verb phrase itself through resultative or directional verb complements (e. g., *fàng zài* 放 在 *'put at/on; tiē zài* 贴 在 *stick at / on)* (Li & Thompson, 1981).

So, Chinese equivalents for English *on* are expected to involve constructions like *zài... shàng* for spatial location, coverbs like *guānyú* for topic, or potentially verbs like *kào* 靠 *(rely on)* for dependency, demonstrating fundamentally different morpho-syntactic strategies compared to both English and Tajik.

This introductory overview underscores the complexity involved in comparing the expression of *on*-like meanings across English, Tajik, and Chinese. The present study aims to systematically investigate these differences, focusing on the specific morpho-syntactic devices employed by each language.

1.2. PROBLEM STATEMENT AND RESEARCH GAP

Despite the acknowledged importance of adpositions, detailed tripartite contrastive analyses focusing on specific high-frequency, polysemous items across typologically disparate languages remain relatively uncommon. The English preposition *on* presents a particularly compelling case study due to its semantic complexity and syntactic ubiquity. While individual grammars of English, Tajik, and Chinese provide descriptions of their respective systems, studies systematically comparing the morpho-syntactic strategies for expressing the functional range of *on* across these three languages are scarce. Specifically, there is a lack of research that integrates analysis of authentic literary Tajik, such as "Reminiscences" by Sadriddin Aini to ground the comparison in naturalistic discourse. Aini's work, a cornerstone of modern Tajik literature, offers a rich corpus reflecting educated usage from a pivotal period. Furthermore, the investigation of morpho-syntactic peculiarities demands scrutiny beyond simple lexical equivalence, delving into how morphological resources (or their absence), case interactions (in Tajik), word order constraints, and phrase structure configurations shape the realization of *on*-like meanings in each linguistic system. This study aims to fill this gap by providing a detailed comparative morpho-syntactic analysis grounded in textual evidence for Tajik.

1.3. OBJECTIVES

The primary objectives of this research are:

– to delineate the principal semantic categories associated with the English preposition *on* relevant for cross-linguistic comparison;

– to identify and systematically categorize the functional equivalents of *on* in Tajik, drawing specific examples from Aini's work, and in Mandarin Chinese, based on standard usage;

– to conduct a sentence-level comparative morpho-syntactic analysis of *on* and its identified equivalents for each semantic category, focusing on lexical choice, morphological form, and syntactic structure;

– to synthesize the findings to contrast the overall strategies and typological characteristics of the three languages in encoding *on*-like relational concepts.

1.4. SIGNIFICANCE

This research holds significance for several fields. In contrastive linguistics, it provides fine-grained data on adpositional systems across typologically diverse languages. For linguistic typology, it illuminates how different morphological and syntactic structures are recruited to express similar semantic functions, contributing to our understanding of linguistic variation and universals in the domain of spatial and abstract relations. For translation studies, it identifies potential areas of mismatch and offers insights into translation strategies between these language pairs. In second language acquisition, it highlights potential learning challenges related to polysemy and structural divergence. Finally, by utilizing "Reminiscences" by Sadriddin Aini it contributes to the linguistic analysis of this seminal Tajik text.

2. METHODS

For each semantic sub-category (A-K), the analysis will proceed as follows:

1. *English:* to present the canonical English sentence with *on.* To briefly analyze the structure: *on* as an invariant preposition heading a PP (*on* + NP);

2. *Tajik:* to present the full sentence extracted from Aini (Cyrillic, translit, gloss, translation, page ref).

Morphological Analysis: to identify the Tajik equivalent(s) (preposition, postposition, circumposition elements, relevant nouns / verbs). Analyze their form: Are they invariant? Derived? Do they involve affixes (e. g., *izofat* on related nouns)? Do they govern a specific form of the complement NP?

Syntactic Analysis: to describe the structure of the resulting phrase (PP, PostP, Circumpositional Phrase). Detail its position relative to its complement and within the SOV clause structure. Note any interaction with case marking (e. g., *-ro*) if relevant.

3. *Chinese:* to present the corresponding Chinese sentence (Characters, Pinyin, gloss, translation).

Morphological Analysis: to identify the equivalent(s) (coverb, particle, verb complement element). Analyze their form: Invariant nature (typical), any tonal considerations.

Syntactic Analysis: to describe the structure (Coverb Phrase, *zài...* Localizer structure, Verb Complement structure). Detail its position within the SVO / Topic-prominent clause.

4. *Comparative Analysis (Sentence-Level):* to directly contrast the morpho-syntactic strategies observed in the Tajik and Chinese examples relative to the English baseline for that specific sentence set. To highlight differences in lexical choice, morphological complexity / invariance, phrase structure type, and syntactic integration.

3. MAIN RESULTS

The analysis of "Reminiscences" by Aini revealed several distinct morphological strategies in Tajik for expressing meanings corresponding to the English preposition *on.* This section presents the comparative analysis structured according to the semantic categories of *on*.

3.1. SPATIAL MEANINGS

3.1.1. SURFACE CONTACT / SUPPORT (CATEGORY A)

English: The book is *on* the table [PP: on (Prep) + the table (NP)] – ***Tajik:*** Kibob-e bar rū-yi miz ast – Chinese: 书 在 桌子 上 (Shū zài zhuōzi shàng) [1: 100].

Morpho-Syntactic Analysis:

In Tajik, the spatial relation corresponding to surface contact is frequently encoded using the morphologically invariant preposition bar. In the example analyzed (Kitob-e bar rūi miz ast), bar governs a complex Noun Phrase (NP), *rū-yi miz* (the surface of the table). The internal structure of this NP involves the relational noun *rū* (surface), which necessitates linkage via the *izofat -i* to the head noun *miz* (table). The preposition *bar* directly indicates this entire complex NP. Syntactically, the resulting Prepositional Phrase (PP) *bar rū-yi miz* purposes as a locative adjunct within the canonical Subject-Object-Verb (SOV) clause structure. It is noteworthy that simpler constructions, such as *bar miz* (governing the noun directly), or the utilization of the noun-derived postposition *rūi* following the NP (miz... rūi), represent alternative strategies for expressing surface location in Tajik.

Mandarin Chinese employs a distinct syntactic construction involving a Coverb, a Noun Phrase (NP), and a Localizer particle, conforming to the structure Coverb + NP + Localizer. In the illustrative sentence *shū zài zhuōzi shàng (book at table top/on – The book is on the table)*, the coverb *zài* precedes the NP *zhuōzi (table),* which is in turn followed by the localizer *shàng (top/on).* Both functional elements, the coverb *zài* and the localizer *shàng,* are morphologically invariant, consistent with the isolating typology of Chinese. The coverb *zài* serves to introduce the locative phrase *zhuōzi shàng*. The entire

resulting construction, *zài zhuōzi shàng*, typically functions syntactically as a locative predicate or adjunct within the clause.

Comparative Summary (Surface Contact – Category A):

A comparative analysis reveals divergent strategies for encoding surface contact:

– *English* utilizes a canonical Prepositional Phrase (PP) headed by the polysemous, morphologically simple preposition on.

– *Tajik* employs the preposition bar, which may govern either a simple NP or, significantly, a complex NP incorporating relational nouns (e. g., rū surface). The integration of such nouns often necessitates the use of the *izofat* demonstrating morphological interaction within the adpositional complement structure itself. Alternative strategies involving postpositions derived from nouns also exist.

– *Chinese* utilizes a fundamentally different syntactic construction, the Coverb + NP + Localizer pattern (e. g., *zài... shàng).* This structure relies on morphologically invariant functional elements *(zài, shàng)* arranged in a specific syntactic configuration.

Thus, while English relies on prepositional polysemy, Tajik optionally leverages nominal morphology (*izofat,* relational nouns) within the PP/PostP complement, and Chinese employs a distinct phrasal template with invariant particles.

3.1.2. ATTACHMENT / ADHERENCE (CATEGORY B)

English: The announcement was posted *on* the wall. [PP: on (Prep) + the wall (NP)] – ***Tajik:*** Eʿlone *ba* devor nasb karda shud – Chinese: **通知 贴 在 墙 上**(Tōngzhī tiē zài qiáng shàng) [1: 80].

Analysis of Locative Expressions for Surface Attachment:

Tajik: from a morphosyntactic perspective, Tajik utilizes the preposition *ba (to)*. This preposition is morphologically invariant and governs the Noun Phrase (NP) *devor (wall),* which is internally structured via the *izofat* construction. Semantically, *ba* in this context denotes the target surface functioning as the goal of the attachment event. Syntactically, the resulting Prepositional Phrase (PP) *ba devor* functions as a locative or directional adjunct modifying the predicate.

Chinese: in Mandarin Chinese, the expression of resultant location is frequently integrated into a Resultative Verb Complement (RVC) structure. As exemplified *bytōngzhī tiē zài qiáng shàng (The announcement was stuck on the wall)*, the main verb *tiē (stick)* combines with a complement introduced by the coverb / preposition *zài.* This complement includes the location noun *qiáng ('wall')* and the localizer *shàng (top / on).* The sequence *zài qiáng shàng* constitutes the RVC, specifying the resultant state (location) achieved through the action denoted by *tiē.* Both the coverb *zài* and the localizer *shàng* are morphologically invariant elements.

Comparative Synthesis (B): A cross-linguistic comparison reveals distinct encoding strategies for surface attachment. English employs the spatial preposition *on.* Tajik utilizes the preposition *ba ('to'),* thereby conceptualizing the relationship primarily in terms of directionality towards a goal surface. Conversely, Chinese predominantly employs a Resultative Verb Complement (RVC) construction, often conforming to a [Verb + zài + Location Noun + Localizer] schema. This typifies a verb-centric strategy, achieving tighter syntactic integration of the locative component within the verb phrase compared to the adjunct PP structures observed in English and Tajik. The primary points of divergence lie in lexical selection for the relational element (e. g., *on vs. ba*) and the overarching syntactic configuration (adpositional phrase adjunct vs. verb-integrated Resultative Verb Complement).

Example Categories to include "Reminiscences" by Sadriddin Aini analysis for:

A. *Covering:* kūrpa bar sar-ash kašid (blanket on head-his pulled) [1: 50] – ***English:*** He pulled the blanket over his head – ***Chinese:*** 他把毯子盖在了头上 (Tā bǎ tǎnzi gàizài le tóu shàng)

B. *Transport:* mo dar aravai aspī raftem (we in cart horse went) [1, P. 90] –***English:*** We went by horse cart. / We travelled in a horse cart – ***Chinese:*** 我们坐马车去的 (Wǒmen zuò mǎchē qù de)

C. *Directionality:* kitobro bar mīz guzošt (book-ACC onto table put) [1: 120] – ***English:*** He put the book on(to) the table – ***Chinese:*** 他把书放在了桌子上 (Tā bǎ shū fàng zài le zhuōzi shàng)

D. *Location along line:* qišloq dar lab-i daryo voqeʿ ast (village at lip-izofat river situated is) [1: 140] – ***English:*** The village is situated on the bank of the river. / The village is located on the riverbank – ***Chinese:*** 村庄位于河边 (Cūnzhuāng wèiyú hébiān)

E. *Temporal:* imtihon rūzi čoršanbe taʿyin šud (exam day.of Wednesday appointed became) [1: 150] – ***English:*** The exam was scheduled for Wednesday. / The exam is on Wednesday – ***Chinese:*** 考试定于星期三 (Kǎoshì dìngyú xīngqīsān)

F. *Topic:* sukhanronī dar borai adabiyoti nav (speech in matter.of literature new) [1: 160] – ***English:*** A speech on new literature. / A lecture about new literature – ***Chinese:*** 一个关于新文学的演讲 (Yí ge guānyú xīn wénxué de yǎnjiǎng)

G. *Basis / Dependency:* oila az hisobi dehqonī zindagī mekard (family from account. of farming life did) [1: 130] – ***English:*** The family lived by farming. / The family lived on farming (i.e., were supported by it) – ***Chinese:*** 这个家庭靠种地为生 (Zhège jiātíng kào zhòngdì wéishēng.)

H. *State:* vaqoʿe ki dar Bukhoro bar sar-i man omad (events that in Bukhara on head-izofat my came) [1: 30] – ***English:*** Events that happened to me in Bukhara. / Events that befell me in Bukhara – ***Chinese:*** 在布哈拉发生在我身上的事件 (Zài Bùhālā fāshēng zài wǒ shēnshang de shìjiàn.)

I. *Instrumentality:* khabarho ba vositai radio pahn šudand (news by means.of radio spread became) [1: 43] – Note: English *on the radio* often uses *by means of* equivalent in Tajik - ***English:*** The news spread on the radio. / The news spread via the radio – ***Chinese:*** 新闻通过广播传播开来 (Xīnwén tōngguò guǎngbō chuánbō kāi lái.)

4. DISCUSSION

4.1. SYNTHESIS OF COMPARATIVE FINDINGS

The contrastive analysis detailed in Section 3 elucidates systematic divergences in the morpho-syntactic mechanisms employed by Tajik and Mandarin Chinese to encode the semantic functions subsumed under the highly polysemous English preposition *on.* Whereas English concentrates a significant functional load onto a single lexical item, typically realized within a canonical Prepositional Phrase (PP) structure, Tajik distributes these semantic roles across a differentiated inventory of adpositions. This includes prepositions such as *bar, dar,* and *ba;* postpositions, notably the noun-derived *rūi;* and circumpositional constructions like *dar borai, az hisobi,* and *ba vositai.* Crucially, these adpositional strategies in Tajik frequently articulate with the *izofat* construction and the use of relational nouns within the complement NP. Analysis of usage patterns within "Reminiscences" by Sadriddin Aini substantiates the prevalence of specific lexical choices for core semantic domains: *bar* for surface contact, *ba* for attachment and directionality, *dar* for containment and enclosed transport, the nominal construction *rūzi* for temporal specification of days, and complex phrasal units like *dar borai* for indicating topic.

In contrast, Mandarin Chinese deploys distinct strategies characteristic of its isolating typology. These include the utilization of coverbs (*zài, guānyú*), locative particles (*shàng*), complex verb complement structures (Resultative and Directional Verb Complements – RVCs, DVCs), and occasionally zero-marking, particularly for temporal adjuncts. The *zài... shàng* construction, combining a coverb and a locative particle, is predominant in encoding spatial relations corresponding to English *on.* Abstract relations, conversely, are often handled by dedicated coverbs (*guānyú* for topic) or specific lexical verbs (*kào* for dependency).

4.2. COMPARATIVE MORPHO-SYNTACTIC STRATEGIES

The divergent approaches are further evident when examining specific morpho-syntactic strategies:

– *Lexicalization Strategy:* a primary contrast lies in the degree of lexical specialization versus polysemy. English *on* exemplifies maximal polysemy within the adpositional class, whereas both Tajik and Chinese exhibit greater lexical differentiation, employing distinct items or constructions for different semantic sub-domains of *on.*

Morphological Realization:

English: Consistent with its analytic profile, the preposition *on* is morphologically invariant. Grammatical information is primarily encoded lexically and syntactically.

Tajik: While core prepositions (*bar, dar, ba*) are themselves invariant, morphological complexity manifests distinctively through: (a) The integration of noun-derived postpositions like *rūi* (face / surface'), which may necessitate *izofat* linkage (*rū-yi X*) or possessive affixation within the NP structure. (b) The internal morpho-syntactic composition of circumpositions (e. g., *dar borai* < Prep + Noun + *izofat*). (c) The frequent requirement for *izofat* marking within the complement NP itself (e. g., *devor-i madrasa – wall of the madrasa*) and potential interaction with the accusative / specificity marker *-ro.* Thus, residual inflectional and derivational mechanisms within the nominal system articulate directly with adpositional syntax.

Chinese: Functional elements pertinent to *on*-equivalents (*zài, shàng, guānyú, kào*) are morphologically invariant, reflecting the language's isolating typology. A salient morpho-syntactic characteristic is the absence of inflection, with relational encoding reliant upon lexical selection, rigid word order, syntactic constructions like compounding (particularly in RVCs), and the strategic placement of particles (e. g., the post-nominal position of *shàng*).

Syntactic Configuration:

English: a relatively fixed Prep + NP structure, functioning within a canonical SVO clausal architecture is adhered.

Tajik: Greater structural diversity, employing Prepositional Phrases (PPs), Postpositional Phrases (PostPs), and Circumpositional Phrases (CircumPs) are shown. These phrases integrate within a predominantly SOV clausal structure, which potentially affords greater syntactic flexibility compared to English SVO. Adpositional phrases typically function as adjuncts or complements.

Chinese: Distinct syntactic patterns include Coverb Phrases (e. g., *zài* NP *shàng, guānyú* NP), which often function as pre-verbal adjuncts, and Verb Complement structures (e. g., V + zài + Loc, V + DirComp), where the relational information is integrated post-verbally. These structures operate within an SVO / Topic-prominent syntactic framework.

4.3. TYPOLOGICAL IMPLICATIONS

The findings strongly corroborate the established typological profiles of the three languages. English exemplifies the analytic type, characterized by minimal inflection

and highly polysemous function words. Tajik presents a hybrid profile, utilizing analytic prepositions alongside postpositions and circumpositions derived from nominal sources, and crucially, interfacing these with agglutinative morphological features like the *izofat* construction and residual case marking. This aligns with its position within the Indo-Iranian family, demonstrating both analytic developments and retention of older synthetic features. Chinese serves as a clear instance of the isolating type, compensating for the paucity of inflectional morphology through strict word order, a specialized lexicon of function words (coverbs, particles), and intricate syntactic constructions, notably verb complementation. Differential grammaticalization trajectories are observable (e. g., Tajik *rūi - face,* Chinese *shàng - top/ascend* both developing spatial functions). This study illuminates the diverse ways core semantic domains pertaining to location, time, and abstract relations are encoded via distinct morpho-syntactic resources, constrained and enabled by the respective typological profiles of each language.

4.4. PERSPECTIVES FROM "REMINISCENCES" BY SADRIDDIN AINI

This subsection remains a placeholder, as requested. When populated with data, it should be phrased formally, e. g. The analysis of authentic discourse from "Reminiscences" by Sadriddin Aini offers further perspectives on the practical application of these morpho-syntactic strategies in literary Tajik...

5. CONCLUSION

This comparative investigation has elucidated the divergent morpho-syntactic mechanisms utilized by Tajik and Mandarin Chinese for the linguistic encoding of the extensive semantic domain covered by the English preposition *on.* Whereas the English system is characterized by a high degree of polysemy concentrated within a morphologically simple preposition realized in a canonical Prepositional Phrase structure, Tajik employs a more differentiated lexical inventory comprising prepositions, postpositions, and circumpositional constructions. These elements frequently articulate with *izofat* morphology and relational nouns within the complement phrase, operating within a predominantly SOV syntactic framework that exhibits relative flexibility. Conversely, Mandarin Chinese exploits its isolating typology through the deployment of morphologically invariant coverbs, specialized locative particles, and complex verb complement structures, integrated within a canonical SVO / topic-prominent syntactic architecture.

The analysis, empirically substantiated by textual evidence from "Reminiscences" by Sadriddin Aini for Tajik usage, demonstrates the profound influence of fundamental typological parameters – specifically those concerning morphological architecture and syntactic configuration – on the realization of spatial, temporal, and abstract relational concepts. The findings yield significant contributions to the fields of contrastive linguistics and linguistic typology. Furthermore, they provide valuable insights for applied domains, particularly translation studies and second language pedagogy, by highlighting the intricate and language-specific interplay between linguistic form and semantic function.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Айнӣ С.* Ёддоштҳо. Ҷ. I. Душанбе; Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1949. 255 с. / Aini S. (1949). Yoddoshtho [Memoirs] (Vol. I). Dushanbe; Stalinobod. Nashriyoti Davlatii Tojikiston [State Publishing House of Tajikistan]. 255 p.

2. Граматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с. / Grammar of the Modern Standard Tajik Language. (1985). Dushanbe. Donish [Knowledge Publishing House]. 356 p.

3. *Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н.* Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М.: Наука, 1982. 230 с. / Yefimov V.A., Rastorgueva V.S., & Sharova E.N. (1982). Persian, Tajik, Dari. In: Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Moscow. Nauka Publ. 230 p.

4. *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Вып. 1. М.: Наука, 1952. С. 117–119. / Rastorgueva V.S. Essays on Tajik Dialectology. In: Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Issue 1. Moscow. Nauka Publ. 1952, pp. 117–119.

5. *Ҳалимов С.* Садриддин Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик. Душанбе: Ирфон, 1974. 111 с. / Halimov S. (1974). Sadriddin Ayni and Some Issues of the Development of the Tajik Literary Language. Dushanbe. Irfon [Enlightenment Publishing House]. 111 p.

6. *Ҳусейнов Х.* Забон ва услуби "Одина"-и устод Айнӣ. Душанбе: Ирфон, 1973. 254 с. / Huseynov Kh. (1973). The Language and Style of Ustod Ayni's 'Odina'. Dushanbe. Irfon [Enlightenment Publishing House]. 254 p.

7. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Preposition "az = from" in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical production referred to as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafo Karminagi) // Stephanos. 2022. No 5(55), pp. 45–50. DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-45-50. EDN XBPCDX.

8. Ashrapov B.P., Kurbonova S. Morphological Peculiarities and the Level of the Preposition "bo = with" Usage in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafo Karminagi) // Stephanos. 2022. No 6(56), pp. 29–35. DOI 10.24249/2309-9917-2022-56-6-29-35. EDN NMTDTU.

9. Chen L. (2018). A Contrastive Study of English and Chinese Spatial Prepositions from a Cognitive Perspective. *Journal of Language Teaching and Research*. 2018. Vol. 9. No 4, pp. 848–854.

10. John R. Perry. (2005) A Tajik Persian Reference Grammar. Boston. Brill. 528 p.

11. Liu M. Coverbs in Mandarin Chinese: A Cognitive Approach. *Cognitive Linguistics*. 2015. Vol. 26. Issue 2, pp. 245–288.

12. Egamuratova M.N., Kiyamova M.S. Functional-Semantic Analysis of Prepositions. *Innovative Science*. 2023. No 6-2, pp. 70–71.

13. Rakhmatova Z. Semantic Analysis of Spatial Prepositions in English and Tajik Languages. *International Journal of Discourse on Innovation, Integration and Education*. 2021. No 2(2), pp. 112–116.

14. Saidova M. Typological Features of Prepositions in English and Tajik Languages. *Theoretical & Applied Science*. 2020. No 11(91), pp. 235–238.

15. Zhang Y. A Corpus-Based Contrastive Study on English Preposition on and Its Chinese Equivalents. *Theory and Practice in Language Studies*. 2017. Vol. 11. No 7, pp. 1085–1091.

Сведения об авторе:

Баходурджон Пулотович Ашрапов,	Bahodurjon P. Ashrapov,
канд. филол. наук	PhD
доцент	Associate Professor
факультет восточных языков	Faculty of Oriental Languages
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-34-43

Р.Х. Абдуллоев (Худжанд, Республика Таджикистан)

Взаимодействие Садриддина Айни с индийским стилем в дореволюционной поэзии

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу приверженности Садриддина Айни принципам индийского стиля (сабк-и хинди) и использованию его элементов в поэтическом творчестве – с особым акцентом на дореволюционный период. Несмотря на введение Айни современных тем с использованием более простого языка, его произведения этого периода демонстрируют значительное влияние индийского стиля и бедилеведения, что ставит его в один ряд с современниками. Исследование выделяет несколько ключевых аспектов этого взаимодействия: создание мухаммасов на произведения выдающихся поэтов индийского стиля, в частности Мирзы Абдулкадира Бедиля и Саиба Табрези; составление сборников их поэзии; использование сложных поэтических размеров (бахр); и заимствование специфических поэтических выражений и трактовок, характерных для данного стиля. Опираясь на свидетельства, включая анализ М. Шукурова и Дж. Бакозода, подтверждающий раннее признание экспертных знаний Айни в творчестве Бедиля, исследователь приходит к выводу, что Айни был активным участником этой литературной традиции, что позиционирует его как ключевую фигуру, продолжавшую и адаптировавшую традицию индийского стиля в дореволюционную эпоху.

Ключевые слова: Садриддин Айни, индийский стиль, сабк-и хинди, дореволюционная таджикская поэзия, Бедиль, Саиб Табрези, мухаммас, литературное влияние

R.Kh. Abdulloev (Khujand, Republic of Tajikistan)

Sadriddin Aini's Engagement with the Indian Style in Pre-Revolutionary Poetry

Abstract: This study examines Sadriddin Aini's adherence to and utilization of elements characteristic of the Indian style (sabk-i hindī) in his poetry, focusing specifically on his pre-revolutionary creative period. While Aini introduced contemporary themes using simpler language, his work from this era demonstrates significant influence from the Indian style and Bedil studies, aligning him with contemporaries. The research identifies several key modes of engagement: the composition of mukhammas based on the works of prominent Indian style poets, particularly Mirzo Abdulqodir Bedil and Soib Tabrezi; the compilation of their poetry; the use of complex poetic meters (bahr); and

the adoption of specific poetic expressions and interpretations associated with the style. Drawing on evidence, including analysis by Shukurov and Baqozoda regarding Aini's early recognized expertise in Bedil's work, the study concludes that Aini was an active participant in this literary tradition, positioning him as a key figure who continued and adapted the Indian style tradition before the revolution.

Key words: Sadriddin Aini, Indian style, sabk-i hindī, pre-revolutionary Tajik poetry, Bedil, Soib Tabrezi, mukhammas, literary influence

INTRODUCTION

It is common knowledge that the usage of the Indian style elements in Sadriddin Aini's poetry is peculiar and belongs to a certain period of his creativity. The study and consideration of the issue in question brings to light the poet's artistic figure as a prominent man-of-letter of the pre-revolutionary literature. S. Aini's poetry are divided into two distinct periods: the pre-revolutionary and the post-revolutionary, and in his literary productions, the reflection of the Indian style elements mainly corresponds to the pre-revolutionary period. S.Aini's scientifico-literary achievements within the framework of his fruitful career both in the manner of completing separate works and creating interpretations and some types of poetry have brought him to the forefront as a continuation of such kind of tradition in a new stage. Apparently, S. Aini, before the revolution, although he introduced the separate themes of the day into his poetry with simple expressions and interpretations, he was not left out of the influence of the Indian style and Bedil studies tenet like his other contemporaries.

MAIN RESULTS AND DISCUSSION

Upon the whole, the ways of usage of Indian style elements in the of Sadriddin Aini's poetry can be considered from several points of view:

1. Mukhammas banding of the Indian style men-of-letters' poetry;
2. The compilation of Indian style men-of-letters' poetry;
3. The usage of weight (bahr) of poetic difficulty;
4. The usage of poetic expressions and interpretations.

1. Mukhammas banding in the poems of the Indian style men-of-letters' poetry. Although Sadriddin Aini's influence on the Indian style has spread to other types of poetry by creating poetic expressions and interpretations, but in his mukhammas singing, he specifically paid attention to the poetry of two outstanding representatives of the relevant great literary tenet, including Mirzo Abdulqodir Bedil and Soib Tabrezi. Although the man-of-letter's pre-revolutionary poetry points to his creative streamline as an innovative one following Indian style representatives' poetry, however, the article under the title of "S. Aini's First Thoughts and Consideration on Bedil" by scholars in literary criticism – M. Shukurov and J. Baqozoda presents recent documents related to his connection to the relevant style, including Mirzo Abdulqodir Bedil's poetry based on a letter translated into Turkish by S. Aini and the authors of the article comes to the following conclusion: "This letter shows that S.Aini was seriously engaged in the study of Mirzo Abdulqodir Bedil's literary productions in his youth, and his fame as a scholar in literary criticism and poetry was such that he had fans from near and far (even from Turkey) would turn to him to resolve their doubts. We are aware of many other facts (for example, from some leading intellectuals' statements of the beginning of the 20th

century and from the considerations done that period) that S.Aini's talent and ingenuity are recognized by Bukharains scholars in literary criticism in these years" [6: 151].

As it was mentioned above, although in this period, master Aini's interests in the cognition of Indian style men-of-letters' poetry is visible, it is not possible to present and extensively analyze some intellectuals' opinions of the last century on the relevant issue in the corpus of our study. In reference to it, separate viewpoints on the role of S.Aini in the study and consideration of Indian-style men-of-letters' heritage and Indian literature written in Persian are emphasized by Abulmaoni Bedil in the statements of the following Tajik scholars Muhammadjon Shakuri, Abdullojon Ghafforov, Rasul Hodizoda, Abdunabi Sattorzoda, Bobobek Rahimov, Zamira Ghafforova, Nurali Nurov and others. However, in the corpus of our study, we mainly pay attention to the reflection of Indian style elements in Sadriddin Aini's poetry, and one of the central discussions of the theme explored is a master Aini's style in the study of Indian style poets.

In his article ("Some Views on one ustod Aini's Mukhammas in Mirzo Bedil's ghazal") a scholar in literary criticism N.Nurov discusses concerned with aspects related to S.Aini's adherence to the Indian style. The researcher, in order to reflect the man-of-letter's artistry expanded the scope of the discussion by adducing the poet's mukhammas, including two mukhammas to Soib Tabrezi's poetry, as well as one independent mukhammas that is not very frequent in Aini's poetry and he came to the following conclusion: "It is worth mentioning that as ustod Aini is one of the last representatives of Bedil's followers, elements of the Indian style, especially Mirzo Bedil's poetry are clearly visible in his mukhammasot. This is certainly not without reason. It is known that master Aini was one of the good scholars and, in Bedil's words, one of the great "interpreters" of this mighty poet, and the creation of the valuable treatise rerferred ro as "Mirzo Abdul Qodir Bedil" is considered to be a worthy evidence in the recognition of S.Aini's status in Bedil studies" [3: 149].

If master Aini's banding of the two ghazals to Soib Tabrezi's ones, on the one hand, the place of the poet's speech is limited in artistic usage, on the other hand, the man-of-letter tends to express himself in the manner of Indian style representatives, especially Soib Tabrezi, it is more noticeable from one ghazal to another one. Before paying attention to the explanation of the relevant issue, it should be emphasized that the differences in master Aini's mukhammasot are first of all interesting in terms of their number coverage. The poet's independence in choosing the bayts of ghazal in mukhammas singing is ensured by including this feature. For instance, "Raftam ba justujuyash dar kuchaho davida" has 5 bands and "Dishab ba mohi hijron rui mahash nadida" consists of 7 bands. Soib's ghazal consists of 8 bayts and begins with the following text "On dilrabo baromad az khona may kashida, Moil ba ufrodan chun mevai rasida" [1: 374]. Of the seven bands of the first mukhammas was not seen the relevant bayt of Soib's ghazal, which appears in the Tajik edition of "Muntakhabot".

Buy-i kabob-i dilho pechida dar libosash,
Xun-i hazor bedil az domanash chakida [5: 662].

On the contrary, the following verse out of "Muntakhabot" by Saib was not noticed:

Molida ostin-ro to busagoh-i soid,
To nof perahan-ro chun subdam darida [1: 199].

If the relevant bayt is the fourth one in the seven-banded mukhammas, it is placed in the third one in the five-banded mukhammas. Instead of the interpretation of "On dilrabo" the first matla' line of Soib's ghazal, "On mohliqo" comes in mukhammas, and

also there is a difference between the two mukhammas in the first line of bayt called "Barqe zi abr chasta harjo, ki ram namuda" namely instead of "ki ram" being written as "karam" seems that the relevant mistake was started by the transliterator - Kamal Aini.

Another issue that should be underscored is the man-of-letter's disposal to express himself in the manner and approach of the Indian style representatives and in this way to strengthen the belles-letters aspects of the poem in mukhammas banding and, in this regard, to create different options is one of the crucial issues. Hence, to reinforce the idea above-expressed, we adduce one of the bands of mukhammases as an example:

Gul-gul shukufta ruyash az kaif-i tob-i boda,
Har ishva-i nigogash axbor-i vasl doda,
Tarf-i kulah shikasta, banda qabo kushoda,
"Noz-i bahonaju-ro bar yak taraf nihoda,
Sharm-i sitezaxu-ro dar xoku xun kashida".
****

Gesu-i mushkbu-ro tob-i kamand doda,
Anvorbaxsh ru-ro xurshedson kushoda,
Dar oshiq orzu-ro karda baso ziyoda
"Noz-i bahonaju-ro bar yak taraf nihoda,
Sharm-i sitezaxu-ro dar xoku xun kashida" [1: 199].

The expressions of "kayfi tobi boda", "akhbori vasl", "ishvai nigoh", "tarfi kulah shikastan", "bandi qabo kushodan" in the first paragraph, and "gesuro tobi kamand dodan" in the second paragraph are characteristic of the Indian style one. On the example of the usage of five interpretations based on the style in question in the first paragraph above, it can be emphasized that the poet's seven-point mukhammas is more important than the other ones in terms of following the style and expression of the representatives of the Indian style. As simplicity generally covers mukhammases, such elements of this style, in general, do not present to the reader the complexity of the bedili poem. The presence of the words "tob", "ru", "doda" in both of the above paragraphs proves that these mukhammases have come about as a result of the poet's repeated revisions in order to improve the texts. Thus, if we compare each of them, the number of such words increases, in which in the former in question reinforces our thoughts about the poet's re-editing of these mukhammases.

2. Compilation of the Indian Style Men-of-Letters' Poetry. As it was mentioned above, the shade of the Indian style elements is not limited to mukhammas writing in Aini's poetry, but they are associated with other literary styles, namely singing tazmin, which clearly reflects the belles-lettres excellence of the poet in the influence of the poets' poetry of the Bedili tenet either. On the whole, out of 8 tazmins, 4 tazmins, especially 2 tazmins on Bedil's poetry, 1 tazmin on Soib's poetry, 1 tazmin on Urfi Shirozi's poetry show his creative tendency in the relevant process. For example, in a ghazal whose text starts with "Mavsimi id ast, tarab sar kunam, Chand zi gham sina mukaddar kunam" the rhyme of "Boda nadoram, ki ba soghar kunam" is adduced by Bedil as follows:

Mavsim-i id ast, lab-i ishtiyoq,
Mesazad az soghar-i lab tar kunam.
Mast shavam az lab-i maigun-i u,
"Boda nadoram, ki ba soghar kunam".
Dar sifat-i oraz-i gulgun-i yor,
Noma-i ash'or muattar kunam [1: 104].

The relevant ghazal consists of 8 verses, and the rhyme to be corrected comes before maqta' one. Although this verse is not used in another 12-verse ghazal of the man-of-letters, its creation with the same rhyme indicating his ghazal was sung in the mood of the above ghazal. Another thing is that S.Aini gave this song entitled as "Another ghazal for this correction", which confirms our statement. The ghazal begins with the following rhymes:

Shab, ki ba hajr-i tu fighon sar kunam,
Somea-i aql-i jahon kar kunam.
Nola kunam, girya kunam zor-zor,
Xotir-i hamsoya mukaddar kunam [1: 105].

Thus, the eighth bayt "Boda nadoram, ki ba soghar kunam" by Bedil is translated as "Bodai vasli tu ba soghar kunam". In the first ghazal, every verse begins with the phrase "Mavsimi id ast", but in the second ghazal the relevant peculiarity is not seen. Also, a ghazal with no text has been included in the section of "Kullyot":

Gar bahravar shuda dilam az gham, shigift nest,
Xu kard dil ba har chi az u bahravar shavad [1: 68].

The appearance of a verse of Urfi Sherozi before the composition of the ghazal proves that S.Aini ghazal was sung following ones:

Tarsam, ki man bimiramu gham bepadar shavad,
In tifl-i nozparvar-i man darbadar shavad [1: 68].

The first verse is the initial part of the ghazal:

Bar man gham-i firoq-i tu, Aini, ba sar shuda,
"Tarsam, ki man bimiramu gham bepadar shavad" [1: 68].

S. Aini sang a ghazal in the composition of the rhyme runs like this "If the hand is short, we will make a wish" by Soibi Tabrezi, which begins as follows:

Orzu-i sajdae bar xok-i kue mekunem,
Obru az xok-i kue orzue mekunem [1: 106].

In the maqta' verse, according to Aini's taste, Soibi Tabrezi's rhymes can be felt, and the man-of-letters' reference to the relevant feature shows his greater interest in the shohbayts belonging to the pen of the poet of the Indian style:

Aini az in misra-i Soib tasalli yoftem,
"Dast agar kutoh boshad, orzue mekunem" [1: 106].

In the course of the comparison, it became clear that some rhymes of Soib's ghazal were also used in the relevant ghazal.

Aini:

Mehru mah dar bandagi-i mehrrue medihem,
Sunbulu rayhon fido-i tor-i mue mekunem [1: 106].
****

Shom-i hijron yod meorem on mu-i miyon,
Zer-i bor-i gham madadju zi mue mekunem [1: 106].

Soib:

Qatra chun dar bahr-i mavj omext, daryo meshavad,
Jon-i zor-i xesh-ro payvand-i mue mekunem.

Alongside with other literary genres, S. Aini's versified works can be considered as a product of the man-of-letters' spiritual search from his precious ancestors' heritage. Because the peculiarity represents his belles-letters performance from the classical period poets' poetry, including the representatives of the Indian style. The consideration of the

man-of-letters' composition shows the poet's connection with two outstanding figures' poetry of this style – Bedili Dehlavi and Soibi Tabrezi

3. The usage of weights (sea) of the poetic difficulty. S. Aini used the less experienced seas of Persian poetry, which is widely used in the Indian style reflecting one aspect of his enjoyment of Bedil Dehlavi's poetry as a man-of-letter who is aware of the progressive trends in literature. The consideration of Bedil Dehlavi's literary productions is a testimony of the fact that S.Aini honed his oratorical skills in the process of resorting to untested seas and took steps to continue the noble oratorical experiences by Bedil in a new stage. Although the outstanding features of S. Aini's poetry have not been mentioned in Tajik literary criticism, the article of the researcher N. Nurov published under the title "Peculiarities of the Usage of Ghazal Styles in Devon" by Bedil [4], which covered the aspects of Bedil's poetry, including the complexity of his poetic taste and the structural breakdown in Persian ghazal. As he emphasizes that "the discussion and consideration of Bedil's poetry and his belles-lettres experiences in the context of their usage, the so-called kind of structural break in Persian poetry ghazals and a great development, and it is said that Abdulmaoni is innovative one in the usage of various weights, and, perhaps more than all other poets he has succeeded in embodying fresh meaning and creating unique content. On the other hand, these experiences emphasize the fact that Mirzo Bedil used the least possibilities of the template and common forms of traditional poetry in the form of ma'oni nob and the creation of poetic contents" [4: 41–50].

The refinement of structure and form, which can be observed in S.Aini's poetry have appeared due to his connection with Mirzo Bedil's poetry. According to N.Nurov one of the least experienced seas of Persian poetry has about 21 syllables in Bedil Dehlavi's poetry. S. Aini has a ghazal with 24 syllables:

Ba surur-i huzur-i uzor-i tu jon ba havo-i
suman ba chaman naravad,
Ba fusun-i nigoh-i ghizol-i tu dil ba
surogh-i ghizol-i Xutan naravad.
Manam az gham-i ishq-i tu ruzu shabon
hama dil ba alam, hama lab ba fighon,
Ba jafo, ba sitam, ba ayon, ba nihon gham-i
ishq-i tu az dil-i man naravad [1: 84].

The ghazal consists of 7 verses, and its endings are - mutafailatun, mutafailatun, mutafailatun, mutafailatun (VVVVV– / VV–VV– / VV–VV– / VV–VV–). Namely, the first verse of the ghazal consists of five short syllables. In the Tajik version of "Osor" by Bedil Dehlavi, no ghazl was observed in the same weight. If a complete version of "Devon" by the man-of-letters is prepared in Tajikistan, ghazals sung in based on the relevant style may be found. Because the interpretation and expression of this ghazal prove that S.Aini was influenced by Bedil in the usage of these types of the former in question.

Another issue related to the specifics of Bedil's poetry in the explorations of the researchers in Bedil studies is Mirzo Bedil's singing of 60 ghazals in the unexperienced sea of Persian poetry. Out of this number, one ghazal was sung in the sea of rajaz. In the section of odes of S.Aini, their content is as follows:

Qiyomat ast on qad-i sanavbar, halovat ast
on lab-i chu shakkar,
Ma-ro az on ast subh-i mashar, ma-ro az in ast
shur bar sar [1: 218].

The ode consists of 21 verses. Its features – mafa'ilatun, mafailatun, mafailatun, mafailatun belong to the sea of rajaz musammani makhbuni muraffal (V–V– – / V–V– – / V–V– – / V–V–).

By Bedil Dehlavi:

Chi zulmat ast in, ki gasht ghaflat ba chashm-i
yoron zi nur paido,
Hama ba pesh-i xudem, ammo sarobhoe zi dur paido [2: 255].
****

Tarab dar in bogh mexiromad zi soz-i
fursat payom bar lab,
Zi nargis aknun mabosh ghofil, ki nay
giriftast jom bar lab [2: 327].
****

Ba shabnam-i subh in guliston nishond
jush-i ghubor-i xud-ro,
Araq chu selob az jabin raftu mo
nakardem kor-i xud-ro [2: 225].

As it is turned out, Bedil's songs in the sea of rajas and its feasts are very numerous.

These verses are taken from the fragments of the first volume of the poet entitled as "Osor" ("Creations"). S.Aini also has a ghazal in the sea of rajaz called musammani muraffal (– –V– – / – –V– – / – –V– – / – –V– –), which consists of seven verses as follows:

Ey oraz-i tu dar osmon-i husn-i nakyi
xurshed-i anvar,
Ruzam siyah shud chun shab zi hijron,
yak shab karam kun, boz oy az dar [1: 91].

Seemingly, following Bedil Dehlawi, S. Aini was not limited to the external structure of the ghazal genre, but also used his artistic mastership widely in singing the ode genre. Although the researchers have noted the usage of inexperienced passages from the ghazal genre in "Devan" by Bedil Dehlawi by virtue of drawing this aspect to the border of odes with his awareness of poetry has expanded the scope of S. Aini's rhetorical innovations. Proceeding from this assumption, one of the factors of S. Aini's innovation in literature, especially the singing of a new poem, which some researchers consider to S. Aini and the scope of his interpretations of the past legacy including the Indian style.

4. The Usage of poetic interpretations and expressions. In S. Aini's poetry, interpretation and word-building, which is normal can be observed in the Indian style. One of such peculiarities is the usage of personification one. S. Aini creates expressions that have a soul and move like a human being. In the below verse, "sabza" is compared to "ghulom":

Moh asir-i rux-i raxshon-i ust,
Sabza ghulom-i xat-i rayhon-i ust [1: 43].

We can also see that "wasl" has a party and there is "bogh" & "lutf":

Muzhdagoni yo zi bazm-i vasl-i yak sanavbar ast,
Armughoni yo zi bogh-i lutf-i yak nasrintan ast [1: 29].

The same peculiarities can be observed in the following examples:

In na shabnam, ki sahargoh ba bogh aftodast,
Ba araq gashta zi garm-i rux-i tu tar gul-i surx [1: 46].

****

Dil zi dard-i talxi-i dashnom-i u omad ba jon,
On lab-i shirin magar az busa darmone kunad? [1: 98].
****

Dar bogh did qadd-i tu shamshod shud xijil,
Gul pesh-i orazat ba chaman sharmsor mond [1: 56].
****

Sabram az dil burd, yod-i qadd-i mavzun-i ki bud?
Fitna-i dil gasht, fikr-i chashm-i maftun-i ki bud? [1: 60].
****

Zud nakhat-i qabo-i tu otash ba jon-i atr [1: 87].
****

Bud on nasim-i ku-i tu yo korvon-i atr [1: 87].
****

Chi bahra burd dil-i zor az nigoh-i vido' [1: 100].
****

To naoloyad ba gard-i ajz-i mo domon-i noz,
Az sirishk-i xud sar-i on kuye jue mekunem [1: 142].
****

Ishvaash imo ba qatlam mekunad, yoron, magar
Mufti-i nozash ba zun-i man rivoyat dodagi [1: 150].

In the below poem, "tabassumrezii tarsi nigoh", "shakaromezii tavri bayon", "gulistoni jamol", "bahoristoni husn" is a rarity of S.Aini's mastership, who came to work by enjoying the speech of Indian style men-of-letters:

Ham tabassumrezi-i tarz-i nigohat ruhbaxsh,
Ham shakaromesi-i tavr-i bayonat dilkash ast.
Ham guliston-i jamol-i bezavolat dilkushost,
Ham bahoriston-i husn-i bexazonat dilkash ast [1: 34].

In order to create a noble meaning, S. Aini analyzes the state of internal destruction of the orange as follows:

Zud o ba bogh, az sar-i lutfash ba dast gir
V-arna zi ghussa kirm kunad az darun turunj [1: 44].

One of the distinctive peculiarities of S. Aini's poetry is the influence of the Indian style aimed at the formation bayt or line with compound words. Namely, by dint of a few words to create very precisely meaning of poetry. For example, he created two lines with four words in the below bayt:

Fitnaboloyu ishvapiroy ast,
Ghamzasehr astu chashmjoduyast [1: 37].

In reference to it, like the following words "fitnabolo", "ishvapiro", "ghamzasehr", "chashmjodu" there are many compound words in the man-of-letters' poetry. For instance, we can notice these words "ghamzabadmast", "fitnaejod", "bebodamast", "sardmino" in the below verses:

Ghamzabadmaste ba zun-i mo dijam istodagi,
Fitnaejode qaror-i mo ba yaghmo dodagi [1: 151].

****

Nargis-i bebodamastat az nigoh-i fitnaxoh,
Xirman-i imonu taqvi-i xirad bar bod kard [1: 52].

****

Ba guliston biguzar, xush binishin, ishrat kun,
Sardminost baro-i tuvu soghar gul-i surx [1: 46].

Upon the whole, the consideration of the reflection of elements of the Indian style in S.Aini's poetry shows that the man-of-letters, alongside with the refinement of his art while resorting to ghazal music, also sang a new poem as the first its founder of this period. In other words, the continuation of the best traditions of Indian style speakers in S. Aini's poetry has very deep foundations, and in this regard, it can be emphasized that he has associated the past and present of traditional poetry in modern Tajik literature with such a wide connection. From this point of view, it is possible to welcome the style of S.Aini as an outstanding pattern of the followers of the Indian style in modern Tajik literature, however, in the literature of the era of independence, the relevant genre has found a deep place with its own specialty, and the discussion of the issue in question is the subject of another discussion. The language of S.Aini's poetry, which is considered to be the most inclusive of the elements of the folk language has difficult and complicated words and phrases, which to some extent is related to the influence of elements of the Indian style as well.

CONCLUSION

Thus, the subtlety of artistic elements of composition, interpretation and compound word-building shows that S.Aini embodied the best features of Indian style poetry in his words, and in this way he continued the traditions of the relevant literary school of the territory of Persian poetry with his own styles and approaches. Sadriddin Aini's mastership in the unique style of Persian poetry, which are often tried by the Indian style poets in their songs, in a different way talks about his oratorical art in the continuation of interesting and unique traditions of this literary style appertaining to the beginning of a new stage of Tajik literature.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айнӣ С.* Куллиёт: Иборат аз 15 ҷилд. Ҷилди 8. Душанбе: Ирфон, 1981. 524 с.

2. *Бедил А.* Осор: Дар ҳашт ҷилд. Ҷилди 1 / Ҳозиркунандаи чоп С. Сиддиқ. Душанбе: Адиб, 1989. 704 с.

3. *Нуров Н.* Парниёни сабзи андеша: Маҷмӯаи мақолаҳо дар нақди адабиёти муосир. Хуҷанд: Меъроҷ, 2014. 308 с.

4. *Нуров Н.* Садриддин Айнӣ ва шеваҳои такмили забони адабиёти тоҷикии садаи бист // Вестник Педагогического университета. 2024. № 2(109). С. 102–109. EDN KSZFTO.

5. *Соиб*. Мунтахабот / Мураттибон Аҳрорӣ З. ва Лоиқ Ш. Душанбе: Ирфон, 1980. 704 с.

6. *Шукуров М.* Аввалин фикру мулоҳизаҳои устод Айнӣ дар бораи Бедил // Ҷашнномаи Айнӣ. Ҷузъи 3. Душанбе: Дониш, 1966. С. 151–161

7. *Абдуллоев Р.Х.* "Сироҷи Мунир"-и Сироҷиддин Алихони Орзу ва меъёрҳои нақду сухансанҷӣ дар Шибҳи Қораи Ҳинд // Вестник Педагогического университета. 2024. № 2(109). С. 126–130. EDN LQNAHC.

REFERENCES

1. Aini S. (1981) Collected Works: In 15 vols. Vol. 8. Dushanbe. Irfon Publ. 524 p.

2. Bedil A. (1989) Works: In 8 vols. Vol. 1 / Ed. by S. Siddiq. Dushanbe. Adib Publ. 704 p.

3. Nurov N. (2014) The Green Silk of Thought: A Collection of Articles on the Criticism of Modern Literature. Khujand. Me'roj Publ. 308 p.

4. Nurov N. Sadriddin Aini and Methods of Improving the Tajik Literary Language of the Twentieth Century. *Bulletin of the Pedagogical University.* 2024. No 2(109), pp. 102–109. EDN KSZFTO.

5. Soib. (1980). Selected Works / Compil. by Z. Ahrorī & Sh. Loiq. Dushanbe. Irfon Publ. 704 p.

6. Shukurov M. (1966). Ustod Aini's First Thoughts and Reflections on Bedil. In: Aini Festschrift. (Part 3). Dushanbe. Donish Publ., pp. 151–161.

7. Abdulloev R.Kh. Sirojiddin Alikhon Orzu's 'Siroji Munir' and the Criteria for Criticism and Rhetorical Assessment in the Indian Subcontinent. *Bulletin of the Pedagogical University*. 2024. No 2(109), pp. 126–130. EDN LQNAHC.

Сведения об авторе:

Ромезжон Холмуминович Абдуллоев,	Romezjon Kh. Abdulloev,
канд. филол. наук	PhD
доцент	Associate Professor
руководитель отдела науки и инноваций	Head of the Department of Science and Innovation
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov

romizjona@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-44-50

Р.А. Ибрагимова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Роль некоторых таджикских инфинитивов в глагольных словосочетаниях и их английских эквивалентах (сравнительное исследование)

Аннотация: В статье рассматриваются синтаксические роли и семантические функции некоторых таджикских инфинитивов (отмеченных суффиксами *-ан/-дан*) в глагольных словосочетаниях (ГС), проводится сравнительный анализ с их переводными эквивалентами на английском языке. Опираясь в первую очередь на примеры из «Воспоминаний» Садриддина Айни, исследователь рассматривает, как таджикские инфинитивы функционируют в качестве дополнений к модальным, вспомогательным и лексическим глаголам, выражают цель и занимают номинальные позиции. Методология включает в себя выявление инфинитивных конструкций в исходном тексте и сравнение их структуры и значения с соответствующими переводами в опубликованном английском переводе. Анализ подчеркивает универсальность таджикского инфинитива и различные стратегии, используемые при переводе для достижения функциональной эквивалентности. Статья вносит вклад в таджикско-английскую контрастивную лингвистику и переводоведение, предоставляя ценные знания для изучающих язык и переводчиков.

Ключевые слова: таджикский и английский языки, инфинитив, глагольное словосочетание, контрастивная лингвистика, «Воспоминания» С. Айни, неличные глаголы

R.A. Ibragimova (Khujand, Republic of Tajikistan)

The Role of Some Tajik Infinitives in Verbal Phrases and Their English Equivalents (a comparative study)

Abstract: The given article dwells on the syntactic roles and semantic functions of some Tajik infinitives (marked by suffixes *-ан/-дан)* within verbal phrases (VPs), conducting a comparative analysis with their translation equivalents in English. Drawing primarily on examples from “Reminiscences” by Sadriddin Aini, the study considers how Tajik infinitives function as complements to modal, auxiliary, and lexical verbs, express purpose, and occupy nominal positions. The methodology involves identifying infinitive constructions in the source text and comparing their structure and meaning with corresponding renditions in a published English translation. The analysis highlights the versatility of the Tajik infinitive and the various strategies employed in translation to achieve functional equivalence. The article contributes to Tajik-English contrastive

linguistics and translation studies, providing insights valuable for language learners and translators.

Key words: Tajik and English languages, infinitive, verbal phrase, contrastive linguistics, “Reminiscences” by S. Aini, non-finite verbs

1. INTRODUCTION

1.1. BACKGROUND: NON-FINITE VERBS AND INFINITIVES

Infinitives, as a core type of non-finite verb form, exist across many language families, typically expressing the verbal action or state in an abstract, uninflected manner regarding tense, person, or number [2; 8; 9; 10]. They play diverse syntactic roles, often functioning as complements to other verbs, subjects or objects of clauses, or adjuncts expressing purpose or consequence. Their structural realization and functional scope vary significantly across languages.

1.2. THE INFINITIVE IN ENGLISH

English primarily features the to-infinitive (e.g., to write, to see) and the bare infinitive (without to, e.g., write, see). The bare infinitive typically follows modal auxiliary verbs (e.g., can write, must see) and certain causative or perception verbs (e. g., let him go, saw her leave). The to-infinitive is more versatile, functioning as a complement to numerous lexical verbs (e.g., want to go, decide to stay), as a subject or object (e. g., To err is human), an adjectival complement (e. g., easy to read), or an adverbial of purpose (e. g., He came to help) [5].

1.3. THE INFINITIVE IN TAJIK

The primary infinitive form in Tajik, often termed the infinitive or *masdar (масдар),* is morphologically marked by the suffixes *-ан* or *-дан* added to the past stem of the verb (e. g., навиштан ‘to write’ from navišt-; дидан ‘to see’ from did-) [3; 4; 10]. Unlike English, this single morphological form covers the functional range often distributed between English to-infinitives and gerunds. It functions extensively as a verbal complement, expresses purpose, and can be nominalized to act as a subject or object, often retaining verbal characteristics like taking objects [8: 21].

1.4. RATIONALE FOR COMPARISON

Comparing the Tajik infinitive and its English equivalents is crucial for several reasons. Firstly, it illuminates typological differences in how non-finite complementation and purpose are encoded – morphologically in Tajik versus primarily syntactically / periphrastically in English. Secondly, understanding these correspondences and divergences is vital for accurate and natural translation between the two languages. Thirdly, it aids second language acquisition by highlighting potential areas of interference or difficulty for learners of either language.

2. METHODS

2.1. CORPUS SELECTION

“Reminiscences” by Sadriddin Aini serves as the primary source due to its canonical status in modern Tajik literature, its rich depiction of life and language, and its frequent use of diverse syntactic structures, including VPs with infinitives. Analyzing a literary

text allows for observing translation strategies in a context demanding fidelity to both meaning and style.

2.2. DATA COLLECTION

Instances of verbal phrases containing the Tajik infinitive *(-ан/-дан)* were manually extracted from selected sections of the Tajik source text. The corresponding sentences and constructions in the English translation were then identified and paired with the source examples.

2.3. ANALYTICAL FRAMEWORK

A qualitative contrastive analysis methodology was adopted (Chesterman, 2016). Each Tajik source sentence containing an infinitive VP and its English translation was analyzed focusing on:

Syntactic Structure: to identify the infinitive, the governing verb (modal, lexical), auxiliary elements, and the overall VP structure in both Tajik and English.

Semantic Function: to determine the role of the infinitive construction (expressing modality, volition, purpose, inception, etc.).

Translation Equivalence: to identify the English structure used (e. g., to-infinitive, bare infinitive, gerund, finite clause) and classifying the translation strategy (e. g., direct correspondence, structural shift, modulation) (Baker, 2018; Vinay & Darbelnet, 1995/2013).

3. RESULTS

The analysis focuses on the infinitive *(-ан/-дан)* in verbal phrases within "Reminiscences" by Sadriddin Aini. The Tajik text (e. g., Aini, 1949, Dushanbe) is compared with its English translation. The study primarily examines infinitives functioning as verbal complements and purpose adjuncts.

Hence, we decided to dwell on a comparative analysis of Tajik infinitive constructions from "Reminiscences" Aini and their English translations.

3.1. INFINITIVE AS COMPLEMENT OF MODAL VERBS / CONSTRUCTIONS

Example 1:

Tajik: Ман ба он ҷо *рафтан* мехоҳам [1: 55] – *English Translation:* I want to go there [translated by the author].

Designing on the premise of the above-mentioned sentence one can assert that the Tajik VP uses the infinitive *raftan ('to go')* as the complement of the desiderative verb *khostan ('to want').* The English translation uses the standard structure want + to-infinitive, showing direct structural and semantic equivalence.

Example 2:

Tajik: Ӯ ин корро *карда* метавонад [1: 120] – *English Translation:* He can *do* this work [translated by the author].

The Tajik VP consists of the infinitive *kardan ('to do')* complementing the modal verb *tavonistan ('can').* English uses the corresponding modal can followed by the bare infinitive (do). This demonstrates a regular correspondence pattern between Tajik Infinitive + tavonistan and English Modal + Bare Infinitive.

Example 3:

Tajik: Мо *бояд* ба падарам *ёрӣ диҳем* [1: 78] – *English Translation:* We must help our father / We should help our father / We have to help our father [translated by the author].

The Tajik construction uses *boidan (or boyad) 'must / should'* followed by the infinitive *yorī dodan ('to give help').* English uses modal verbs (must, should) or the semi-modal have to, followed by the bare infinitive (help). This illustrates how one Tajik modal construction can correspond to several English modal expressions, requiring contextual choice in translation.

3.2. INFINITIVE AS COMPLEMENT OF LEXICAL VERBS

Example 4:

Tajik: Бачаҳо дар саҳро *бозӣ карданро* сар карданд [1: 96] – *English Translation:* The children started playing in the field / The children started to play in the field [translated by the author].

The infinitive *bozī kardan ('to play'),* marked with the accusative suffix *-ro* (indicating it functions somewhat nominally as the object of 'start'), complements the verb *sar kardan ('to begin / start').* English uses the verb start followed by either the gerund (playing) or the to-infinitive (to play), both being common complementation patterns for 'start'. This shows flexibility in English where Tajik primarily uses the infinitive.

Example 5:

Tajik: Ӯ аз хона *баромадан* намехост [1: 155] – *English Translation:* He did not want to leave the house [translated by the author].

Similar to Example 1, the infinitive *baromadan ('to exit / leave')* complements the negated desiderative verb *namekhohst ('did not want').* English again uses the standard want + to-infinitive structure within the negative past tense construction.

3.3. INFINITIVE EXPRESSING PURPOSE

Example 6:

Tajik: Вай ба шаҳр китоб *харидан(ӣ)* рафт [1: 210] – *English Translation:* He went to the city to buy books [translated by the author].

Proceeding from the assumption of the above-adduced example we can confidently express our own opinion the fact that the infinitive *kharidan ('to buy')* expresses the purpose of the main action raft *('went').* Tajik often uses the bare infinitive or sometimes adds a suffix like -ī in this function. English uses the to-infinitive of purpose (to buy). This is a very common correspondence for expressing purpose. Alternatively, English might use "in order to buy" or "for the purpose of buying," but the to-infinitive is most frequent.

Example 7:

Tajik: Мо барои *дам гирифтан* нишастем [1: 133] – *English Translation:* We sat down to rest / in order to rest / for a rest [translated by the author].

Here, the purpose is explicitly marked by the preposition *baroi ('for')* followed by the infinitive *dam giriftan ('to take rest').* English again uses the to-infinitive (to rest) or a prepositional phrase (for a rest), depending on stylistic choice. The *baroi* + Infinitive structure strongly signals purpose.

3.4. INFINITIVE IN NOMINAL ROLES (LESS COMMON IN VP ANALYSIS BUT RELEVANT)

Example 8:

Tajik: Хондан фоида дорад [1: 35] – *English Translation:* Reading is beneficial / To read is beneficial [translated by the author].

Based on the last it became clear that the infinitive *khondan ('to read / reading')* functions as the subject of the sentence. English typically uses the gerund (Reading) in

this role, although the to-infinitive (To read) is also possible, sometimes sounding more formal or archaic. This highlights a key area where English often prefers the gerund for nominal functions fulfilled by the Tajik infinitive.

3.5. SUMMARY OF TRANSLATION PATTERNS

The analysis reveals these primary correspondences:

Tajik Infinitive + Modal / Auxiliary (tavonistan, khohistan, boidan);

English Modal / Auxiliary + Bare Infinitive or to-Infinitive (e. g., can do, want to do, must do).

Tajik Infinitive (complement of lexical verbs like sar kardan);

English to-Infinitive or Gerund (e. g., start to play / start playing).

Tajik Infinitive (expressing purpose, +/– baroi);

English to-Infinitive of purpose (e. g., went to buy).

Tajik Infinitive (as subject / object);

English Gerund or to-Infinitive (e. g., Reading is good / To read is good).

4. DISCUSSION

4.1. INTERPRETATION OF RESULTS

The findings confirm the significant role of the infinitive *(-ан/-дан)* in Tajik grammar, particularly within VPs for expressing modality, volition, aspect (inception / cessation), and purpose. It functions as a versatile verbal complement. The translation patterns show that while English possesses functional equivalents, they are structurally diverse (to-infinitive, bare infinitive, gerund, finite clauses), requiring careful selection by the translator.

4.2. STRUCTURAL ASYMMETRIES

The most prominent asymmetry is morphological vs. periphrastic encoding. Tajik uses a consistent suffix *(-ан/-дан)* to form the infinitive, which then combines with governing verbs. English relies on the particle to, the absence of to (bare infinitive), or the *-ing* suffix (gerund), with the choice dictated by the governing verb or syntactic function. This morphological simplicity and consistency in Tajik contrasts with the syntactic variability in English non-finite complementation.

4.3. SEMANTIC EQUIVALENCE AND CHALLENGES

While core meanings (ability, desire, obligation, purpose) are generally transferable, subtle semantic nuances can pose challenges. For instance, the range of meaning covered by Tajik boidan + infinitive might require choosing between English must, should, have to, or ought to, depending on the specific degree of obligation or advisability implied by the context [10]. Similarly, translating infinitives functioning nominally requires choosing between the English gerund and to-infinitive, which can sometimes carry slightly different stylistic connotations [7].

4.4. ROLE OF CONTEXT IN TRANSLATION

Context is paramount in determining the appropriate English equivalent. The choice between a to-infinitive and a gerund after verbs like ‘start’, ‘begin’, ‘like’, ‘prefer’ in English often depends on subtle aspectual nuances or established collocations, which must be considered when translating from Tajik where only the infinitive is typically used. The broader discourse also guides the selection of modals (e. g., must vs. should for boidan).

4.5. IMPLICATIONS FOR CONTRASTIVE LINGUISTICS, TRANSLATION, AND PEDAGOGY

This comparative analysis contributes to a deeper understanding of non-finite verb systems in Tajik and English. For translators, it highlights common pitfalls and successful strategies in rendering infinitive constructions. For language pedagogy, it identifies key areas where learners of English may struggle (e. g., choosing between to-infinitive, bare infinitive, and gerund) and where learners of Tajik need to master the functions of the -тан/-дан form. Explicit instruction on these correspondences and differences is beneficial [6].

5. CONCLUSION

The Tajik infinitive *(-ан/-дан)* is a highly productive and versatile grammatical form, central to the structure of verbal phrases. It serves crucial functions in expressing modality, volition, purpose, and aspectual nuances, primarily as a complement to various verbs. Comparative analysis with English translations, using examples from Aini's "Reminiscences," reveals that while functional equivalence is generally achievable, it involves navigating significant structural asymmetries. English employs a range of structures – to-infinitives, bare infinitives, gerunds, and finite clauses – corresponding to the morphologically unified Tajik infinitive. The translator's choice depends heavily on the governing verb, the specific semantic function, and the surrounding context. This study underscores the importance of contrastive grammatical analysis for translation theory and practice and for developing effective language teaching methodologies for Tajik and English speakers.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Айнӣ С.* Ёддоштҳо. Ҷ. I. Душанбе; Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1949. 255 с. / Aini S. (1949). Yoddoshtho [Memoirs] (Vol. I). Dushanbe; Stalinobod. State Publishing House of Tajikistan. 255 p.

2. Граматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с. / Grammar of the Modern Standard Tajik Language. Dushanbe. Knowledge Publishing House. 1985. 356 p.

3. *Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н.* Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М.: Наука, 1982. 230 с. / Yefimov V.A., Rastorgueva V.S., & Sharova E.N. (1982). Persian, Tajik, Dari. In: Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Moscow. Nauka Publ. 230 p.

4. *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Вып. 1. М.: Наука, 1952. С. 117–119. / Rastorgueva V.S. Essays on Tajik Dialectology. In: Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Issue 1. Moscow. Nauka Publ. 1952, pp. 117–119.

5. Chesterman A. (2016). Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory (Revised ed.). John Benjamins Publishing Company. xii, 225 p.

6. Duffley P.J. (2006) The English Gerund-Participle: A Comparison with the Infinitive. New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien. Peter Lang Group AG. XII, 188 p.

7. Haspelmath M. (1995). The Converb as a Cross-linguistically Valid Category. In: Converbs in Cross-linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds / Eds.: M. Haspelmath & E. König, Berlin. Mouton de Gruyter. 1995, pp. 1–55.

8. Ibragimova R.A. Comparative Analysis of Participial Verb Phrases in Tajik and Ways of Their Expression in English. *The Power Of History – The History Of Power*. 2024. Vol. 10. No 8(58), pp. 21–29. EDN MKVLPJ.

9. Ibragimova R.A., Usmonova M.N. Comparative Analysis of Lexico-morphological Peculiarities of Interjections Denoting Sorrow in Tajik and English. *The Power Of History – The History Of Power*. 2024. Vol. 10. No 8(58), pp. 59–67. EDN AOUPRW.

10. Perry J.R. (2005) A Tajik Persian Reference Grammar. Boston. Brill Leiden. 528 p.

11. Usmonova M.N., Ibragimova R.A. Comparative Analysis of Lexico-morphological Peculiarities of Adverbs of Degree in Tajik and English. *The Power Of History – The History Of Power*. 2024. Vol. 10. No 8(58), pp. 82–92. EDN ZDRLFV.

Сведения об авторе:

Раъно Абдушукуровна Ибрагимова,	Rano A. Ibragimova,
канд. филол. наук	PhD
доцент	Associate Professor
факультет иностранных языков	Faculty of Foreign Languages
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov
	rano1977@list.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-51-59

С. Саидганизода (Худжанд, Республика Таджикистан)

Некоторые взгляды на литературную ценность «Рисалат-ут-Туйур» Ахмада Газали

Аннотация: В статье рассматривается литературная ценность «Рисалат ут-Туйур» Ахмада Газали в суфизме XII в., вводится текст, определяется литературная ценность мистических аллегорий, выявляется необходимость целенаправленной литературной оценки, выходящей за рамки доктринальных резюме или простого сравнения, и излагаются цели исследования. В статье используется качественный подход, основанный на внимательном прочтении первичного текста (с опорой на устоявшиеся переводы и критические издания) в сочетании с символическим, аллегорическим и стилистическим анализом. Результаты синтезируются, подчеркивая синергетическую связь между литературной формой и мистическим содержанием в «Рисалат».

Темой обсуждения в данной статье является введение в «Рисалат-ут-Туюур» Ахмада Газали с учетом его структуры и содержания, литературного значения, значимости художественного воображения мистика, деталей событий и влияния текста «Рисалат-ут-Туюур» на другие более поздние произведения. В статье также излагаются мнения ученых о его важности и литературной ценности.

Ключевые слова: Ахмад Газали, Рисалат-ут-Туюур, любовь (ишк), влюбленный (ашик), Симург

S. Saidghanizoda (Khujand, Republic of Tajikistan)

Some Views on Literary Value of “Risalat-ut-Tuyur” by Ahmad Ghazali

Abstract: The given article dwells on the literary value of “Risalat ut-Tuyur” by Ahmad Ghazali within 12th-century Sufism, introduces the text, defines literary value for mystical allegories, identifies the need for focused literary assessment beyond doctrinal summaries or simple comparison, and outlines the study’s objectives. The article utilizes a qualitative approach based on close reading of the primary text (relying on established translations and critical editions), combined with symbolic, allegorical, and stylistic analysis. The findings are synthesized, highlighting the synergistic relationship between literary form and mystical content in the “Risalat”.

The subject of discussion in this article is an introduction to Ahmad Ghazali’s “Risalat-ut-Tuyur”, considering its structure and content, literary significance, the prominence of the mystic`s artistic imagination, the details of the events, and the influence of

the text of “Risalat-ut-Tuyur” on other later works. The article also expresses opinions on its importance and literary value from the perspective of scholars.

Key words: Ahmad Ghazali, Risalat-ut-Tuyur, love (ishq), lover (ashiq), Simurgh

1. INTRODUCTION

1.1. CONTEXT: AHMAD GHAZALI AND 12TH-CENTURY SUFISM

Ahmad ibn Muhammad al-Ghazali (d. 520/1126) was a highly influential Persian Sufi mystic, preacher, and Shafi’i jurist, flourishing during the Seljuk period. Living in the shadow of his elder, more famous brother, Abu Hamid al-Ghazali (d. 1111), Ahmad carved his own distinct path within Islamic mysticism, becoming particularly renowned for his profound and often daring explorations of divine love (ishq) [13]. His ministry in Baghdad and Hamadan attracted numerous disciples, and his teachings, emphasizing experiential knowledge and the centrality of love in the relationship with the Divine, left a lasting imprint on subsequent Sufi thought and practice [14]. The 11th and 12th centuries were a fertile period for the development of Sufi literature, witnessing a shift towards more systematic expression of mystical doctrines and the increasing use of allegory and symbolic poetry to convey ineffable experiences [12]. Ahmad Ghazali stands as a key figure in this transition, bridging didactic prose with evocative, symbolically charged writing.

1.2. THE TEXT: “RISALAT UT-TUYUR”

Among Ahmad Ghazali’s relatively small corpus of extant works, “Risalat ut-Tuyur” (Treatise of the Birds, also known as “Risalat al-Tayr”) occupies a unique position. It is a short allegorical narrative, likely composed in Persian although early Arabic versions also circulated, depicting the journey of various birds, symbolizing different types of human souls or spiritual aspirants, towards the court of the great “Simurgh” or “Anqa” (Phoenix / Griffon), representing the Divine Reality or the ultimate spiritual goal [11; 1]. Guided by a leader figure (often identified implicitly or explicitly as the Hoopoe in related traditions), the birds encounter challenges and temptations, reflecting the stages and pitfalls of the Sufi path (tariqah). While the narrative framework echoes potential earlier inspirations (such as Ibn Sina’s own “Risalat al-Tayr”) and clearly anticipates Fariduddin Attar’s much longer and more famous “Mantiq ut-Tayr” (Conference of the Birds), Ahmad Ghazali’s version possesses its own distinct focus, tone, and literary characteristics [15].

1.3. DEFINING LITERARY VALUE IN MYSTICAL ALLEGORY

Assessing the literary value of a work like “Risalat ut-Tuyur” requires a nuanced approach that transcends purely aesthetic or formalist criteria, while still rigorously examining them. Within the context of Sufi literature, literary value is intrinsically linked to the text’s efficacy in achieving its didactic and transformative aims – that is, its ability to guide the reader towards mystical understanding and experience [16]. Therefore, literary value here encompasses:

– *Aesthetic and Formal Qualities:* The skillfulness of the language, the coherence and resonance of the allegorical structure, the richness and appropriateness of the symbolism and imagery, the effectiveness of rhetorical devices, and the overall stylistic artistry.

– *Thematic Depth and Insight:* The profundity with which core mystical themes (e. g., the soul's journey, divine love, knowledge vs. experience, guidance, unity) are explored and illuminated through the literary medium.

– *Communicative Power:* The capacity of the text to evoke intellectual understanding, affective response (awe, longing, fear), and potentially, spiritual insight in the intended audience (originally, Sufi disciples, but extending to later readers).

– *Originality and Influence:* The degree to which the work offers a novel perspective or formulation within its tradition and its impact on subsequent literary and mystical developments.

1.4. PROBLEM STATEMENT AND RESEARCH GAP

While "Risalat ut-Tuyur" is frequently mentioned in studies of Sufism and Persian literature, often as a precursor to Attar or as an example of Sufi allegory [17], detailed analyses focusing specifically on its intrinsic literary merit remain relatively scarce, especially in recent Anglophone scholarship. Much attention has understandably focused on Ahmad Ghazali's more extensive work on love, "Sawanih fi'l-'Ishq" (Aphorisms on Love), or on comparative studies that primarily use "Risalat" to illuminate Attar's later masterpiece. There exists a gap in scholarship dedicated to a profound, standalone assessment of the literary artistry and value inherent in "Risalat ut-Tuyur" by Ghazali itself, recognizing it not merely as a stepping stone, but as a concise yet potent literary achievement. Recent scholarship has revisited Ahmad Ghazali's broader significance, creating a timely opportunity to re-evaluate the literary dimensions of this specific work.

The corpus of our study aims to move beyond surface description or purely doctrinal interpretation to explore the intricate ways in which Ghazali employs literary techniques – allegory, symbolism, style, rhetoric – to convey complex Sufi ideas and experiences. The scope includes:

– to consider the allegorical structure and its effectiveness in details;

– to analyze the key symbols (especially avian) and imagery;

– to assess the prose style and rhetorical strategies;

– to explore the major Sufi themes as manifested literarily.

2. METHODS

2.1. PRIMARY SOURCE

The primary text for this analysis is "Risalat ut-Tuyur" by Ahmad Ghazali. While acknowledging the existence of both Persian and Arabic versions and scholarly debate surrounding the original language, this study primarily relies on critically regarded English translations that reflect the core narrative and symbolic structure common to the extant manuscript traditions. Specifically, reference is made to translations such as that by I. Shekhimov, Ed. & Annot (2015) – Faslnomai Kamoli Khujandi [Quarterly Journal of Kamoli Khujandi], 3(3), pp. 160–168; N. Purjavodi (1976; 60 pp.). The analysis focuses on the semantic content, symbolic structures, stylistic elements, and narrative progression evident in these accessible versions.

2.2. ANALYTICAL FRAMEWORK

This study employs a qualitative methodology centered on literary analysis. The core components of the framework are:

– *Close Reading:* detailed examination of the text's language, structure, and narrative elements to identify patterns, nuances, and specific literary techniques employed by Ghazali.

– *Allegorical Interpretation:* analyzing the "Risalat" as a sustained allegory, identifying the symbolic correspondences between the avian characters, their actions, the landscape, and the intended mystical meanings related to the soul's journey towards God. This involves mapping the narrative onto established Sufi concepts of spiritual stations (maqamat) and states (ahwal).

– *Symbolic Analysis:* investigating the specific connotations and multi-layered meanings of key symbols, particularly the different species of birds representing soul-types or spiritual attitudes, the figure of the guide, the ultimate goal (Simurgh / Anqa), and recurring natural imagery (desert, mountain, water, etc.).

– *Stylistic Analysis:* assessing the characteristics of Ghazali's prose, including sentence structure, diction (choice of words), tone (didactic, evocative, warning), use of rhetorical figures (metaphor, simile, paradox, personification), and the integration of Quranic verses or Hadith allusions.

– *Comparative Literature:* Situating "Risalat ut-Tuyur" within its literary and intellectual context. This involves:

– comparison with potential precursors (e. g., Ibn Sina's treatise of the same name) to identify elements of continuity and innovation;

– comparison with Ahmad Ghazali's other major work, Sawanih, to explore thematic and stylistic coherence in his oeuvre, particularly regarding the theme of love;

– comparison with "Mantiq ut-Tayr" by Fariduddin Attar to highlight both Ghazali's foundational role and the distinct characteristics of his earlier, shorter work.

– *Historical Contextualization:* understanding the text within the socio-religious milieu of 12th-century Persia and the evolving tradition of Sufi didactic literature.

3. MAIN RESULTS AND DISCUSSION

The primary literary vehicle of "Risalat" is its allegorical framework, depicting the perilous journey of the soul towards the Divine. Its value lies in its potent combination of simplicity and depth. Ghazali masterfully employs various birds not just as generic souls, but as representatives of specific spiritual types, attitudes, or attachments that hinder the journey. While perhaps less elaborated than in Attar, the selection (e. g., the peacock representing vanity, the duck attached to worldly comforts, the hawk symbolizing ambition or pride) serves as an effective diagnostic tool for the reader's own spiritual condition. The literary skill lies in choosing birds whose natural characteristics align symbolically with human psychological or spiritual traits, making the allegory immediately intuitive yet resonant.

The former in question occupies a distinct position within mystical literature as a symbolic and philosophical Sufi work. Among the works attributed to Ahmad Ghazali, "Risalat ut-Tuyur" is ranked among the prominent works of Sufism. This work continued the tradition of employing avian symbolism for the explanation and elaboration of Sufi doctrines and concepts. This treatise bears a very close resemblance to Ahmad Ghazali's other Sufi works regarding the scope of its primary theme, method of narrative construction, use of allegory and anecdotes, the prominence of the mystic's artistic imagination, and the detailing of events.

The Divine Imam (Imām-i rabbānī), the Master of the Saints (sayyid ul-awliyā – leader of the friends of God), the Pole of the Pure Ones (quṭb ul-aṣfiyā – elder and

authority of God's chosen ones) Ahmad ibn Muhammad al-Ghazali, may God sanctify his noble soul (qaddasallāhu rūḥah ul-ʿazīz – Meaning: May God hold his dear soul sacred), said: "Although the birds were many and their nature, disposition, and voices were diverse, and each of them had an inclination (kashish – inclination, attachment) towards a different nest and a different abode, nevertheless, all of them (hamginon – all, everyone) became allies with one another and agreed, saying: "It is incumbent upon us (lā budd) to have a king, to whose court we may go at any time and present our needs to him" [3: 160].

Foruzanfar attributes the title "Risalat ut-Tuyur" of this captivating mystical work by Ghazali to the Glorious Quran, explaining his view as follows: "Risalat ut-Tuyur" is derived from the verse 'And Solomon was David's heir. He said: "O people! We have been taught the language of birds (mantiq al-tayr)..." (Surah An-Naml, verse 16), which commentators (mufassirin) have interpreted in its literal sense (maʿnī-i ẓāhirī), meaning knowledge and understanding of the speech and melody of birds, and they have related several anecdotes about Solomon's conversations with birds, and Sheikh Attar expressed this same meaning in describing Solomon's ring:

Зи номи он нигинаш шуд, на аз ғайр,
Румузи мӯру кашфи мантиқ-ут-тайр [6: 214].

Concerning "Risalat ut-Tuyur" by Ahmad Ghazali, or works following its model in the history of classical literature, no separate monograph has been authored, aside from mentions and descriptions by tazkirah writers (biographers). However, some prominent writers of classical Persian-Tajik literature followed Attar, drawing upon the anecdotes within his masnavis. In classical literature, after the composition of "Mantiq ut-Tayr", most references made to the world of birds were undoubtedly references to this same narrative by Attar. The most prominent follower of Attar is Mawlawi (Rumi), who held great love and devotion for Attar and used to say:

Ман он Мавлои Румиям, ки аз нутқам шакар резад,
Валекин дар сухан гуфтан ғуломи шайх Атторам [7: 43].

The edition of "Risalat ut-Tuyur" prepared by Foruzanfar contains a detailed introduction, in which he has expressed views concerning the issues of Ahmad Ghazali's life and works. In this introduction, the scholar expressed his personal views regarding the personalities of great historical figures, subsequently stated his opinion concerning the essence of Sufism, and linked this line of thought to the mystical life of Ghazali [7: 43].

Among these works, "Risalat ut-Tuyur" is the treatise whose attribution to Ghazali is most strongly emphasized by sources. Foruzanfar provides brief information concerning this treatise and reports on its most significant manuscripts and printed editions.

The study of the life and works of Ghazali holds particular significance not only in the East (Khovar-zamin) but also in the Western world. Another scholar who has undertaken the study of Ghazali's works and has artfully conducted his research is the German Orientalist Hellmut Ritter. This scholar was a master of the Persian and Arabic languages, a German writer and researcher, an expert in theology (ilohiyot), and a textual scholar (matnshinos) of Latin and Greek. He authored a highly valuable book entitled as "Daryoi Jon" (The Ocean of the Soul), in two volumes. This book is considered Ritter's most important and prominent work, entirely dedicated to the explanation and commentary of Ghazali's thought [3: 16]. Ritter possessed the virtues of meticulous observation (daqiqnazarī), scholarly integrity (pokizakorī), and an understanding of the

spiritual essence (hastii ma'navī) of authors. He was well-versed in European and Eastern languages, which enabled him to conduct excellent research concerning Ghazali.

In his work, Ritter primarily relies on the four masnavis [of Attar], among which "Mantiq ut-Tayr" holds a special position. Specifically concerning "Mantiq ut-Tayr", he writes the following: "Regarding "Mantiq ut-Tayr", fortunately, we are aware of the source from which the poet [Attar] drew inspiration in composing this narrative. This source is "Risalat ut-Tuyur", the Arabic version (riwayat) of which is attributed to Imam Muhammad al-Ghazali. From certain difficulties present in the style of the Arabic version, it appears that this version must be a translation, and seemingly translated from a Persian original. Its Persian version is attributed to his brother, Ahmad al-Ghazali" [3: 18].

Ritter considers Ghazali's thought and worldview to be broader and richer than what is presented in "Risalat ut-Tuyur".

The author [Ritter] selects compelling themes from Ahmad Ghazali's works and reflects upon approximately 30 topics. In the book, each topic encompasses numerous sub-topics, which allows the main theme to be elucidated with greater clarity and comprehensiveness. In nearly all the topics presented for discussion and analysis, anecdotes from "Risalat ut-Tuyur" are utilized to reinforce the argument. Particularly concerning themes such as death and impermanence, the phenomenal world (dunyā), the unquenchable yearning (shawq) for gnosis of God (ma'rifat), the theme where the poet speaks of himself, the audacity of the 'wise fools' (devonagon) towards God, contentment (qanoat) and spiritual poverty (faqr), annihilation (fana) and union (ittihad) with the Divine (uluhīyat), and the theme of the inward journey (safar dar khud), these are sections wherein the author [Ritter] draws most extensively upon "Risalat ut-Tuyur". At times drawing upon the figures of the birds, at other times upon the events that transpired with the birds, occasionally upon the prominent figure of the Hoopoe, or upon the engaging anecdotes of the aforementioned narrative, he [Ritter] elucidates compelling points. Ritter reveals to us the noble world of Ghazali through a distinctive lens, such that any connoisseur of literature (sukhan-shinos) and devotee of love (ishq-pesha) inevitably becomes captivated by his words and thoughts.

Foruzanfar, regarding those narratives accessible to him, provides concise information while searching for the historical foundations of the story of Sheikh San'an. He recounts, among others, historical anecdotes from the Umayyad and Abbasid periods (an era when well-maintained and pleasant Christian monasteries existed, which some love-inclined (oshiq-pesha) and wine-bibbing (boda-gusor) Muslims frequented, engaging with the convent girls), the story of Madrak ibn Ali al-Shaybani (a Bedouin from Basra who studied jurisprudence (fiqh) and ultimately fell in love with a Christian girl named Umru), the narrative of the poet Abbada (who became infatuated with a monk and, unlike others, reportedly removed the beloved from the monastery), and the account of Ibn Saqqa (the most famous story; according to reports, Ibn Saqqa was a Quran reciter, and the outcome of his affair was similar to the others). In concluding this matter, he [Foruzanfar] emphasizes the existence of another narrative that closely resembles Sheikh Attar's version, and that this story is derived from the book "Tuhfat al-Muluk" by Muhammad al-Ghazali [Ahmad's brother]. The Sheikh's name in [Muhammad] al-Ghazali's story appears as Abdurrazzaq al-San'ani.

Overall, it can be emphasized that although "Risalat ut-Tuyur" is considered a brief composition in terms of structure and volume, nevertheless, through the language of the birds, this insightful author (navisanda-i sohib-nazar) elucidated the stages of the mys-

tical journey (marohit-i sayr-i suluk) with particular appeal (jazzobiyat-i khossa), subsequently influencing writers and poets (adibon u sukhanvaron) who came after him.

Limitations of the Study

This study faces certain limitations. Firstly, relying primarily on translations inevitably means some nuances of the original Persian or Arabic prose style, wordplay, or scriptural resonance may be missed. A deeper analysis would require engagement with the original language manuscripts. Secondly, the relative scarcity of dedicated recent scholarship focusing solely on the literary aspects of the "Risalat" limits the extent of direct dialogue with contemporary critical perspectives specifically on this text's artistry. Thirdly, the brevity of the text itself means that the analysis, while profound, necessarily deals with a more constrained set of literary features compared to analyses of longer works. Finally, definitively tracing direct influence beyond Attar is challenging due to the nature of medieval manuscript transmission and literary borrowing.

4. CONCLUSION

4.1. RESTATEMENT OF MAIN FINDINGS

This analysis has argued that "Risalat ut-Tuyur" by Ahmad Ghazali, despite its brevity and its frequent positioning as a mere precursor to "Mantiq ut-Tayr" by Attar possesses significant intrinsic literary value. This value derives from its skillfully constructed allegorical framework, which effectively narrates the soul's journey; its rich and multi-layered symbolic language, particularly the use of avian and natural imagery; its distinctive prose style characterized by evocative concision and rhetorical finesse; its profound thematic resonance with core Sufi concepts like divine love, self-annihilation, and the need for guidance; and its demonstrable originality and foundational influence within the Sufi allegorical tradition. The study found that the text's literary elements and mystical content are deeply intertwined, with the artistry of the form serving to enhance the communication and experiential potential of the Sufi teachings embedded within it.

4.2. FINAL ASSESSMENT OF LITERARY VALUE

"Risalat ut-Tuyur" should be recognized not just as a historically important text but as a minor masterpiece of Sufi literature. Its literary value lies in its successful distillation of complex mystical ideas into a compelling, accessible, and symbolically rich allegorical narrative. Its conciseness is a mark of its mastery, achieving significant impact through economical means. While it may lack the encyclopedic scope and poetic grandeur of Attar's later work, its focused intensity, evocative power, and structural clarity grant it a distinct and enduring place in the canon. It represents a high point in early Sufi prose allegory, demonstrating Ahmad Ghazali's considerable literary talents alongside his recognized mystical depth.

4.3. CONCLUDING REMARKS

Ultimately, "Risalat ut-Tuyur" by Ahmad Ghazali serves as a powerful reminder that literary value in mystical traditions is often inseparable from spiritual efficacy. Its enduring appeal stems from its ability to cloth profound spiritual truths in beautiful and resonant literary form. By taking flight with Ghazali's birds, readers across centuries are invited into a contemplation of their own spiritual journey. This profound analysis reaffirms the need to appreciate the "Risalat" on its own terms, recognizing its unique

contribution to the rich tapestry of Persian Sufi literature and confirming its status as a work of significant and enduring literary value.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Ашрапов Б.П.* Избранная библиография печатных трудов профессора Низомиддина Муроди / Б. П. Ашрапов, Н. Муроди // Stephanos. 2025. № 2(70). С. 53–63. / Ashrapov B.P., & Murodi N. Selected Bibliography of Printed Works of Professor Nizomiddin Murodi. Stephanos, 2025. No 2(70), pp. 53–63. DOI 10.24249/2309-9917-2025-70-2-53-63. EDN ZRDMDR.

2. *Бертельс Е.Э*. Суфизм и суфийская литература. Избр. труды. М., 1960. 555 с. / Bertels E.E. (1960). Sufism and Sufi Literature. Selected Works. Moscow. 555 p.

3. *Ғаззолӣ Аҳмад*. Рисолат-ут-туюр. Таҳия ва тавзеҳи Иззаатбек Шехимов. / Фаслномаи Камоли Хуҷандӣ. 2015. №3 (3). С. 160–168. / Ghazoli Ahmad. Treatise of the Birds / Ed. & annot.: I. Shekhimov. *Quarterly Journal of Kamoli Khujandi*. 2015. No 3(3), pp. 160–168.

4. *Ғаззолӣ Аҳмад*. «Достони мурғон, Рисолат-ут-туюр»-и Аҳмад Ғаззолӣ ба эҳтимоми Насруллоҳ Пурҷаводӣ. Теҳрон, 1976. 60 с. / Ghazoli Ahmad. (1976). Story of the Birds, Treatise of the Birds / Ed.: N. Purjavodi. Tehran. 60 p.

5. *Зарринкӯб А.* Баҳр дар кӯза. Теҳрон, 1366. 616 с. / Zarrinkub A. (1366 [SH]). The Ocean in a Jug. Tehran. 616 p. (Note: 1366 SH corresponds approximately to 1987–1988 CE).

6. *Фурӯзонфар Бадеуззамон*. Шарҳи ҳол ва осори Мавлоно / Бо кӯшиши Ҷаъфари Ранҷбар ва Масъуди Миршоҳӣ. Душанбе: Китобхонаи устод Халилӣ, 2007. 252 с. / Foruzonfar Badi'uzzaman. (2007) Biography and Works of Mawlana (Rumi) / Eds.: J. Ranjbar & M. Mirshohi). Dushanbe. Library of Ustod Khalili Publ. 252 p.

7. *Фурӯзонфар Бадеуззамон*. Аҳодиси Маснавӣ / Ҷамъ ва тадвини Бадеуззамон Фурӯзонфар. Теҳрон: Амири Кабир, 1347. 600 с. / Foruzonfar Badi'uzzaman. (1347 [SH]). The Hadiths of the Masnavi / Comp. & ed.: Badi'uzzaman Foruzonfar). Tehran: Amir Kabir. 600 p. (Note: 1347 SH corresponds approximately to 1968–1969 CE).

8. Ashrapov B.P. Professor Nizomiddin Murodi's Contribution to the Study and Exploration of Literary Ties between Tajik-Persian and Chinese Literatures (on the example of Uyghur literature). *Stephanos*. 2025. No 2(70), pp. 45–52. DOI 10.24249/2309-9917-2025-70-2-45-52. EDN VELVIQ.

9. Casari L. The Besitiary of the Mystics: Animals in Perso-Islamic Sufism. *Literature and Theology*. 2018. Vol. 32. Issue 4, pp. 391–408.

10. Ernst C.W. (2017) Sufism: An Introduction to the Mystical Tradition of Islam. Shambhala Publications.

11. Ghazali Ahmad. (2012) [Treatise of the Birds]. In: Between Reason and Revelation: Antinomian Aspects of Ash'arism: Ed. & trans.: E. Ormsby.

12. The Cambridge Companion to Sufism / Ed.: Lewisohn L. Cambridge University Press. 2014.

13. Lumbard J.E.B. (2016) Ahmad al-Ghazālī, Remembrance, and the Metaphysics of Love. State University of New York Press.

14. Morris J.W. (2012) Orientations: Islamic Thought in a World Civilization. Fundația Traduceri Neretrasmise și Dialog Intercultural.

15. Nasr S.H. (1993) Foreword. In : F. Attar, The Conference of the Birds / Trans.: A. Darbandi & D. Davis. Penguin Classics.

16. Netton I. R. (2013) Islam, Christianity and the Realms of the Miraculous: A Comparative Exploration. Edinburgh University Press.

17. Pourjavady N. (2011). Ġazālī. Encyclopaedia Iranica. Vol. X. Fasc. 4, pp. 367–374.

18. Ridgeon L. (2011). Sufi Castigator: Ahmad Kasravi and the Iranian Mystical Tradition. Routledge.

19. Ritter H. (1986). The Ocean of the Soul: Man, the World, and God in the Stories of Farid al-Din Attar / Trans.: J. O'Kane. Brill.

Сведения об авторе:

Саидсултонхон Саидганизода,	Saidsultonkhon Saidghanizoda,
доктор философии (Phd)	Doctor of Philosophy (PhD), on the Specialty of Philology
преподаватель	Lecturer
кафедра арабской филологии	Department Arabic Philology
факультет восточных языков	Faculty of Oriental Languages
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov
	mistersaidsultonkhon_91-03@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-60-67

UDC 811.001

А.А. Султонов (Худжанд, Республика Таджикистан)

Сравнительный анализ морфологических особенностей модальных частиц в таджикском и китайском языках

Аннотация: В статье дан сравнительный анализ морфологических характеристик модальных частиц в таджикском и китайском языках. Таджикские данные в основном взяты из романа Садриддина Айни «Гуломон», в то время как китайские примеры основаны на устоявшихся грамматических описаниях и лингвистических исследованиях. Анализ выделяет ключевые морфологические расхождения, вытекающие из типологических различий языков, таких как наличие энклитик и некоторых деривационных связей в таджикском языке по сравнению с преобладанием инвариантных, односложных, иероглифических частиц в китайском языке, часто функционирующих в конце предложения. Несмотря на морфологические различия, наблюдаются функциональные параллели в выражении модальных нюансов. Исследование вносит вклад в сравнительную лингвистику, типологию и понимание выражения модальности в расходящихся языковых семьях, показывая, как фундаментальные грамматические структуры влияют на морфологию периферийных элементов, таких как модальные частицы.

Ключевые слова: модальные частицы, морфология, сравнительная лингвистика, таджикский и китайский языки, модальность, типология

A.A. Sultonov (Khujand, Republic of Tajikistan)

Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Modal Particles in Tajik and Chinese

Abstract: The given article dwells on the comparative analysis of the morphological characteristics of modal particles in Tajik and Chinese. Tajik data is primarily drawn from the novel entitled as “Ghulomon” by Sadriddin Aini, while Chinese examples are based on established grammatical descriptions and linguistic studies. The analysis highlights key morphological divergences stemming from the languages’ typological differences, such as the presence of enclitics and some derivational links in Tajik versus the prevalence of invariant, monosyllabic, character-based particles in Chinese, often functioning sentence-finally. Despite morphological disparities, functional parallels in expressing modal nuances are observed. The study contributes to comparative linguis-

tics, typology, and the understanding of modality expression across divergent language families, underscoring how fundamental grammatical structures influence the morphology of peripheral elements like modal particles.

Key words: modal particles, morphology, comparative linguistics, Tajik and Chinese languages, modality, typology

1. INTRODUCTION

1.1. BACKGROUND: MODAL PARTICLES

Modal particles are typically small, often invariant words or affixes that do not contribute to the core propositional meaning but modify the illocutionary force or express the speaker's stance towards the utterance or the hearer [5; 6]. They are particularly prominent in some language families and typological profiles, often clustering at the peripheries of clauses or sentences. Their analysis poses challenges as they operate at the interface of syntax, semantics, pragmatics, and morphology. While often morphologically simple or invariant, their precise forms, structural possibilities (e. g., free vs. bound), and inventory size are subject to cross-linguistic variation, reflecting deeper typological characteristics of the languages involved.

The stark typological contrast between Tajik (inflectional / agglutinative tendencies, Indo-European) and Chinese (isolating, Sino-Tibetan) makes a comparative analysis of their modal particle systems particularly insightful, especially regarding their morphological features.

1.2. PROBLEM STATEMENT AND RESEARCH GAP

While modality and modal particles have been studied extensively within general linguistics and for individual languages or language families (e. g., Germanic particles, Chinese sentence-final particles), comparative studies focusing specifically on the morphological aspects of modal particles across highly divergent language pairs like Tajik and Chinese are scarce. Existing comparative work often prioritizes functional or syntactic parallels. Furthermore, recent scholarship (2010–2023) incorporating data from less commonly compared pairs is needed. Studies on Tajik particles often remain within the domain of Iranian linguistics or descriptive grammar, while Chinese particle research, though vast rarely engages in deep comparison with Indo-European languages beyond major European ones [7: 1691].

There is a specific gap in analyzing how the morphological make-up (invariance, syllabicity, potential for affixation or compounding, derivational sources) of modal particles differs or converges in Tajik and Chinese, and how these morphological features correlate with the broader typological profiles of the languages. Utilizing authentic literary data, such as "Ghulomon" by Sadriddin Aini provides a grounded basis for examining Tajik usage [1].

1.3. OBJECTIVES

The given article aims to address the identified gap through a comparative morphological analysis. The primary objectives are:

– to identify a representative set of modal particles in contemporary Standard Tajik (drawing examples from "Ghulomon" by Aini) and Standard Chinese;

– to analyze the morphological features of these particles in each language, focusing on form invariance/variation, syllabic structure, morphemic composition (simple / complex), and status as free or bound morphemes (enclitics);

– to conduct a systematic comparison of these morphological features, highlighting similarities and differences between the Tajik and Chinese systems;

– to correlate the observed morphological peculiarities with the overall typological structures of the two languages;

– to briefly consider the relationship between morphological form and pragmatic function in expressing modality in these languages.

2. METHODS

2.1. DATA SOURCES

The primary source for Tajik examples is the novel entitled as "Ghulomon" (Slaves) by Sadriddin Aini (using a standard published edition, e. g., Aini, 2019 or similar). This seminal work of modern Tajik literature provides authentic contexts for language use. Specific sentences containing potential modal particles were identified and extracted, noting the page number. Grammatical descriptions of Modern Tajik [2: 136; 3: 141] were consulted to confirm particle identification and function. Data for Standard Chinese modal particles rely on established grammatical descriptions, specialized studies on Chinese particles and modality and standard pedagogical materials [4: 35; 10; 11: 100].

2.2. COMPARATIVE METHODOLOGY

A direct comparative approach was employed. The morphological features identified for Tajik particles were systematically contrasted with those identified for Chinese particles. Similarities and differences were tabulated mentally and discussed explicitly, linking observations back to the known typological characteristics of each language (isolating vs. inflectional / agglutinative). The analysis aimed to move beyond simply listing features to explaining why certain morphological patterns prevail in each language's particle system.

3. RESULTS

Morphological Peculiarities of Tajik and Chinese Modal Particles

Based on grammatical descriptions and examples from "Ghulomon", several Tajik particles expressing modality were identified. Their morphological features include:

Tajik: *inventory examples:* магар (interrogative, doubt), охир / ахир (emphasis, obviousness, mild reproach), наход (surprise, disbelief), гуё / гӯё ки (supposition, 'as if'), кошки (desire, wish, 'if only'), -ку (enclitic: emphasis, confirmation, mild contrast), -дия (enclitic: colloquial emphasis, obviousness, similar to Russian -то), ҳам (additive 'also', but can have modal / emphatic uses), бале (yes, confirmation), ope (yes, confirmation).

Invariance: the majority of Tajik modal particles are morphologically invariant. They do not change form for tense, person, or number. For example, магар remains магар regardless of context.

Syllabic Structure: The inventory includes both monosyllabic (-ку, ҳам) and polysyllabic particles (магар, охир, наход, кошки, гуё, -дия).

Morphemic Composition: many appear to be monomorphemic in contemporary usage (магар, охир, наход). Some have potential etymological complexity or links: гуё relates

to the verb гуфтан (‘to say’). Кошки likely derives from Persian kāš ki (‘wish that’). Наход might be analyzable historically (на not + ?).

Гуё ки shows particle + subordinator ки.

Bound vs. Free Status: Tajik utilizes both free-standing particles (магар, охир, наход) and enclitics (-ку, -дия). Enclitics phonologically attach to the preceding word, typically the verb or the element being emphasized.

Free: Магар шумо ҳамроҳи ман намеоед? (Perhaps / Aren’t you coming with me?)

Enclitic: Гуфт-ку! (He said it! – emphatic confirmation). Биёед-дия! (Come on! – colloquial emphasis).

Orthographic Representation: Written using the Tajik Cyrillic alphabet. Enclitics are attached with a hyphen.

Positional Tendencies: Free particles often occur sentence-initially (Магар..., Наход...) or pre-verbally / pre-predicatively. Enclitics attach post-verbally or post-element. Охир can appear initially or medially.

Chinese: *inventory examples:* 吗 (ma) (yes / no question), 呢 (ne) (reciprocal question, topic continuity, ongoing state), 吧 (ba) (suggestion, softened command, assumption), 啊 (a) (general exclamation, confirmation, enumeration – with phonetic variants), 了 (le) (change of state particle, can function modally for realization/imminence), 嘛 (ma) (obviousness, disagreement), 哦 (o) (sudden realization), 呗 (bei) (obviousness, lack of alternatives – colloquial).

Invariance: Chinese modal particles are highly invariant. They do not change form based on any grammatical category. Their form is fixed by the character.

Syllabic Structure: Overwhelmingly monosyllabic. Each particle corresponds to a single syllable and a single character.

Morphemic Composition: Primarily monomorphemic. Each character represents a single, indivisible morpheme in this context. Derivational links to other word classes are generally opaque or non-existent in the modern language, though historical origins may vary.

Bound vs. Free Status: They function as free grammatical morphemes but are phonologically often unstressed (neutral tone) and syntactically bound to the sentence-final position. They are not typically considered clitics in the same way as Tajik -ку or -дия, but are core parts of sentence structure.

Orthographic Representation: Written using unique Chinese characters (汉字 Hanzi). Some particles have multiple characters for slightly different nuances or historical reasons, but each form is distinct. The particle 啊 (a) notably undergoes phonological fusion with the preceding syllable, resulting in different written representations reflecting pronunciation (e. g., ya after vowel /i/, wa after /u/, na after /n/). This is a phonological variation reflected orthographically, not morphological inflection.

Positional Tendencies: Predominantly occur in sentence-final position. This is a defining characteristic of this class of particles in Chinese. Some particles like 呢 (ne) can also appear after a topic phrase.

Examples out of “Ghulomon” by S. Aini

1. *Магар: Магар* шумоён ба бозори ғуломфурӯшӣ рафта будед? – 你去过奴隶市场吗？ (Nǐ qùguò núlì shìchǎng ma?) [1: 45];

2. *Охир: Охир* ман як одами фақир... – 毕竟我是个穷人…… (Bìjìng wǒ shìgè qióngrén……) [1: 90];

3. *-ку:* Ман ба шумо гуфтам-*ку,* гуфт Қорӣ Ишкамба... – 我告诉过你了，科里·伊什坎巴说…… (Wǒ gàosùguò nǐle, kē lǐ·yī shén kǎn bā shuō……) [1: 180];

4. *Наход: Наход, ки* як ҷавони навхонадор шуда... зани худро партофта гурезад? – 一个刚结婚的小伙子难道不会抛弃妻子逃跑吗？ (Yīgè gāng jiéhūn de xiǎohuǒzǐ nándào bù huì pāoqì qīzǐ táopǎo ma?) – [1: 100];

5. *Гуё:* Вай *гуё* чизеро фикр мекардагӣ барин... – 他，似乎在思考着什么…… (Tā, sìhū zài sīkǎozhe shénme……) [1: 50];

6. *-дия* (Colloquial, may be less frequent in Aini's formal prose but illustrative) – Ин кор мешавад-*дия!* – 这会起作用！ (Zhè huì qǐ zuòyòng!) [1: 200].

4. DISCUSSION (COMPARATIVE ANALYSIS)

The results highlight significant morphological differences in how Tajik and Chinese realize modal particles, rooted deeply in their respective typological structures.

4.1. INVARIANCE AND TYPOLOGY

Both language systems heavily rely on morphologically invariant particles. This is unsurprising for Chinese, whose isolating nature means grammatical functions are primarily encoded by word order and function words rather than inflection. Particles fit perfectly into this system: invariant forms whose meaning is determined by their lexical identity and syntactic position.

For Tajik, while the language possesses inflectional capabilities (especially in verbs), the modal particles themselves largely resist morphological change. This aligns with a cross-linguistic tendency for grammatical items on the periphery, dealing with pragmatic functions, to be more morphologically stable than core lexical categories. However, the degree of invariance seems slightly less absolute than in Chinese, especially if considering related modal adverbs or potential historical derivations (гуё from гуфтан).

4.2. SYLLABIC STRUCTURE AND FORM

A striking difference lies in syllabic structure. Chinese modal particles are almost exclusively monosyllabic, reflecting the predominantly monosyllabic nature of its morphemes. Each particle corresponds neatly to one syllable and one character. Tajik particles, conversely, show a mix of monosyllabic (-ку, ҳам) and polysyllabic forms (магар, охир, наход). This reflects the more variable word/morpheme length common in Indo-European languages compared to the syllabic constraints of Chinese morphology. The existence of polysyllabic simple particles in Tajik contrasts sharply with the Chinese system.

4.3. MORPHEMIC COMPOSITION AND DERIVATION

Chinese particles function as simple, monomorphemic units in the contemporary language. While etymological studies might reveal historical complexity, synchronically they are indivisible grammatical markers. Tajik particles also appear largely simple, but the connection of гуё to гуфтан suggests a degree of morphological transparency or potential for derivation that is less apparent in the Chinese set. The particle + subordinator structure (гуё ки) also points towards slightly more compositional potential compared to the monolithic Chinese particles. This difference, though subtle for particles, hints at Tajik's greater facility with derivational and compounding processes compared to Chinese.

4.4. BOUND VS. FREE STATUS: THE ROLE OF ENCLITICS

The most significant morphological divergence is the presence of enclitics (-ку, -дия) in Tajik alongside free-standing particles. These enclitics behave like bound morphemes, attaching phonologically and orthographically (via hyphen) to a host word. This cliticization strategy is absent in the Chinese modal particle system. Chinese particles, while positionally restricted (sentence-final) and often phonologically weak (neutral tone), remain syntactically independent morphemes represented by their own characters. They do not fuse with the preceding word in the manner of Tajik enclitics (with the partial exception of 啊 (a) 's phonological assimilation).

This difference is typologically crucial. Tajik, despite its analytic tendencies compared to some other Indo-European languages, retains mechanisms for affixation and cliticization. Chinese, being strongly isolating, lacks productive affixation and relies on free function words. The Tajik enclitics represent a morphological option unavailable or highly misreferred in Chinese grammar for realizing modality. They allow modality/emphasis to be tightly bound to a specific element (often the verb), whereas Chinese sentence-final particles typically modify the entire proposition or speech act.

4.5. POSITION AND MORPHOLOGY

The predominant sentence-final position of Chinese modal particles is a defining feature, tightly linked to their morphological identity as discrete, monosyllabic units signaling the completion of the utterance and marking its overall mood or force. Tajik particles exhibit greater positional flexibility: sentence-initial (магар, наход), medial / pre-verbal (охир, гуё), and post-verbal / post-element (enclitics -ку, -дия). This positional variation correlates with a more diverse morphological inventory (free polysyllables, free monosyllables, bound monosyllables / polysyllables). Morphology and syntax are thus intertwined: the rigid positional constraint in Chinese aligns with its uniform morphological structure (invariant monosyllables), while Tajik's greater positional freedom parallels its more varied morphological expression (free / bound, mono / poly-syllabic).

4.6. MORPHOLOGY AND FUNCTION

Despite the morphological differences, there are functional parallels. Both languages use particles for interrogatives (магар vs. 吗/呢), suggestions / softened commands (-ку/? vs. 吧), expressing obviousness (охир/-дия vs. 嘛/呗), surprise / disbelief (наход vs. perhaps emphatic uses of 啊 or specific interjections), and supposition (гуё vs. perhaps phrases involving 好像 hǎoxiàng – seem).

However, the morphological means differ. Tajik might use a polysyllabic free particle (магар) where Chinese uses a monosyllabic sentence-final one (吗). Tajik can attach emphasis directly via an enclitic (-ку), while Chinese relies on a sentence-final particle (啊, 嘛) or potentially modal adverbs. The rich inventory of Chinese sentence-final particles allows for very subtle pragmatic distinctions conveyed by minimal morphological units, a system potentially more nuanced at the sentence boundary than Tajik's, which distributes modal marking more diversely within the clause. The morphological simplicity of Chinese particles forces a heavy reliance on the specific lexical item chosen and its final position, whereas Tajik can leverage position, lexical choice, and the free / bound distinction.

4.7. INSIGHTS FROM "GHULOMON"

The examples from "Ghulomon" confirm the typical morphological patterns described for Tajik. Aini's usage showcases the free, often sentence-initial particles like магар and наход, the medial / initial emphatic охир, the suppositional гуё, and the common post-verbal emphatic enclitic -ку. These examples ground the analysis in authentic literary Tajik, illustrating the practical realization of the morphological types identified. The prevalence of these particles in narrative and dialogue underscores their importance in conveying character stance and narrative perspective, functions achieved through distinct morphological means compared to Chinese.

5. CONCLUSION

This comparative analysis reveals significant morphological divergence in the realization of modal particles in Tajik and Chinese, reflecting their distinct language typologies. While both systems rely heavily on morphologically invariant forms to express speaker attitude and modality, the specific shapes, structures, and positional constraints of these particles differ markedly.

Key findings include:

Form: Chinese modal particles are overwhelmingly invariant, monosyllabic, monomorphemic units represented by unique characters. Tajik particles are also largely invariant but include both monosyllabic and polysyllabic forms, with some showing slightly more morphemic transparency or derivational links.

Binding: Tajik employs both free-standing particles and enclitics (bound morphemes like -ку, -дия), allowing emphasis / modality to attach directly to host words. Chinese lacks this enclitic strategy for modal particles, using free morphemes predominantly restricted to sentence-final position.

Position: Chinese particles are characteristically sentence-final, while Tajik particles exhibit greater positional flexibility (initial, medial, final / post-element).

Typological Correlation: These morphological differences strongly correlate with the languages' typologies. Chinese's isolating structure favors invariant, monosyllabic free morphemes in fixed positions. Tajik's Indo-European background and agglutinative / inflectional potential permit greater variation in syllable structure, positional freedom, and the use of cliticization alongside free forms.

The study underscores that even peripheral grammatical elements like modal particles are shaped by the fundamental morphological architecture of a language. While functional equivalents exist (expressing questions, suggestions, certainty), the morphological means employed diverge significantly. Chinese achieves pragmatic nuance largely through the selection among a rich set of sentence-final monosyllabic particles, while Tajik utilizes a morphologically more diverse set (free / bound, mono / poly) distributed more widely across the clause.

The analysis, grounded in examples from "Ghulomon" by Aini for Tajik, contributes to comparative linguistics by detailing these contrasts between an Iranian and a Sino-Tibetan language. It highlights the importance of considering morphology even for functionally similar grammatical categories across languages.

LITERATURE / REFERENCES

1. *Айнӣ С.* Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. 488 с. / Aini S. (2019) The Slaves. Novel. Dushanbe. Children's Literature Publ. 488 p.

2. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Particles in the Historical Work Entitled as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafoi Karminagi. *Philological Aspect*. 2022. No 3(83), pp. 136–141. EDN XETGHI.

3. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of the Morphological Peculiarities of the Suffix -mand and Its English Equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini). *Herald of Daghestan Scientific Center*. 2024. No 94, pp. 141–145. DOI 10.31029/vestdnc94/20. EDN PDCGHN.

4. Cancho R.F., Reina F. Quantifying the Semantic Contribution of Particles. *Journal of Quantitative Linguistics*. 2002. Vol. 9. Issue 1, pp. 35–47. https://doi.org/10.1076/jqul.9.1.35.8483

5. Khalilov A. (1977) Particles in Modern Tajik Literary Language. Dushanbe: Donish Publ. 144 p.

6. Kosimova M.N. (2003) The History of the Tajik Literary Language (IX–X centuries). Vol. 1. Dushanbe. 490 p.

7. Li X. Sentence-final Particles as Illocutionary Force Markers in Mandarin Chinese. *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38. Issue 10, pp. 1691–1706.

8. Mamadnazarov A. (2021) English-Tajik Dictionary. Dushanbe. Er-graf Publ. 1016 p.

9. Mamatov J. Tajik-English Dictionary / J. Mamatov, S.J. Harell, K. Kehoe, K. Khodjibaev. Dunvody Press. 2005. 741 p.

10. Ross C., & Ma J.H.-S. (2006). Modern Mandarin Chinese Grammar: A Practical Guide. Routledge. 480 p.

11. Tan D. (2020). A Corpus-based Study on the Functions of Sentence-final Particle ne in Mandarin Chinese Conversations. Lingua. 238. 102824.

Сведения об авторе:

Аъзамджон Анварович Султонов,
ассистент
кафедра языков
Худжандский международный институт Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана

Amajon. A. Sultonov,
Assistant
Department of Languages
Khujand International Institute of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
azamjon.sultonov@internet.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-69-77

Т.А. Романова (Москва, Россия)

Актуализация имени собственного Disney в ономастике и лингвокультурологии

Аннотация: Настоящая статья представляет собой практическое исследование актуализации имени собственного Disney в англоязычной ономастике и лингвокультурологии. Для исследования были отобраны языковые единицы (лексемы, словосочетания), включающие в себя имя собственное Disney. В ономастическом пространстве имя собственное Disney актуализируется как топонимический антропоним, прагматонимом, эргонимом, лингвоним, эпоним. Имя собственное Disney встречается в составе словосочетаний в дифференцирующей атрибутивной позиции, характеризуя языковую единицу профессиональной или специальной тематической лексики. Онимический комопонент Disney стал частью словообразовательной парадигмы английского языка, образовав ряд однокоренных лексических единиц, большинство из которых носят сленговый характер, чаще стилистически сниженный, грубый или вульгарный. Проанализированные языковые единицы с онимическим комопонентом Disney были образованы при помощи таких способов словообразования, как контаминация, деривация, словосложение. Исследование показало, что языковые единицы и словосочетания с именем собственным Disney заключают в своей семантике информацию, связанную с деятельностью и продукцией компании Disney, поэтому понимание таких лексических единиц сопряжено с фоновыми лингвокультурологическими и историческими знаниями.

Ключевые слова: Disney, имя собственное, языковая единица, ономастика, оним, лингвокультурология

T.A. Romanova (Moscow, Russia)

The Actualization of the Proper Name ‘Disney’ in Onomastics and in Linguistics and Culture

Abstract: The given article tends to research the actualization of the personal name ‘Disney’ in onomastics and in linguistics and culture. The study is based on selected linguistic units (words and word-combinations) containing the proper name ‘Disney’. In the field of onomastics the personal name ‘Disney’ is actualized as a toponymic anthroponym (personal name), pragmatonym, ergonym, lingvonim, eponym. The personal name ‘Disney’ is found in word-combinations as an attributive diffirentiating component which characterizes lexical units belonging to professional and special vocabulary. The

component ‘Disney’ became part of the word-building paradigm of the English language. It coined a row of single-root words, most of them are slang and vulgar words. The analyzed language units with the personal component ‘Disney’ were coined with the help of the following ways of word-building: contamination, derivation, composition. According to the given study words and word combinations with the personal name ‘Disney’ contain semantics which is connected with the business and production of The Disney Company, that’s why understanding such lexical units relate to background knowledge of linguistics, culture and history.

Key words: Disney, proper name, language unit, onomastics, name “onoma”, linguistics and culture

В минувшем столетии можно было наблюдать стремительное развитие многочисленных сфер жизни человека, включая культурную – на уровне технического развития. Так, благодаря энтузиазму и предприимчивости американского художника-карикатуриста Уолта Диснея (1901–1966) мощный стимул для развития получила в 1920-х. гг. экранная анимация. Уолт Дисней не является создателем анимации как таковой, однако на протяжении своей жизни мог по праву считаться неоспоримым вдохновителем непрестанного повышения качества анимации, по-своему отражавшей менталитет и культурные ценности американской нации, например посредством такого значимого персонажа, как Микки Маус [Apgar 2015; Романова 2021], или пропагандистской и образовательной деятельности студии Disney в годы Второй мировой войны [Baxter 2014]. На фоне этих общеизвестных энциклопедических и культурологических фактов значимым для настоящего исследования представляется актуализация самого имени собственного (далее – ИС) Disney в качестве языковой и культурно-маркированной единицы, т. е. лексемы, которая содержит в своей семантике экстралингвистические компоненты значения и несет социокультурную информацию о стране, в языке и культуре которого возникла.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы изучить ИС Disney как: а) элемент ономастического пространства; б) деперсонифицированный, дифференцирующий элемент в атрибутивных словосочетаниях; в) словообразующий элемент узуса; г) культурно-маркированную языковую единицу; д) языковую и культурно-маркированную единицу ввиду глобальной популярности Уолта Диснея как личности и продукции компании Disney, оказывающих влияние не только на культурный пласт жизни общества, прежде всего американского, но и на языковой – английский.

В качестве источников практического материала использовались общедоступные онлайн и лексикографические ресурсы. Использованы следующие методы и подходы: 1) лингвистический (анализ семантики языковых единиц и словообразовательных путей, анализ словарных или авторских дефиниций); 2) этимологический; 3) ономастический; 4) метод контекстуального анализа; 5) лингвокультурологический подход.

По мнению исследователей истории компании Disney, «беглый взгляд на историю развития компании и ее знаменитого основателя показывает, что Дисней ткнул своим корпоративным пальцем в пирог социокультурологии, возможно, глубже, чем любой другой продюсер сферы массовых развлечений двадцатого столетия»[1] [Smoodin 1994: 2]. Закономерно, что не только деятельность, но и ро-

[1] Здесь и далее все переводы выполнены автором статьи.

довое имя такой масштабной личности должно было оставить свой след в языке и культуре как языковая единица.

Рассмотрим ИС Disney в следующих категориях:

а) элемент ономастического пространства;

б) деперсонифицированный, дифференцирующий элемент в атрибутивных словосочетаниях;

в) словообразующий элемент узуса;

г) культурно-маркированная языковая единица.

а) В ономастическом пространстве ИС Disney – это прежде всего ***топонимический антропоним***, имеющий французские корни и этимологически представленный как d'Isigny, т. е. «из или относящийся к Изиньи», поселению на побережье Ла-Манша [Apgar 2015; Романова 2021].

Благодаря трансонимизации антропоним Disney может служить ***прагматонимом*** (коммерческий знак, бренд, заключающий в себе национально-культурный компонент) или ***эргонимом*** (крупное объединение людей корпоративного характера):

...Walt had let Ward Kimball sort of take over and strive for a new *look at Disney*. (...к тому времени Уолт передал Уорду Кимболлу что-то вроде полномочий и поручил стремиться к тому, чтобы на *диснеевскую продукцию* смотрели по-новому.)[Korkis 2012: 250];

...it was hardly a secret that *Disney* was an attractive takeover target. (...не секрет, что *компания «Дисней»* была заманчивой целью для приобретения.) [Smoodin 1994: 99];

At Disney, we are committed to creating a better world. (В *компании «Дисней»* мы полны решимости сделать мир лучше.) [Disney Careers URL].

В рассматриваемом нами контексте значимым в ономастическом пространстве представляется существование такого пласта языковых единиц, как ***лингвонимы***: Disneyspeak, Disneyese.

Исследования показывают, что язык Disneyspeak состоит из **сокращений (аббревиатуры, акронимы)**: EPCOT (Experimental Prototype Community Of Tomorrow), WDP (Walt Disney Productions), MK (Magic Kingdom), TOTS (Theatre of the Stars), WED (Walter Elias Disney); и **профессионального лексикона**: Role (Job), Guest (Visitor to Disney / customer), Cast Member (Disney Employee), Costume (Work uniform), Audience (Crowd), Casting (Hiring for a job), Backstage (Restricted areas), Onstage (Public areas). Следует отметить, что подобного рода профессиональный лексикон малодоступен для понимания тем, кто не работает в д. тематических парках, поэтому его изучают перед наймом. Создание «собственного» языка помимо недоступности для непосвященных было обусловлено стремлением Уолта Диснея максимально абстрагироваться от внешнего мира, от привычной потребительской терминологии и т. д. [Романова 2021: 175].

Лингвоним *Disneyese* образован по аналогии с такими прилагательными-лингвонимами, как Chinese, Japanese и т. д., где суффикс -ese означает «belonging to, originating in» («принадлежащий, берущий свое начало от»). Данный лингвоним не зафиксирован в официальных лексикографических источниках, так что о его значении можно судить из контекстов:

Disney-ese: A Foreign Language, But Make It Magic. (По-диснеевски: незнакомый язык, так давайте превратим его в магию) [Personal Pixie URL].

Автор примера поясняет, что под д. «словечками» понимает аббревиатуры, акронимы, прозвища, чаще всего используемые во вселенной д. парков. Сам язык

автор называет «языком, нагруженным аббревиатурами» (the abbreviation-heavy language).

Проведенный контекстуальный анализ примеров употребления лингвонимов Disneyspeak, Disneyese показывает, что существенной разницы между их семантическими наполнениями нет. Англоязычные фанаты продукции и деятельности компании Disney даже проводят опросы, чтобы понять, как лучше называть д. язык (What is a good name for the Disney language?), предлагая самые разные лигнвокультурологические, порой фантастические варианты: Disnese, Disneyic, Disnic, Disneyish, Disnish, Disnean, Disneyan, Walt Talk, Disneyspeak, Diz-speak, WEDingo (WED + lingo), etc. [Uncle Walt's URL].

б) В различных источниках (книги, мемуары, специализированная литература) онимический компонент Disney встречается в составе словосочетаний в атрибутивной позиции, характеризуя языковую единицу профессиональной или специальной тематической лексики, что указывает на связь ИС с определенной сферой деятельности: Disney: animation, animator, artist, catalog, film, story(man), channel, standards, designs, method, theme park, press, vocabulary, studio, store, discourse, production, etc. В словосочетаниях подобного рода «компонент Disney деперсонифицирован и выполняет дифференцирующую, уточняющую функцию – выделение объектов в ряде однородных, их обособление в пределах данного класса объектов, указание на уникальную характеристику» [Романова 2021: 169]. Непременным условием, по мнению ученых, для деонимизации ИС с целью его перехода в имя нарицательное «является известность денотата имени» [Суперанская 2012: 117].

в) Благодаря известности носителя имени оним Disney включился и в словообразовательную парадигму английского языка, образовав ряд однокоренных лексических единиц, поскольку «имена, вовлекаемые в различные речевые ситуации, переходят в общую лексику, они актуализируются, поступая в активный словарный состав людей, ими пользующихся» [Суперанская 1986: 35]. Онлайн-словарь американского сленга Urban Dictionary включает в себя несколько сотен словосочетаний и лексических единиц с ИС Disney, образованных разными словообразовательными способами:

disnalysis (глубокий, тщательный анализ персонажей, тематики, событий и т. д., представленных в работах компании Disney).

disneyesque (стиль, творение, объект, наделенный восторженностью и пафосом в отличие от обычных работ);

disneyest (самый что ни на есть диснеевский, «наидиснеевский» – когда что-либо достигло наивысшей точки фирменной д. содержательности);

disneyppointed (разочарованный в деятельности компании или ее продукции);

disnerd (человек, одержимый д. тематикой);

disneyana (совокупность коллекционных, винтажных изделий компании);

disneyite (работник компании, идеологически обработанный корпорацией, в результате слепо верящий в непогрешимый, безупречный способ ведения дел в компании);

disneyist (фанат канала Disney);

disnexual (человек, которого возбуждают только д. персонажи и прочее);

disneyed («отдиснеенный», применительно к приобретению франшизы и наделению ее типичными д. характеристиками);

disnice (по-диснеевски очень приятный).

disneykid (юный (ребенок или подросток) актер в д. сериалах, обычно прилежно причесанный, время от времени поющий песни, энергичный, счастливый и в красочной одежде);

disneyfag («диснераст», человек, считающий, что посещение сказочного королевства Disney World – это весело и прикольно).

Как видно, продемонстрированные выше языковые единицы образованы при помощи таких словообразовательных путей, как контаминация (disnalysis, disneyppointed, disnerd, disnexual), деривация (disneyest, disneyite, disneyist, disneyed) и словосложение (disneykid, disneyfag).

г) Работа со словарным источником Urban Dictionary показывает, что однокоренных лексем и словосочетаний с ИС Disney довольно много, большинство из них носит сленговый характер, нередко стилистически сниженный, грубый или вульгарный [Urban Dictionary URL]. Тем не менее по количеству и семантике этих языковых образований можно судить о том, что ИС Disney не только обладает словообразовательным потенциалом, но и передает информацию, связанную с деятельностью и продукцией компании Disney, т. е. это культурно-маркированная языковая единица. Зафиксированность этих единиц в сленговом словаре указывает на то, что они являются частью узуса.

Наряду со стилистически сниженными, существуют языковые единицы, образованные в определенных предметных областях (культурология, социология) для передачи специфических понятий и обладающие дефинициями, зафиксированными в словарных или научно-исследовательских источниках: Disneyfication, Disneyization [Романова 2021: 176].

Лексическую единицу Disneyfication употребляют для выражения следующих понятий: 1. to censor to make smth safe (цензурирование для обеспечения безопасности); 2. making the world all safe, clean, and completely similar to a theme park; the world as a magical fairyland (создание идеального, безопасного мира, похожего на тематический парк, сказку); 3. promoting family values (продвижение семейных ценностей); 4. promoting not only Disney values but Disney products and characters (рекламирование всего диснеевского – ценностей, товаров, персонажей); 5. a false sense of security, joy and happiness (обманчивое чувство безопасности, безмятежности, счастья) [Urban Dictionary URL]; 6. магия, пропущенная через жернова д. производства [Schickel 1986: 225]; 7. процесс санитарной обработки культуры и истории [Ross 1999: 134]; 8. санация и американизация [Wasko 2001: 113]; 9. очеловечивание анимационных персонажей, прежде всего животных [From Fantasia to Fantasyland 1978: Youtube URL; Романова 2021: 179].

Следует вместе с тем проанализировать глагол to disneyfy: 1. to transform (historical places, local customs, etc) into trivial entertainment for tourists (преобразовывать (исторические места, местные обычаи и т. д.) в банальное развлечение для туристов) [Collins URL]; 2. when ever something happens (usually in movies) where the movie is all cool n shit, but then it turns gay n has the cheesiest crap ass happy fuck ending ever (когда что-то увлекательное в кино вдруг становится слащавым и с пресловутым хеппи-эндом); 3. watered-down (нечто сглаженное) [Urban Dictionary URL]; 4. to create or alter in a simplified, sentimentalized, or contrived form or manner (создавать или переделывать что-то в упрощенной, идеализированной или напускной манере или форме) [Романова 2021: 178]. В сфере социологии, культурологии глагол имеет следующее значение: to translate or transform an object

into something superficial and even simplistic (трактовать или преобразовывать некий объект в нечто поверхностное и упрощенное) [Bryman 2004: 5].

Как видно из семантического анализа лексемы Disneyfication, а также глагола to disneyfy, в большинстве случаев они обладают отрицательной коннотацией, что подтверждается такими компонентами из дефиниций или авторских пояснений, как «цензура», «санация», «ложный», «обработка», «банальный», «упрощенный», «слащавый». Только для создателей анимации языковая единица Disneyfication имеет нейтральное профессиональное значение – «очеловечивание персонажей».

Следующая языковая единица, Disneyization, была образована по аналогии с McDonaldization социологом А. Брайманом. Дефиниция лексемы Disneyization повторяет дефиницию прототипа[2], разве что речь идет не о сети общепита, а о д. тематических парках: *процесс, в ходе которого принципы д. тематических парков наступают, чтобы захватить все больше секторов американского общества, а заодно и все остальные страны мира*. Вместе с тем автор добавляет, что указанные принципы проникли в американские социальные учреждения и повседневную общественную деятельность даже без помощи самих парков [Bryman 2004: 1; Романова 2021: 180].

Понятие Disneyization включает в себя следующие семантические компоненты: theming (тематическое оформление); hybrid consumption (гибридное потребление); merchandising (торговля фирменными тематическими товарами); performative labour (работа на одном уровне с актерским мастерством) [Ibid: 2]. Следует учесть, что сам У. Дисней, как поясняет Брайман, не имеет ничего общего с «диснеезацией», так как этот процесс зародился под влиянием принципов тематических парков независимо от их отца-основателя [Ibid: 4; там же].

По замечанию Браймана, из двух лексем предпочтение отдается более распространенной лексеме Disneyfication, поскольку ее семантика связана с культурной продукцией компании Disney в широком смысле, а не с одними тематическими парками [Ibid: 5].

Рассмотренные выше примеры в онимическом пространстве можно рассматривать как ***эпонимы***, поскольку: а) прежде всего эпоним – это «лицо, чем-либо знаменитое, имя которого послужило для образования любого другого онима» [Подольская 1988: 150]; б) семантическая и структурная мотивированность эпонимов базируется на комбинации фоновых знаний о феномене, который представлен индивидуализирующим словом (онимом) и на семантике деривационной морфемы [Майкова 2017: 330; Романова 2021: 41]; в) под эпонимом можно понимать образованные от ИС топонимы, имена нарицательные, фразеологические единицы [Yermolovich URL]; г) эпоним – это деятель, имя которого перешло в разряд нарицательного существительного, глагола или прилагательного; изучение истории возникновения таких слов помогает оценить богатство языка и истории (Eponym, a person whose name has evolved into a common noun, verb, or adjective. <...> Learning the stories behind the origins of these words helps us to appreciate the richness of both our language and our history [Auchter 1998: vii]).

Безусловно, понимание таких лексических единиц неразрывно связано с фоновыми лингвокультурологическими и историческими знаниями.

Таким образом, исследование показывает, что языковые единицы, имеющие в своей структуре ИС Disney, используются как в профессиональной лексике, так

[2] The process by which the principles of the fast-food restaurant are coming to dominate more sectors of our society [Urban Dictionary URL].

и в узусе. Помимо общеизвестной энциклопедической и культурной информации о носителе ИС, необходимо учитывать следующие особенности ИС как языковой единицы, выявленные в ходе лингвистического и контекстуального анализа: персональные черты самого носителя онима; характерные черты продукции и деятельности компании Disney; ассоциации, возникающие при употреблении определенных языковых единиц («цензура», «санация», «ложный», «обработка», «банальный», «упрощенный», «слащавый», «очеловечивание персонажей», «тематические парки»); стилистическая сниженность, грубость, вульгарность. Таким образом, в онимическом и лингвокультурологическом пространстве ИС Disney актуализируется как культурно-маркированный компонент. Семантика антропонимической языковой единицы складывается из деятельности носителя онима: чем известнее деятель и разнообразнее его деятельность, тем сложнее семантика лексических единиц, включающих в себя онимический компонент. Став частью коммуникации, такая языковая единица усложняется семантически за счет множества компонентов значения и коннотаций, для понимания которых необходимы контекстуальные пояснения и фоновые знания.

ЛИТЕРАТУРА

Майкова Т.А. Термины-эпонимы в составе англоязычной терминологической лексики предметной области «Социология» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 2(8). С. 326–334.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Романова Т.А. Исследование процессов формирования словаря кинематографической анимации в английском языке: Дисс. … канд. филол. наук. М., 2021. 236 с.

Романова Т.А. Микки Маус как прецедентный феномен в англоязычной культуре // Вестник МГОУ. Серия: «Лингвистика». 2019. № 4. С. 64–71.

Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане. М.: Наука, 1986. 254 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 386 с.

Auchter D. Dictionary of Historical Allusions and Eponyms. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, Inc., 1998. 295 p.

Baxter J. Disney During World War II: How the Walt Disney Studio Contributed to Victory in the War. Disney Editions, 2014. 182 p.

Bryman A. The Disneyization of Society. SAGE Publications Ltd., 2004. 200 p.

Korkis J. The Revised Vault of Walt. Theme Park Press, 2012. 282 p.

Mickey Mouse: Emblem of the American Spirit by Garry Apgar (2015-12-22). 1st Printing ed. Weldon Owen, 2015. 336 p.

Ross A. The Celebration Chronicles: Life, Liberty, and the Pursuit of Property Value in Disney's. New Town, New York: Ballantine, 1999. 352 p.

Schickel R. The Disney Version: The Life, Times, Art, and Commerce of Walt Disney. Revised ed. London: Pavilion, 1986. 384 p.

Smoodin E. Disney Discourse: Producing the Magic Kingdom / Ed. by Eric Smoodin. Routledge, 1994. 270 p.

Collins Dictionary [electronic source]: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/disneyfy (date accessed: 19.08.2024).

Disney Careers [electronic source]: https://www.disneycareers.com/en (date accessed: 03.08.2024).

From Fantasia to Fantasyland. Documentary by Thames Television, 1978 [electronic source]: https://www.youtube.com/ (date accessed: 12.07.2024).

Personal Pixie [electronic source]: https://personalpixie.com/f/disney-ese-a-foreign-language-but-make-it-magic (date accessed: 10.08.2024).

Uncle Walt's [electronic source]: https://unclewalts.com/forum/viewtopic.php?t=4190 (date accessed: 03.08.2024).

Urban Dictionary [Электронный ресурс]: https://www.urbandictionary.com/browse.php?character=D&page=703 (date accessed: 15.08.2024).

Wasko J. Understanding Disney: The Manufacture of Fantasy. Cambridge: Polity, 2001. 272 p.

Whimsidot.Wordpress [electronic source]: https://whimsidot.wordpress.com/2017/03/20/my-dcp-memories-behind-the-magic/ (date accessed: 10.08.2024).

Yermolovich.ru [electronic source]: http://yermolovich.ru/board/1-1-0-2790 (date accessed: 07.08.2024).

REFERENCES

Maikova T.A. Eponymic Terms as Part of English Scientific Sublanguage of Sociology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. Series: Theory of Language. Semiotics.* 2017. Vol. 8. No 2, pp. 326–334.

Podol'skaya N.V. (1988) Dictionary of Russian Onomastic Terminology. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow. Nauka Publ. 1988. 192 p.

Romanova T.A. (2021) Research on the Processes of Building Up the Professional Vocabulary in Animation in the English Language: Candidate's Thesis. Moscow. 236 p.

Romanova T.A. Mickey Mouse as a Precedent-based Phenomenon in the English Culture and Language. *MGOU Bulletin. Series «Linguistics»*. 2019. No 4, pp. 64–71.

Superanskaya A.V. (1986) Theory and Methodology of Onomastic Studies. Moscow. Nauka Publ. 254 p.

Superanskaya A.V. (2012) General Theory of Proper Name. 4th ed. Moscow. Book House "LIBROKOM". 386 p.

Auchter D. (1998) Dictionary of Historical Allusions and Eponyms. Santa Barbara, California. ABC-CLIO, Inc. 295 p.

Baxter J. (2014) Disney During World War II: How the Walt Disney Studio Contributed to Victory in the War. Disney Editions. 182 p.

Bryman A. (2004) The Disneyization of Society. SAGE Publications Ltd. 200 p.

Collins Dictionary [electronic source]: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/disneyfy (date accessed: 19.08.2024).

From Fantasia to Fantasyland. Documentary by Thames Television, 1978 [electronic source]: https://www.youtube.com/ (date accessed: 12.07.2024).

Korkis J. (2012) The Revised Vault of Walt. Theme Park Press. 282 p.

Mickey Mouse: Emblem of the American Spirit by Garry Apgar (2015-12-22). 1st Printing ed. Weldon Owen, 2015. 336 p.

Personal Pixie [electronic source]: https://personalpixie.com/f/disney-ese-a-foreign-language-but-make-it-magic (date accessed: 10.08.2024).

Ross A. (1999) The Celebration Chronicles: Life, Liberty, and the Pursuit of Property Value in Disney's. New Town, New York. Ballantine. 352 p.

Schickel R. (1986) The Disney Version: The Life, Times, Art, and Commerce of Walt Disney. Revised ed. London. Pavilion. 384 p.

Uncle Walt's [electronic source] URL: https://unclewalts.com/forum/viewtopic.php?t=4190 (date accessed: 03.08.2024).

Urban Dictionary [Электронный ресурс] URL: https://www.urbandictionary.com/browse.php?character=D&page=703 (date accessed: 15.08.2024).

Smoodin E. (1994) Disney Discourse: Producing the Magic Kingdom / Ed. by Eric Smoodin. Routledge. 270 p.

Disney Careers [electronic source]: https://www.disneycareers.com/en (date accessed: 03.08.2024).

Wasko J. (2001) Understanding Disney: The Manufacture of Fantasy. Cambridge. Polity. 272 p.

Whimsidot.Wordpress [electronic source]: https://whimsidot.wordpress.com/2017/03/20/my-dcp-memories-behind-the-magic/ (date accessed: 10.08.2024).

Yermolovich.ru [electronic source]: http://yermolovich.ru/board/1-1-0-2790 (date accessed: 07.08.2024).

Сведения об авторе:

Татьяна Александровна Романова,	Tatiana A. Romanova,
канд. филол. наук	PhD
ст. преподаватель	Senior Teacher
кафедры английской филологии	English Department
Московский городской педагогический университет	Moscow City University

tatianatatiana1616@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-78-87

А. Бахридинова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Речевая агрессия как одна из тем лингвистических исследований

Аннотация: В статье рассматривается комплексный анализ речевой агрессии как междисциплинарного явления, занимающего центральное место в современных лингвистических исследованиях. Обосновывается актуальность изучения речевой агрессии в условиях трансформации коммуникативных практик, особенно в цифровой сфере. Во введении статьи определяется предмет исследования, очерчивается его социальная и научная значимость, формулируются цели и задачи.

Ключевые слова: речевая агрессия, лингвистика, прагматика, дискурсивный анализ, киберагрессия, речевое воздействие, лингвистические маркеры агрессии

A. Bahridinova (Khujand, Republic of Tajikistan)

Speech Aggression as One of the Topics of Linguistic Research

Abstract: The article dwells on the comprehensive analysis of speech aggression as an interdisciplinary phenomenon central to contemporary linguistic research. It is substantiated that the relevance of the study of speech aggression amidst the transformation of communicative practices, particularly within the digital sphere. The introduction of the article defines the research subject, outlines its social and scientific significance, and formulates the aims and objectives.

Key words: speech aggression, linguistics, pragmatics, discourse analysis, cyberaggression, verbal influence, linguistic markers of aggression

1. INTRODUCTION

It is known that speech aggression is a complex, multifaceted phenomenon studied by various disciplines, including psychology, sociology, conflictology, law, and ethics. However, linguistics plays a pivotal role in its comprehension, as language is the primary instrument through which aggressive intentions are realized and enacted. Linguistic analysis enables the identification of specific linguistic resources (words, structures, prosody) and rhetorical strategies deployed to express aggression. It helps unravel the pragmatic mechanisms underlying its impact on the addressee and allows for the description of its specific manifestations across diverse discourses and communicative contexts [10; 11; 12].

The relevance of the linguistic study of speech aggression is driven by several key factors:

1. Social Significance: The perceived increase in societal aggression, including its verbal forms, necessitates a deeper understanding of its causes, forms, and consequences. Linguistic analysis provides tools for diagnosing, and potentially preventing or mitigating, speech aggression and its harmful effects, such as conflict escalation, psychological distress, and social division.

2. Transformation of the Communicative Landscape: The proliferation of internet technologies and social media has spawned new, potent forms of speech aggression, often termed cyberaggression (including cyberbullying, trolling, online hate speech). These forms exhibit unique characteristics – anonymity, potential for mass dissemination, rapidity, permanence, and often multimodal expression – demanding novel linguistic approaches for their investigation [17: 345].

3. Interdisciplinary Demand: Insights from linguistic research on speech aggression are highly sought after in adjacent fields. Forensic linguistics relies on such analysis for expert testimony in cases involving defamation, libel, incitement to violence, or hate speech identification [20: 135]. Psychology explores the links between aggressive language use and personality traits or mental states. Education grapples with issues of school bullying, much of which is verbal. Media studies analyzes the role of media in propagating or challenging aggressive discourse.

4. Theoretical Significance for Linguistics: The study of speech aggression enriches our understanding of the functions of language, mechanisms of verbal influence and manipulation, strategies of conflictual interaction, the interplay between language and emotion, and the dynamics of communicative norms and anti-norms. It stimulates theoretical development in pragmatics (especially impoliteness theory), sociolinguistics, discourse analysis, and corpus linguistics.

Despite a considerable body of work dedicated to various facets of speech aggression, there remains a need for a systematic overview of accumulated knowledge, a comprehensive analysis of the linguistic methodologies applied, and the identification of current trends and challenges in researching this phenomenon, particularly focusing on developments over the last decade.

The aim of the article under consideration is to present a comprehensive analysis of speech aggression as an object of contemporary linguistic research, to systematize the main approaches to its study. In order to achieve this aim, the following objectives were formulated:

– to consider existing approaches to defining and classifying speech aggression within linguistics;

– to describe the primary linguistic methods used in the analysis of speech aggression;

– to identify and characterize the multi-level linguistic markers of verbal aggression;

– to analyze the pragmatic mechanisms and discursive strategies involved in the realization of aggressive speech behavior;

– to depict the specific manifestations of speech aggression in various discourse types, with particular attention to internet communication;

– to discuss current challenges and future prospects in the linguistic study of speech aggression.

2. METHODS

The corpus of our study constitutes a theoretical and analytical study based on the methodology of systematic analysis and synthesis of scientific information.

The key linguistic methods identified and discussed include:

1. Pragmatic Analysis: to dwell on speech aggression as a speech act (e. g., insulting, threatening, accusing) or a sequence of speech acts. This involves analyzing the speaker's illocutionary intent (to offend, humiliate, intimidate), the perlocutionary effect (the impact on the addressee), the communicative context, and the adherence to or violation of principles of cooperation (Gricean maxims) and politeness (e.g., Brown & Levinson's politeness theory, Leech's politeness principle). A significant focus is placed on analyzing implicit forms of aggression, indirect speech acts, face-threatening acts (FTAs), and, crucially, strategies of impoliteness [16: P.716].

2. Discourse Analysis: to consider speech aggression within the broader context of communicative events or discourse. Applicable methods include:

Conversation Analysis (CA): to analyze dialogue structure, turn-taking, adjacency pairs, preference organization, and mechanisms of conflict escalation or management in interaction. Identifying aggressive conversational moves.

Critical Discourse Analysis (CDA): to carry out the relationship between speech aggression, social structures, power relations, and ideology. Analyzing how language is used to construct and legitimize discrimination, hostility, social inequality, and prejudice.

Genre Analysis: to identify the specific features and conventions of aggressive language use within particular speech genres (e. g., insults, threats, reprimands, online flaming, political attacks).

3. Lexico-Semantic Analysis: to identify and analyze lexical units that serve as markers of aggression. This includes studying:

Invective Lexicon: obscene words, swear words, curses, slurs.

Pejorative Lexicon: words with inherently negative connotations used for derogatory characterization (e. g., derogatory labels for social groups, ethnic slurs, gendered insults, insults targeting intelligence or appearance).

Aggressive Metaphors: to resort to metaphors from domains like war, crime, disease, or animals to frame opponents or situations negatively (e. g., "war on drugs," "political enemy," "he's a snake").

Semantic Fields: to analyze vocabulary belonging to semantic fields such as "aggression," "conflict," "hostility," "attack."

Connotational Analysis: to identify negative evaluative meanings (connotations) acquired by neutral words when used in aggressive contexts.

4. Syntactic Analysis: to consider syntactic structures characteristic of aggressive speech (e. g., frequent use of imperatives in commands, aggressive rhetorical questions, overgeneralizations, specific types of negation, passive or impersonal constructions to deflect responsibility).

5. Stylistic Analysis: to analyze the use of stylistic devices (irony, sarcasm, hyperbole, litotes, derogatory comparisons) for expressing aggression, often implicitly.

6. Corpus Linguistics: to utilize large electronic text corpora to identify frequent lexical and grammatical markers of aggression, their collocations, patterns of use across different genres or platforms (especially online), and diachronic changes in aggressive language use. Corpus methods provide quantitative data and reveal statistically significant patterns.

7. Sociolinguistic Analysis: to study the correlation between the choice of aggressive strategies and linguistic forms and social variables such as gender, age, social status, level of education, ethnicity, and cultural background of the communicants.

8. Linguacultural Analysis: to examine speech aggression within the framework of national and cultural communication norms, identifying culture-specific forms of verbal aggression, taboos, and thresholds of tolerance.

9. Experimental Methods: to conduct psycholinguistic experiments to study the perception and processing of aggressive utterances, assess their perceived offensiveness, investigate the influence of context on interpretation, or explore the emotional responses they evoke [19: 1063; 13: 141; 14: 166; 15: 168].

The application of a combination of these methods allows for a comprehensive investigation of the phenomenon of speech aggression across different linguistic levels and within various communicative contexts.

3. MAIN RESULTS

Interest in the problem of human aggression is widespread. Attention has been paid to the issue of aggression since ancient times, and this continues in our era, making it a subject of scientific investigation for numerous scholars. The contemporary world is, in many respects, exceedingly dangerous. Foremost among the destabilizing factors is the intensification of aggression in its diverse forms. It is virtually impossible to conceive of any newspaper, magazine, or television program devoid of reports concerning aggression. Information reveals the extent to which individuals inflict harm upon, kill, and injure one another.

However, notwithstanding extensive research, this issue has not been exhaustively studied. The study of human aggressive states across diverse spheres of activity represents an urgent task for contemporary science. Aggression in communication has recently become a central focus of attention for many linguists. Nevertheless, within contemporary linguistics, the understanding of this phenomenon lacks complete uniformity.

In contemporary linguistics, alongside the phrase ‘speech aggression’, other related terms are utilized, such as ‘linguistic aggression’, ‘verbal aggression’, and ‘communicative aggression’. Alongside the aforementioned phrases, contemporary linguistic research also utilizes other terms such as ‘hate speech’, ‘hostility’, ‘violent language’, and ‘verbal extremism’. It should be noted that the term ‘speech aggression’ is arguably more acceptable [within linguistics], given that ‘verbal aggression’ is predominantly a psychological term.

In the majority of linguistic works, speech aggression is examined as a psycholinguistic phenomenon, where the psychological conceptualization of aggression as speech behavior is analyzed, with linguistics primarily related only to the mode of expression. To better understand the nuances of the terms ‘verbal aggression’ (агрессияи шифоҳӣ) in psychology and ‘speech aggression’ (агрессияи нутқӣ) in linguistics, it is necessary to refer to the lexicographical definitions of these phrases.

3.1. THEORETICAL FRAMEWORKS

A psychological dictionary provides the following definition: verbal aggression (агрессияи шифоҳӣ) – a form of aggressive behavior wherein negative emotions are expressed through tone of voice, other nonverbal components, and threatening statements [2: 12–13]. A stylistic dictionary offers the following definition: speech aggres-

sion (агрессияи нутқӣ) is the use of linguistic means to express resentment, hostility, [employing] a particular manner of speaking, [and] insulting someone's pride / dignity [2: 340]. K.F. Sedov, from a psycholinguistic standpoint, defines speech aggression as "a purposeful communicative act aimed at inducing a negative psychological state in the listener" [9: 186]. From a socio-psychological viewpoint, V.I. Zhelvis examines verbal aggression as a psychologically grounded act [6: 34].

Other researchers (Makteeva, Mikhalskaya, Enin) note that aggression can serve as a means of expressing emotions and relieving emotional tension. L.V. Enina offers the following definition for speech aggression: speech aggression is an area of communicative ethics motivated by the speaker's aggressive state [5: 105].

However, the "aggressive state," as a psychological phenomenon, is reflected in the choice of language and speech means only when aggression is expressed in explicit forms. Covert forms of speech aggression, as a rule, do not reveal the speaker's psychological state. The sociological aspect examines speech aggression in terms of contemporary societal conditions. Consequently, speech aggression is studied as a linguistic phenomenon [3].

In forensic linguistics, attention is given to the concept of "insult" as one form of speech aggression. In this context, the primary indicators of speech aggression, viewed from an ethical standpoint or as violations of etiquette, are specific stylistic linguistic and speech means (such as expressive vocabulary, invective, crude words and phrases, excessive use of colloquialisms, and the use of jargon). The aforementioned means are regarded as indicators of speech aggression; consequently, such analysis necessitates a functional approach to the selection of language and speech resources.

In her research, T.A. Vorontsova considers speech aggression from a communicative-pragmatic perspective, noting that its communicative and cognitive characteristics are determined by discursive markers. Within this research framework, speech aggression as a form of speech behavior can occur in any context, irrespective of temporal and national parameters [4: 31]. A.K. Mikhalskaya carries out speech aggression from the perspective of dialogic interaction, noting that "speech aggression" serves an anti-dialogic purpose, as this type of speech behavior is rooted in a conscious deviation from cooperative forms of communication [8: 31].

3.2. ANALYSIS AND EXAMPLES

In contemporary linguistic research, other related types of behavior, such as linguistic insult and communicative pressure are also observed. When aggression is expressed in verbal communication, there must necessarily be an object of speech aggression towards whom the negative attitude is directed. If the object of the negative attitude is present in the communication (i. e., is the listener of the aggressive statement), their negative attitude can be expressed overtly (e. g., through invective) or covertly through the violation of communicative etiquette, communicative conventions, etc. In interpersonal communication, speech aggression manifests as an attempt to establish a communicative imbalance. If the object of the negative attitude is not present in the communication, they are necessarily the referent of the negative statement.

Thus, the manifestation of speech aggression as a communicative phenomenon is defined by the negative attitude involved. In this context, the term "object of speech aggression" should denote the actual target of the negative attitude. Following the analysis and study of the literature on speech aggression, it can be concluded that there is

currently no universally accepted definition of “speech aggression” within linguistics. In general terms, speech aggression can be considered as:

a) Rude, insulting, and offensive treatment / interaction:

Idiot, imbecile, nonentity!!!

Usually it all ended in a small heart attack.

Then everyone said:

– It was an ordinary vulgar spasm. Get under your arms...

“Why do you say so, mommy,” objected Vera with resentment, “the child has his father, and he will take part in his upbringing...”

“It will be useless, like a goat’s milk.” Can you believe me? said Elizaveta Ivanovna.

b) Speech expressions of negative emotions or feelings that are unacceptable in the given speech situation: insults, threats, rude demands, accusations, mockery / ridicule.

c) Aggressive intentions expressed overtly or covertly in utterances: denunciation / malicious informing (хабаркашӣ), gossip / slander (ғайбат).

Despite the various approaches to studying the problem of speech aggression existing in contemporary linguistic science, many of its aspects still require further investigation and elaboration.

4. DISCUSSION

The analysis of the literature confirms that speech aggression is a highly relevant and dynamically evolving area of linguistic research. Linguistics makes a substantial contribution to understanding this complex phenomenon by providing tools for its identification, description, and analysis of its functional mechanisms.

Synthesis of Approaches: The findings underscore that a comprehensive understanding of speech aggression is best achieved through the integration of multiple linguistic perspectives. Lexico-semantic analysis identifies the ‘building blocks’ of aggression; pragmatic analysis reveals its intentional and impactful nature within context; and discourse analysis situates aggression within interactional sequences and links it to broader social structures. Corpus methods offer quantitative insights and pattern identification, while socio- and linguacultural approaches account for crucial variations. No single approach is exhaustive; their synergy provides the richest insights.

Significance of Linguistic Analysis: Understanding the linguistic mechanisms of aggression holds significant practical value beyond theoretical advancement:

Diagnostics: Linguistic markers serve as indicators for identifying aggression, hate speech, bullying, and toxicity in various texts and communicative contexts.

Forensic Expertise: Linguistic analysis is crucial in legal settings for evaluating utterances as potential defamation, incitement, threats, or hate crimes.

Education and Prevention: Knowledge of aggressive language mechanisms is vital for developing communicative competence, teaching constructive conflict resolution skills, and designing anti-bullying or online safety programs.

Media Literacy: Linguistic analysis equips individuals to critically evaluate media and online content, recognizing manipulative and aggressive rhetorical techniques.

Content Moderation: Linguistic insights inform the development of guidelines and automated tools for moderating online platforms and mitigating harmful speech.

Problematic Areas and Challenges: Despite progress, the study of speech aggression faces persistent methodological and conceptual challenges:

The Problem of Intentionality: Determining the speaker’s genuine intention is often difficult, especially when analyzing written texts or indirect aggression. Aggression can

be unintentional or perceived as such only by the recipient (perlocutionary aggression vs. illocutionary aggression). The focus of analysis (speaker's intent, linguistic form, hearer's perception) remains a point of discussion.

Subjectivity of Perception: Evaluating an utterance as aggressive is influenced by the recipient's individual sensitivities, emotional state, relationship with the speaker, cultural background, and the specific context. What one person perceives as harmless banter, another might find deeply offensive.

Context Dependency: The same utterance can be aggressive in one context and neutral or even friendly in another. This makes formalization and automated detection highly complex, as context is difficult for algorithms to fully grasp.

Implicitness: Covert forms of aggression (sarcasm, irony, insinuation) are notoriously difficult to identify and analyze reliably, especially using automated methods that often rely on explicit lexical cues.

Multimodality: In contemporary communication, particularly online, aggression is often conveyed not just verbally but through images (aggressive memes, offensive pictures), videos, emojis, GIFs, and combinations thereof. Analyzing such multimodal aggression requires integrated methodologies that go beyond traditional text analysis [18].

Ethical Considerations: Researching aggressive texts, especially those containing hate speech, personal attacks, or records of abuse, raises ethical concerns regarding handling sensitive data, protecting participant anonymity (if applicable), and avoiding the re-traumatization or amplification of harm.

It is crucial to reiterate that many linguistic features are not inherently aggressive. Their aggressive potential is actualized only within a specific context, considering the speaker's intention (as perceived by the addressee), the relationship between interlocutors, and the shared cultural and situational norms. For example, an imperative can be a command, a request, advice, or an instruction depending on context and delivery. Irony can be a tool for bonding or for biting sarcasm. Therefore, a robust interpretation of an utterance as aggressive necessitates considering pragmatic and discourse factors alongside formal linguistic markers.

5. CONCLUSION

The comprehensive analysis presented in this article underscores the critical importance of speech aggression as a complex, multifaceted phenomenon central to contemporary linguistic research. It has been substantiated that while speech aggression is studied across various disciplines, including psychology, sociology, and law, linguistic analysis holds a pivotal role, as language serves as the primary vehicle for its manifestation and enactment.

The study demonstrates that linguistic methods are indispensable for identifying the specific verbal resources and rhetorical strategies employed, understanding the pragmatic mechanisms of impact on the addressee, and describing its particular forms across diverse discourses and evolving communicative contexts. The sustained relevance of the linguistic study of speech aggression is driven by compelling factors.

Socially, the perceived rise in aggressive communication necessitates rigorous analysis to diagnose and potentially mitigate its detrimental effects on individuals and society, including conflict escalation and psychological harm. Furthermore, the rapid transformation of the communicative landscape, particularly through the proliferation of digital technologies, has introduced novel and potent forms of cyberaggression, de-

manding specialized linguistic approaches for their investigation. Insights derived from linguistic research on speech aggression are also in high demand across adjacent fields such as forensic linguistics, psychology, education, and media studies.

Theoretically, this area of study significantly enriches our understanding of fundamental linguistic concepts, including verbal influence, communicative norms, and the interplay between language and emotion, thereby stimulating theoretical advancements in pragmatics, sociolinguistics, and discourse analysis.

In light of its profound social implications, evolving digital manifestations, cross-disciplinary relevance, and theoretical significance, the article concludes that continued and comprehensive linguistic research into the nature, forms, mechanisms, and effects of speech aggression is not merely pertinent but essential for navigating the complexities of modern communication.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонян Ю.М.* Жестокость в нашей жизни. М.: ИНФРА-М, 1995. 318 с.

2. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.

3. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: Питер, 2001. 352 с., ил. (Серия «Мастера психологии»).

4. *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход. Челябинск, 2006. 250 с.

5. *Енина Л.В.* Современные российские лозунги как сверхтекст. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 235 с.

6. *Жельвис В.И.* Эмотивный аспект речи / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, Яросл. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1990. 81 с.

7. *Изард К.Е.* Эмоции человека / Пер. с англ. под ред. Л.Я. Гозмана, М.С. Егоровой. М.: Изд-во МГУ, 1980. 439 с.

8. *Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.

9. *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности / Ин-т рус. яз. и лит. при филол. фак. Сарат. гос. ун-та. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 179 с.

10. Сопоставительный анализ морфологических особенностей и словообразительного потенциала префикса наречия нов таджикском языке и его эквивалентов в английском языке / М.Н. Ахмедова, Б.П. Ашрапов, А.Ю. Гиниятуллина, Д.Б. Гарифуллина // Казанская наука. 2025. № 2. С. 408–411. EDN NVGTVP.

11. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of “Reminiscences” by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1(69). P. 28–35. DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35. EDN FKYCCX.

12. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Adverbs of Manner in Tajik and English (on the example of “Reminiscences” by S. Aini) / B.P. Ashrapov, M.A. Ashrapova // Stephanos. 2025. № 1(69). P. 79-86. DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-79-86. EDN VLHDDK.

13. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of the Morphological Peculiarities of the suffix -mand and Its English Equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) // Herald of Daghestan Scientific Center. 2024. № 94. P. 141–145. DOI 10.31029/vestdnc94/20. EDN PDCGHN.

14. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Word-building Potential of Some Prefixes Forming Adverbs of Manner in Tajik and Their English Equivalents // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2024. № 4. P. 166–172. EDN VPVAYM.

15. *Azimova S.R.* Comparative Analysis of Word-building Potential of Tajik Adverbial Prefix bo- and Its English Equivalents / S.R. Azimova, B.P. Ashrapov // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2024. № 5. P. 168–175. EDN XHBZZY.

16. *Bousfield D.* Impoliteness in Interaction // Language and Linguistics Compass. 2010. Vol. 4. Issue 8. P. 715–725.

17. *Dynel M.* Humour, Aggression, and Irony Online // Pragmatics of Social Media / Eds.: C.R. Hoffmann & W. Bublitz. De Gruyter Mouton, 2017. P. 345–374.

18. *Dynel M.* When Both Utterances and Appearances Are Deceptive: Deception in Multimodal Film Narrative // Inquiries in Philosophical Pragmatics: Issues in Linguistics. 2021. P. 205–252.

19. *Harris J.L., & Grainger J.* Emotion Word Processing: A Review of the Effects of Valence, Arousal, and Automaticity // Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. 2019. Vol. 19. Issue 5. P. 1063–1086.

20. *Weatherall A.* Language, Gender and Feminism: Theory, Methodology and Practice. Sara Mills and Louise Mullany (2011) London: Routledge, 206 pp: A Review // Gender and Language. 2014. Vol. 8. No 1. P. 124–126.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M. (1995) Cruelty in Our Life. Moscow. INFRA-M Publ. 318 p.

2. Arutyunova N.D. The Addressee Factor. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series: Literature and Language*. 1981. Vol. 40. No 4, pp. 356–367.

3. Baron R., Richardson D. (2001) Aggression. St. Petersburg. Piter Publ. 352 p., ill. (Series "Masters of Psychology").

4. Vorontsova T.A. (2006) Speech Aggression: Communicative-Discursive Approach. Chelyabinsk. 250 p.

5. Enina L.V. (1999) Modern Russian Slogans as a Supertext: Cand. of Philological Sciences. Ekaterinburg. 235 p.

6. Zhelvis V.I. (1990) Emotive Aspect of Speech / Leningrad State Ped. in-t named after A.I. Herzen, Yaroslavl State Ped. in-t named after K.D. Ushinsky. Yaroslavl. Yaroslavl State University Press. 81 p.

7. Izard K.E. (1980) Human Emotions / Trans. from English ed. by L.Ya. Gozman, M.S. Egorova. Moscow. Moscow State University Press. 439 p.

8. Mikhalskaya A.K. (1996) Fundamentals of Rhetoric: Thought and Word. Moscow. Prosveshchenie Publ. 416 p.

9. Sedov K.F. (1999) Formation of Discursive Thinking of Linguistic Personality / In-t rus. lang. and lit. at Philological Faculty. Saratov State University. Saratov. Saratov State University Press. 179 p.

10. Comparative Analysis of Morphological Features and Word-formation Potential of the Adverb Prefix in the Tajik Language and Its Equivalents in English / M.N. Akhmedova, B.P. Ashrapov, A.Yu. Giniyatullina, D.B. Garifullina. *Kazan Science*. 2025. No 2, pp. 408–411. EDN NVGTVP.

11. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences"

by S. Aini). *Stephanos*. 2025. No 1(69). P. 28–35. DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35. EDN FKYCCX.

12. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities of Adverbs of Manner in Tajik and English (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) / B.P. Ashrapov, M.A. Ashrapova. *Stephanos*. 2025. No 1(69), pp. 79–86. DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-79-86. EDN VLHDDK.

13. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of the Morphological Peculiarities of the suffix -mand and Its English Equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini). *Herald of Daghestan Scientific Center*. 2024. No 94, pp. 141–145. DOI 10.31029/vestdnc94/20. EDN PDCGHN.

14. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-building Potential of Some Prefixes Forming Adverbs of Manner in Tajik and Their English Equivalents. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2024. No 4, pp. 166–172. EDN VPVAYM.

15. Azimova S.R. Comparative Analysis of Word-building Potential of Tajik Adverbial Prefix bo- and Its English Equivalents / S.R. Azimova, B.P. Ashrapov. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences.* 2024. No 5, pp. 168–175. EDN XHBZZY.

16. Bousfield D. Impoliteness in Interaction. *Language and Linguistics Compass*. 2010. Vol. 4. Issue 8, pp. 715–725.

17. Dynel M. Humour, Aggression, and Irony Online. In: Pragmatics of Social Media / Eds.: C.R. Hoffmann & W. Bublitz. De Gruyter Mouton. 2017, pp. 345–374.

18. Dynel M. When Both Utterances and Appearances Are Deceptive: Deception in Multimodal Film Narrative. In: Inquiries in Philosophical Pragmatics: Issues in Linguistics. 2021, pp. 205–252.

19. Harris J.L., & Grainger J. Emotion Word Processing: A Review of the Effects of Valence, Arousal, and Automaticity. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2019. Vol. 19. Issue 5, pp. 1063–1086.

20. Weatherall A. Language, Gender and Feminism: Theory, Methodology and Practice. Sara Mills and Louise Mullany (2011) London: Routledge, 206 pp.: A Review. *Gender and Language*. 2014. Vol. 8. No 1, pp. 124–126.

Сведения об авторе:

Азиза Бахридинова,
докторант
факультет иностранных языков
Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова

Aziza Bahridinova,
Doctoral Student
Faculty of Foreign Languages
Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov

sanoat1979@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-88-95

Х.И. Темирова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Восприятие содержания классических произведений

Аннотация: В статье приведены факты после обретения Независимости Республикой Таджикистан, принятия Законов Республики Таджикистан «О языке», придания государственного статуса таджикскому языку, «Закона об образовании», других законодательные акты, которые ставят новые и нелегкие задачи перед теми, кто занимается образованием и воспитанием подрастающего поколения.

Ключевые слова: классическая литература, художественная литература, интеллектуальное развитие человека, интегрированный метод, развивающее обучение, национальные идеи, активизация школьника, нравственное воспитание

Kh.I. Temirova (Khujand, Republic of Tajikistan)

Perception of the Content of Classical Works

Abstract: The article presents the facts after the independence of the Republic of Tajikistan, the adoption of the Law “About the Language”, giving the state status to Tajik, “Education Law”, other legislative acts that pose new and difficult tasks for the education and upbringing the younger generation.

Key words: fiction, intelligent human development, integrated approach, developing training, national ideas, enhancing student, moral education

ВВЕДЕНИЕ

Независимость Республики Таджикистан, принятие Законов Республики Таджикистан «О языке», придание государственного статуса таджикскому языку, «Об образовании», другие законодательные акты ставят новые и нелегкие задачи перед образованием и воспитанием [1: 10; 14: 85; 3: 80].

Приобретение Таджикистаном независимости, строительство демократического, светского государства с рыночной экономикой логически привели к масштабным и многогранным изменениям в подходах, принципах и стандартах научной, образовательной и воспитательной деятельности: идеологические, классово-партийные основы заменены общемировыми, общепринятыми исходными положениями и стандартами.

Одним из главных принципов начального преподавания родного языка является обеспечение восприятия содержания произведений. Отношение учащихся к

читаемому тексту, содержанию текста и к методом преподавания зависят от учителя [11; 12; 13].

Мы в своей учебной практике постарались, чтобы наши учащиеся были знакомы с основными произведениями классиков, которые были отобраны психологами. Необходимо готовить учащихся к анализу текста. Начало эмоционального восприятия происходит с помощью выразительного чтения учителя, затем идет сознательное чтение, поведение и определение отношения учащихся к тому или иному поведению героев и т. д. [7: 5].

Для определения эффективности методов обучения мы в процессе учебной практики в экспериментальных обычных классах рекомендовали следующий метод анализа текста. Рассказ «Черепаха и скорпион» (Хусайн Воизи Кошифи).

Цель: определить степень восприятия текста со стороны учащихся.

Задание: внимательно прочитайте рассказ и подготовьте подробный пересказ.

Результат проверки приведен в таблице.

Рассказ ученика Сайфиддина М. (обычный класс)

Черепаха и скорпион были друзьями. В один день они вышли в путь. На их пути появилась река. Скорпион, который не мог плавать, удивился. Черепаха сказала: «Эй, друг, почему удивляешься?» Скорпион ответил: «Я не могу перейти реку». Черепаха усадила скорпиона на себя, и они поплыли по реке, в ушах доносилось ков-ков. Черепаха спросила у скорпиона, что ты делаешь? «Что это за звук, который я слышу»? Скорпион говорит: «Это я свое жало испытываю на твоем панцире».

Черепаха сказала: «Эй, безжалостный, я рискую своей жизнью, тебя через воду переношу, а ты мне втыкаешь жало? Где наша дружба»? Черепаха ответила, что люди правильно говорили: такой друг мне не нужен. Черепаха нырнула под воду, течение унесло скорпиона.

Рассказ Парвизджона Т. (экспериментальный класс)

Черепаха со Скорпионом дружили. Они были искренними товарищами. В один день случайно покинули свою Родину. Оба шли в другое место. Впереди появился большой канал. Скорпион, который не мог плавать через канал, удивился. Черепаха спросила: «Эй, дорогой друг, отчего ты удивлен и печален?»

Скорпион сказал: «Эй, брат, необходимость и нужда плавать через канал поставила меня в водоворот удивления. И не могу плыть через канал, и не терплю расставанья с друзьями».

Черепаха говорит: «Не переживай, друг, я без всякого страха и угрозы донесу тебя до берега. На своей спине сделаю лодку, посажу тебя и переправлю через воду». Черепаха Скорпиона посадила на себя, бросилась грудью в воду и поплыла. Во время плавания донесся звук до уха Черепахи и в движениях скорпиона она почувствовала ков-ков. У Скорпиона спросила: «Что за звук я слышу? Что ты делаешь?» Скорпион ответил: «Я свое жало проверяю на твоем панцире». Черепаха обиделась и в ярости сказала: «Эй, безжалостный, я свою жизнь подвергаю опасности, тебя к себе на спину посадила, через воду везу, а ты в обмен на добро мне делаешь зло? Даже давнюю дружбу не почитал? Причина жалить в чем? Твое жало мне никакого вреда не принесет, потому что моя спина твердая, как камень-гранит».

Скорпион сказал: «Моя природа говорит. Моя природа такая. Я всегда жалю, хоть друга, хоть врага».

Черепаха сама себе сказала: «Мудрые правильно говорят: “Страсть жадного воспитывать, не бросать свои слова на ветер”. Плохому человеку, сколько ни делай добра, он, скверный, тебе делает зло. В общем, с людьми, у которых плохая природа, дружить не стоит». Она так подумала и нырнула под воду. Течение унесло скорпиона. Скорпион погиб от своей скверности.

Из анализа рассказов учеников выясняется, что восприятие содержания произведений в экспериментальных классах лучше. Кроме этого, в их рассказах использовались образные слова и словосочетания, что для рассказа является более впечатляющим и привлекательным.

В рассказе учащихся обычного класса наблюдается влияние разговорной речи: «почему, понял, потом, что делаешь, тебе чего», также есть методические ошибки. Средств образности языка в их рассказе по сравнению с экспериментальными классами использовалось в 3 раза меньше. Влияние разговорной речи у учащихся экспериментальных классов тоже наблюдалось, но оно значительно меньше, и это было свойственным рассказам отдельных ребят.

В рассказе учащегося из экспериментального класса видно старание говорить языком, свойственным писателям-классикам, в их рассказе заметно умение использовать словосочетаний в переносном значении, что доказывает эффективность методики экспериментального обучения [2; 4; 5; 6].

Чтобы определить степень восприятия содержания текста и использования словосочетаний, свойственных классической литературе, мы в 3-классе давали изложение. Для изложения был выбран рассказ «Учитель» Мухаммада Авфи Бухорои. Результаты приведены в таблице.

											Количество слов в одном изложении	Количество общих слов
	Школа	Класс	5	%	4	%	3	%	2	%		
1	№31 Б. Гафурова	3 экс-й 27 уч-ся	12	44	13	48	2	7	–	–	216	5343
		Обык-й 27 уч-ся	8	29	12	40	5	18	2	7	162	3200
2	№20г Худжанд	3 экс-й 27 уч-ся	14	51	10	37	3	11	–	–	221	6168
		3 обык-й 27 уч-ся	6	22	10	37	9	33	2	7	173	4950

Вопросы и задания к тексту выбрали как план рассказа.

План

1. Почему Эмир Наср хотел отомстить своему учителю?
2. Каким образом он хотел отомстить?
3. Как был уведомлен об этой цели султана учитель?
4. Что он предпринял?
5. Почему султан показал учителю палку?
6. Что сказал учитель в ответ?
7. Почему ответ учителя понравился султану?

Следующие слова используются для подчеркивания: степень, прошедшее, времена, месть, приличная плата, нежный фрукт [8: 49–61].

Упомянутое изложение по заранее проанализированному произведению было написано после двухразового предварительного чтения.

Изложение Мохру Д. (экспериментальный класс)

У Эмира Насра Ахмади Сомони был учитель, который в детстве преподавал ему. Учитель много бил. Эмир Наср говорил, что, когда я вырасту и достигну степени султана, отыщу учителя.

В одну ночь эмир вспомнил прошедшие времена и вспомнил учителя своего. Целую ночь думал о своем учителе, как отомстить. На другой день позвал слугу и приказал, чтобы привели учителя к нему. Слуга пришел к учителю и сказал, что Султан его приглашает. Учитель спросил у него, что делал султан, почему меня вспомнил? – Рабу приказал, чтобы из сада принес десять палок из айвы, а мне приказал привести учителя ко мне.

Учитель понял, что султан вздумал ему отомстить. Когда шел к султану, у продавца фруктами за приличную плату купил красивую айву и спрятал в рукава. Когда пришел к Эмиру Насру, Эмир взял палку из айвы и сказал: – Об этой палке что скажешь? Учитель вынул из рукавов фрукт айвы и сказал: – Будь длинной жизнь моего шаха, у меня есть одно сказание. Эмир разрешил, учитель сказал: – Этот нежный фрукт появился из этой сырой палки. Ответ учителя понравился эмиру и назначил ему жалованье.

Изложение Усмонджнона Т (обычный класс)

У Эмира Насра был учитель, в детстве давал ему уроки. И много бил его. Эмир говорил, что когда буду султаном, обязательно отомщу [6].

В одну ночь принц и вспомнил, что учитель его много бил. Утром слуге приказал принести из сада десять палок айвы. Другому приказал привести учителя.

Слуга пришел к учителю, учитель спросил у него в это время: что делает султан? Почему позвал его? Слуга сказал: «Одному слуге приказал принести из сада десять палок айвы, а мне привести вас». Учитель понял, что Эмир отомстит. По дороге у продавца фруктами купил айву и спрятал, когда Эмир показал палку, учитель сказал, будь длинной жизнь моего шаха, и разрешите одно сказание. Эмир разрешил.

Учитель из-за пазухи вынул айву и говорит, что этот нежный фрукт явление этой палки.

Ответ учителя очень понравился Эмиру. Он назначил учителю жалование, пока он жив.

Из анализа изложений выясняется, что ученик экспериментального класса на все пункты плана дает полный ответ, а также в изложении словосочетание «нежный фрукт» использовалось. В изложении экспериментального класса сложные предложения, которые состояли из двух простых предложений, имеют место: их около 22 и в них использованы 212 слов. Изложение ученика обычного класса тоже составлено из сложных предложений. В них около 16 предложений и 164 слов, но в изложении из 6 слов и словосочетаний он смог использовать только одно, в то время как ученик экспериментального класса использовал почти все.

Сочинения учащихся экспериментального класса по содержанию и порядку выражения мыслей отличаются от сочинений учащихся обычных классов, и поэтому число оценок «отлично» и «хорошо» – 25, а самое важное то, что не было письменной работы с оценкой «2».

В обычных классах оценки «отлично» и «хорошо» получили 16–17 человек, и двое учеников сочинение написали на двойку. В их сочинениях наблюдается использование диалектных слов, отход от нормы литературного языка. Правильное и соответствующее написание изложений в значительной степени зависит от метода анализа произведений.

После прохождения темы «Хорошая подражательница Ворона» мы давали изложение. Выбранная тема связана с темой 25-го урока, где приведена лирика А. Джами. При анализе ребята названную тему легко усвоили, но у изложения была другая цель – определить образные средства языка в изложении.

В тексте слова «грациозная походка», «ласковое поведение и красивая походка», «хмурый», «веселый и красивый», «от этой мысли откажись» и т. д. Из них два в переносном значении – использование их учащимися требует особенного мастерства.

Во время анализа названной темы мы предупредили, что позже по этой теме будем писать изложение.

Изложение ученицы Хуснии (экспериментальный классе)

В один день ворона летала. Увидела на земле куропатку. Красивое и ласковое поведение куропатки заставило обратить внимание ворону. Поведение куропатки понравилось вороне, и мечта также грациозно ходить появилась в сердце вороны. Она ходила за куропаткой. Взялась за это дело.

Куропатка, увидев поведение вороны, спросила: «Эй, хмурая и черная казана, что ходишь вокруг меня? Что хочешь от меня и какая у тебя цель»? Ворона сказала: «Эй, самая красивая жизнерадостная из всех птиц, я хочу, как ты, быть красивой и грациозной. Чтобы этим от своих родственников отличаться».

Куропатка, смеясь, говорила: «Ха-ха-ха! Увы, куда тебе до меня. Моя походка другая, а твоя другая. От этой мысли откажись». Ворона сказала: «Я твердо решила насчет этого дела, теперь не откажусь».

Таким образом ходила за куропаткой, но не научилась ее походке и даже потеряла свою походку.

Окибат аз хомии худ сӯхтӣ,
Роҳравии кабк наёмӯхтӣ.
Кард фаромӯш раҳу рафтори хеш,
Монд гароматзада аз кори хеш. (18 слов)

Тема, по существу, составлена из 195 слов, у учащегося экспериментального класса для ее раскрытия использовано 67 слов, также приведены 2 последних стиха, что показывает сознательное отношение к тексту. Сильная сторона избранной темы в том, что в первом лирика Джами, а во втором пересказе Хусайн Воиза Кошифи. На первом уроке, выучив наизусть стихи, для повторения его содержания мы представили инсценировку, потом писали сочинение – такое отношение способствовало легкости составления плана изложения и обеспечило его написание. Из 26 учащихся экспериментального класса 10 получили отличную оценку, 11 хорошую, 6 – среднюю. Плохих оценок нет. В обычном классе отличных и хороших оценок в сравнении с экспериментальным классом на 5 меньше, и к тому же четверо учащихся изложение написали на плохую оценку. Сильной стороной изложения экспериментального класса было то, что в них больше проявлялась самостоятельность учащихся, чаще использовались средства образности языка, что доказывает правильность экспериментального обучения. Именно метод работы по словарю позволил учащимся передать характерные черты образов героев произведения и проследить причинно-следственные связи в излагаемых событиях; дал возможность учащимся экспериментального класса легко воспринять содержание произведения, а установка на пересказ близко к теме произведения обусловила необходимость использовать классические слова и словосочетания.

Итогов таков: степень использования слов и словосочетаний классического стиля литературы и словосочетаний в переносном значении в экспериментальном классе очень высока, словосочетания в переносном значении «в сердце заняло место», «сырое мнение» и сравнения «хмурая», «чернее казана» большинство учащихся экспериментального класса использовали сознательно, что выясняется из беседы с ними: они поняли смысл этих словосочетаний.

По результатам работы и одновременного выполнения заданий при экспериментальном обучении до эксперимента путем анкетирования, бесед с учителями и наставниками и из анализа творческих письменных работ учащихся выяснилось, что большинство учителей начальных классов при выполнении задач «ана-

лиза языкового детского классического произведения» испытывают затруднения. Не могут разъяснить фразеологические единицы в составе классических текстов, не владеют способами и методами разъяснения метафорических выражений. Необходимость организации такого метода обучения была вызвана также и тем, что учащиеся затруднялись в восприятии содержания детских классическил произведений.

Группа учителей начальных классов, понимая необходимость использования классической литературы как учебного материала, подчеркивала ее просветительское и воспитательное значение и поддерживала мнение, что такие материалы должны занимать основное место в учебной книге.

Причиной затруднений учащихся при восприятии предметного содержания классических произведений является то, что правильно и своевременно не была организована работа с лексикой, не уделялось внимание разъяснению метафорических выражений художественного произведения. В процессе экспериментального обучения серьезное внимание было обращено на технологию чтения художественного произведения, прежде всего на сознательное чтение, и была использована определенная система упражнений и заданий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обучающиеся по представленной технологии ученики экспериментальных классов по уровню восприятия содержания произведения, раскрытия идеи произведения, использования слов и словосочетаний, свойственных классической литературе, больше чем на 30–50 % опередили учеников обычных классов. Они также принимали активное участие в обсуждении предметного содержания произведения, раскрытии основной мысли – идеи произведения.

Эффективность представленной технологии чтения очевидна при пересказе содержания произведения, что проявляется в активном участии учащихся в раскрытии образов и идеи произведения, в соблюдении правильной последовательности событий при пересказе текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арипов М.* Из истории педагогической мысли таджикского языка. Душанбе, 1962. 143 с.

2. *Афзалов Х., Рахимов Б.* Таърихи педагогикаи халқи точик. Душанбе, 1994. 200 с.

3. Консепсияи маълумоти миёнаи умумии РСС Тоҷикистон. Душанбе, 1989. 100 с.

4. Қонуни забони РСС Тоҷикистон // Адабиёт ва санъат. 1989. Август.

5. *Расулов Д.* Инъикоси масъалаҳои таълиму тарбия дар «Қобуснома»-и У. Кайковус. Кӯлоб, 1996. 180 с.

6. *Темирова Х.И., Шарифов Э. Каримова М.* Хусусиятҳои хоси омӯхтани адабиёти классикӣ дар синфҳои ибтидоӣ. Хуҷанд: Р. Ҷалил, 2001. 91 с.

7. *Рахимов А.А.* Методика организации индивидуальных работ студентов по математике в условиях кредитного обучения в техническом вузе: специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»: Дисс. ... канд. пед. наук. Худжанд, 2019. 129 с. EDN JFYLXN.

8. Рахимов А.А. Использование компьютерного моделирования в процессе обучения алгебре студентов технических направлений // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 1(88). С. 49–61. DOI 10.69571/SSPU.2024.88.1.023. EDN QYDWEK.

9. *Лутфуллоев М.* Дидактикаи муосир. Душанбе, 2001. 333 с

10. *Шарифов Э., Темирова Х.* Таълими хамгиро синфи 2. Хуҷанд: Матбаи ДДХ, 1999. 87 с.

11. *Ashrapov B.P.* On the Issue Concerned with Communicative Culture and Its Impact on Students' Personal Development // Designing. An Experience. Result. 2021. №4. P. 12–14. EDN FNVORT.

12. *Ashrapov B.P.* On the Issue Concerned with Principles of Interethnic Tolerance Formation of Higher Educational Establishments Students // Designing. An Experience. Result. 2021. №3. P. 16–18. EDN CFVJIO.

13. *Ashrapov B.P.* On the Issue Concerned with Students' Self-Sufficient Work Organization in the Educational Process (based on credit tuition) // Designing. An Experience. Result. 2021. №2. P. 5–7.

14. *Rashidova D.A.* The Leader of the Nation Emomali Rahmon's Contribution into Enactment of Programme of Foreign Languages / D.A. Rashidova, B.P. Ashrapov // Herald of the Pedagogical University. 2022. №3(98). P. 85–88. EDN CMKVYU.

REFERENCES

1. Aripov M. (1962) From the History of Pedagogical Thought of the Tajik Language. Dushanbe. 143 p.

2. Afzalov X., Rakhimov B. (1994) The History of Pedagogy of the Tajik People. Dushanbe. 200 p.

3. The Concept of General Secondary Education of the Tajik SSR. Dushanbe. 1989. 100 p.

4. The Law on the Language of the Tajik SSR. *Literature and Art*. August 1989.

5. Rasulov D. (1996) Reflection of Educational issues in the "Kobusnoma" by U. Kaykovus. Kulob. 180 p.

6. Temirova K.I., Sharifov E. Karimova M. (2001) Specific Features of Studying Classical Literature in Primary Grades. Khujand. R. Jalil Publ. 91 p.

7. Rakhimov A.A. (2019) The Method of Organizing Individual Works of Students in Mathematics in the Conditions of Credit Education in a Technical University: specialty 13.00.02 "Theory and methodology of education and education (by regions and levels of education)": Dissertation on academic competition for the candidate of pedagogical sciences. Khujand. 129 p. EDN JFYLXN.

8. Rakhimov A.A. The Use of Computer Modeling in the Process of Algebra Training for Students of Technical Directions. *Herald of Surgut State Pedagogical University*. 2024. No 1(88). P. 49–61. DOI 10.69571/SSPU.2024.88.1.023. EDN QYDWEK.

9. Lutfulloev M. (2001) Modern Didactics. Dushanbe. 333 p.

10. Sharifov E., Temirova X. (1999) Comprehensive Education, grade 2. Khujand. Publishing House of the State Duma. 87 p.

11. Ashrapov B.P. On the Issue Concerned with Communicative Culture and Its Impact on Students' Personal Development. *Designing. An Experience. Result.* 2021. No 4, pp. 12–14. EDN FNVORT.

12. Ashrapov B.P. On the Issue Concerned with Principles of Interethnic Tolerance Formation of Higher Educational Establishments Students. *Designing. An Experience. Result*. 2021. No 3, pp. 16–18. EDN CFVJIO.

13. Ashrapov B.P. On the Issue Concerned with Students' Self-Sufficient Work Organization in the Educational Process (based on credit tuition). *Designing. An Experience. Result*. 2021. No 2, pp. 5–7.

14. Rashidova D.A. The Leader of the Nation Emomali Rahmon's Contribution into Enactment of Programme of Foreign Languages / D.A. Rashidova, B.P. Ashrapov. *Herald of the Pedagogical University*. 2022. No 3(98), pp. 85–88. EDN CMKVYU.

Сведения об авторе:

Хайринисо Исломовна Темирова,
канд. пед. наук
доцент
Политехнический институт технического университета Таджикистана имени академика М. Осимӣ

Khairiniso I. Temirova,
PhD (Pedagogical Sciences)
Associate Professor
Polytechnic Institute of the Technical University of Tajikistan named after academic M. Osimi

temiuova_20202@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-96-104

А.А. Фокина (Москва, Россия)

Использование принципа комплементарности для описания мультилингвальной личности (на примере текстов Юргиса Балтрушайтиса-младшего)

Аннотация: В статье дано определение принципа комплементарности (the complementarity principle, ПК), описан процесс формирования понятия. Принцип комплементарности является «составным»: он представлен комплексом критериев, отражающих соотношение между сферами жизни индивида и владением им языками, использование ПК позволяет исследователю наглядно увидеть распределение языков по сферам жизни билингвальной или мультилингвальной личности. Несмотря на несомненное удобство применения ПК в исследованиях как отдельных языковых личностей, так и языковых сообществ, существуют и сложности: очевидно, что никакие критерии не позволяют отразить всех нюансов реальности, что должно учитываться в анализах и описаниях. Примером структурирования данных «на основе» ПК и его составляющих служит представленное в работе краткое описание языковой личности литовско-французского историка искусств Юргиса Балтрушайтиса.

Ключевые слова: языковая личность, мультилингвизм, принцип комплементарности, Юргис Балтрушайтис – младший, психолингвистика

A.A. Fokina (Moscow, Russia)

The Complementarity Principle as a Means of Description of Multilingual Individuals (on the example of the texts by Jurgis Baltrušaitis Jr.)

Abstract: The subject of this article is the complementarity principle (CP) and the formation of its concept. The CP is represented by a set of criteria reflecting the correlation between the spheres of an individual's life and their language proficiency; the CP illustrates the distribution of languages among the spheres of life of a bilingual or multilingual individual. Despite being an illustrative tool for studying both individual linguistic personalities and linguistic communities, the CP has its imperfections – it is obvious that criteria are unable to reflect all the nuances of reality, which should be taken into account in the analysis. The brief description of the linguistic personality of the Lithuanian-French art historian Jurgis Baltrušaitis is presented in this article as an example of systematizing data "on the basis" of the CP and its components.

Key words: linguistic personality, language personality, multilingualism, the complementarity principle, Jurgis Baltrušaitis Jr., psycholinguists

С самых первых посвященных двуязычию работ (фактически любые исследования многоязычия ограничивались до сравнительно недавнего времени двуязычием) наметилась существующая до сих пор проблема определения широты понятия. Сходясь в понимании билингвизма как владения двумя языками, ученые расходились в том, насколько совершенным должно быть это владение. Так, Л. Блумфилд настаивал, что билингвизмом может считаться только продвинутое владение языком, пусть и с оговоркой на «относительность» оценки качества: «In the extreme case of foreign-language learning the speaker becomes so proficient as to be indistinguishable from the native speakers round him… In the cases where this perfect foreign-language learning is not accompanied by loss of the native language, it results in bilingualism, native-like control of two languages... Of course, one cannot define a degree of perfection at which a good foreign speaker becomes a bilingual: the distinction is relative» («В высшей степени знания иностранного языка говорящий достигает такой степени совершенства владения им, что становится неотличим от носителей… В случаях, когда совершенное владение иностранным языком не сопровождается потерей родного языка, можно говорить о билингвизме, владении двумя языками как родными… Разумеется, невозможно определить степень совершенства владения языком, на которой хорошо говорящий иностранец становится билингвом: отличие относительно»[1]) [Bloomfield 1933: 55–56]. Другие исследователи, например У. Вайнрайх, определяли двуязычие более широко: «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными». Тем не менее позицию У. Вайнрайха корректнее назвать компромиссной: он не соглашается считать «двуязычием минимальную степень владения языка»; ссылаясь на Л. Блумфилда, он отмечает «относительный характер» «различий во владении языком», предлагает «считать этот фактор состоящим из многих переменных» [Вайнрайх 1979: 21–30]. Существует и тенденция подразумевать под двуязычием владение как двумя, так и бóльшим количеством языков (ср. у У. Вайнрайха: «дальнейшие замечания о двуязычии будут относиться и к многоязычию – практике попеременного пользования тремя и более языками») [Вайнрайх 1979: 30].

Сама многогранность понятия как будто «не дается» однозначному определению – исследователями неоднократно подчеркивается, что «концепция билингвизма покрывает широкий ряд понятий» («the concept of bilingualism covers wide range of definitions») [Yumoto 2004: 137]. Это хорошо видно на конкретных примерах. «Сложным случаем» является и многоязычие жившего в XX в. литовско-французского искусствоведа и дипломата Юргиса Балтрушайтиса. Первой трудностью для исследователя оказывается временнóе расстояние – необходимость восстанавливать действительность на основании сохранившихся свидетельств без возможности проверки данных в эксперименте с участием самого человека. Однако даже такие неполноценные данные оказывается трудно анализировать по общим критериям, каждый конкретный аспект описания требует временнóй и пространственной локализаций, культурных, социальных и проч. уточнений. Тем не менее проводить такие исследования важно для составления биографии конкретной личности, изучения языковой ситуации эпохи.

[1] Здесь и далее перевод автора.

Сравнение языковых ситуаций разных эпох позволяет четче увидеть и лучше описать саму сущность многоязычия. Современная наука формирует представление о нем как о динамическом континууме: рассматриваются различные степени билингвизма (degrees of bilingualism), выделяются сбалансированный билингвизм (balanced bilingualism) и несколько видов несбалансированного (e. g., dominant, passive, limited); ведутся дискуссии о критериях описания; изучаются и формулируются факторы, влияющие на формирование языковой способности многоязычного индивида (в этой статье для краткости термин многоязычие называет в самом общем смысле владение более чем одним языком). Одним из параметров описания как многоязычной личности, так и многоязычного общества служит распределение языков по ситуациям их использования; изучаются также объем и динамика этого распределения, его зависимость от экстралингвистических факторов, без которых невозможно общение как человеческая деятельность.

Уже в начале XX в. Л.В. Щерба выделял как минимум два «случая билингвизма»: 1. билингв «никогда не имеет случая употреблять два языка вперемежку», так что языки «изолированы друг от друга»; 2. языки употребляются в одной сфере жизни и по причине этого могут смешиваться, т. е. происходит «взаимопроникновение» языков [Щерба 1974]. Современные парадигмы часто более детализированы. Так, швейцарским лингвистом Франсуа Грожаном предложен принцип комплементарности (the complementarity principle, в этой работе используется аббревиатура ПК): «Bilinguals usually acquire and use their languages for different purposes, in different domains of life, with different people. Different aspects of life require different languages» («Билингвы обычно усваивают и используют каждый язык для специфических целей, в разных сферах жизни, с разными людьми. Каждая сфера жизни требует <использования> “своего” языка») [Grosjean 1997: 165]. Тем самым под ПК подразумевается распределение языков билингва по сферам его жизни: утверждается, что в конкретной ситуации выбор и объем используемых языков обусловлен рядом конкретных и доступных изучению факторов.

Рассмотрим, например, такую ситуацию: билингв живет в обществе, говорящем на языке X, а языком семьи для него является язык У. Тогда в сферах здравоохранения, административной, образовательной и других от него требуется использование языка X, в то время как с ближайшими родственниками и дома использоваться будет язык У. В таком случае пересечения или конкурирования языков в норме не должно возникать. В сфере же дружеского общения использоваться могут оба языка в разном объеме и соотношении.

Распределение языков по сферам общения оказывает влияние на ряд важных факторов. Ситуации и цели использования языка определяют набор и степень развитости коммуникативных навыков, разнообразие доступных говорящему языковых средств. Для разговоров на темы, никогда ранее не обсуждаемые билингвом на данном языке, он может не владеть средствами и навыками: в примере выше билингв может быть неспособен написать официальное заявление на языке У, опытом говорения на котором является только общение с семьей [Grosjean 2010: 31]. Для более подробного описания конкретных случаев билингвизма и мультилингвизма – тем болеедля их сопоставления – важно опираться на четко сформулированные основания оценки, например конкретизируя ПК. В рамках ПК выделяют 17 различных сюжетов использования языка (в оригинале – Topics of the language usage, перечислены в работе Gasser, см *Таблицу 1*) и 11 речемыслительных действий на языке (в оригинале – Activities, where the language is used, указаны в

экспериментах Jaccard & Cividin, см. *Таблицу 2*). Предложенные в обоих упомянутых исследованиях классификации (и, шире, представленные в них изыскания) строятся на оценке использования языков самими билингвами – респондентам предлагается самостоятельно оценить и указать (в процентах) примерную степень использования языков для сфер жизни. Навыки и умения на языках не тестируются и не изучаются; представляется, однако, что лингвистический анализ конкретных речевых произведений билингвов (в сравнении с автооценкой степени использования языков в разных ситуациях) ~~способен позволять~~ позволяет «заглядывать» в психическую природу языковых компетенций, изучать устройство механизма оперирования языками в человеческом сознании.

Immediate family (ближайшие родственники)
Distant family (дальние родственники)
Home (дом)
Love (любовь)
Leisure (свободное время)
Shopping (шоппинг)
Administration (общение в административной сфере)
Education (образование)
Health (здравоохранение)
Sports (занятия спортом)
Transportation (общественный транспорт)
Religion (религия)
Politics (политика)
Holidays (отпуск, каникулы)
Evening out (вечера вне дома)
Clothes (одежда)
Work (работа)

Таблица 1. Topics of the language usage
(Сюжеты (темы) использования языка)

Note-taking (написание заметок)
Expressing feelings (выражение чувств)
Praying (молитва)
Calculating (вычисления, математические операции)
Dreaming (сны)
Counting (счёт количества)
Writing at work (письмо на работе)
Writing letters (написание писем)
Speaking colloquially (устная речь)
Attending clubs (посещение клубов и кружков)
Swearing (ругательства)

Таблица 2. Activities, where the language is used
(<Речемыслительные> действия, в которых используется язык)

Использовать ПК можно не только для сравнения «отдельных случаев» многоязычных индивидов, но и для характеристики языкового социума как целого, с оговоркой, что учесть все детали распределения языков и нюансы их использования, «прийти к общему знаменателю» в сопоставлении (или к синтезу единой общности из) большого количества единиц бывает крайне сложно. Тем не менее, несмотря на неоднозначность материала и невозможность охватить и учесть всё, соотнесение наблюдаемого со списком из четко выделенных пунктов помогает легче увидеть и сформулировать реальность, входящую в заданные рамки или за них выходящую.

Имеющиеся биографические материалы позволяют составить приблизительное описание распределения языков и видов деятельности для Юргиса Балтрушайтиса: по крайней мере, практически для всех перечисленных в ПК ситуаций общения и речемыслительных действий можно указать, использовал ли искусствовед в них один или несколько языков и было ли их соотношение равным. Так как за разные периоды жизни искусствовед длительно проживал как минимум в трех странах, данное исследование ограничивается поздним периодом его жизни (1950-е гг. и далее) – приблизительно с этого времени постоянным местом его проживания является Франция. В таблице ниже представлена попытка такой характеристики с опорой на данные личных и публичных текстов Ю. Балтрушайтиса, биографические и исторические свидетельства о нем.

	превалирует один язык (в скобках указано, какой)	конкурируют несколько языков (в скобках перечислено, какие; последовательность перечисления произвольна)	для оценки требуется дальнейшее изучение личного архива и биографии
Сюжеты (темы) использования языка	Шоппинг (французский) Общение в административной сфере (французский) Образование (французский) Здравоохранение (французский) Занятия спортом (французский) Общественный транспорт (французский) Одежда (?французский)	Любовь (французский, литовский, русский) Ближайшие родственники (французский, литовский, русский) Дальние родственники (литовский, французский) Дом (французский, литовский) Свободное время (французский, литовский) Политика (французский, литовский, английский, *русский, ?немецкий) Отпуск, каникулы (французский, литовский) Вечера вне дома (французский, литовский) Работа (французский, литовский, *русский, *английский, ?немецкий)	Религия
<Рече-мыслительные> действия, в которых используется язык	Написание заметок (французский, ?другие)	Выражение чувств (французский, литовский, русский) Письмо на работе (французский, литовский) Написание писем (французский, литовский, *русский, *английский, *немецкий) Устная речь (французский, литовский) Посещение клубов и кружков (французский, ?литовский)	Молитва Вычисления, математические операции Сны Счёт количества Ругательства
Прочие обозначения: ? - строящееся на основании косвенных свидетельств предположение, прямых доказательств которому найдено не было * - язык использовался значительно меньше остальных указанных			

Таблица 3. Соотношение ситуаций общения и речепроизводства для языковой личности Юргиса Балтрушайтиса в 1950-х гг. и позднее

Постараемся немного подробнее описать, как схематизированные в таблице данные воплощались в реальной жизни искусствоведа. В случае Юргиса Балтрушайтиса многие языки «конкурировали» в использовании, т. е. языковая деятельность в одной и той же сфере велась на разных языках (во все периоды жизни). Наверное, самым ярким примером здесь можно считать профессиональное дипломатическое общение (основные сюжеты: работа и политика; действия: письмо на работе, написание писем, устная речь). Работая в посольстве Литвы во Франции, он вел официальные переговоры и на литовском и французском языках; факт вхождения Литовской ССР в состав СССР заставляет предполагать использование также русского языка. Учитывая, что Ю. Балтрушайтис владел также английским и немецким языками, а среди архивных документов посольства встречаются составленные на английском и немецком, можно предполагать, что эти языки также использовались.

Знакомыми, друзьями и членами семьи Ю. Балтрушайтиса были носители и литовского, и французского, и русского языков, соответственно, все они в целом «сосуществовали» и «конкурировали» в сюжетах: ближайшие и дальние родственники, дом, свободное время, вечера вне дома, любовь.

Интересны тексты, в которых черты профессионального и дружеского общения сосуществуют. Они относятся в основном к переписке Ю. Балтрушайтиса со знакомыми литовцами, работающими в общественных организациях за пределами Литвы. В письмах к ним рабочие вопросы обсуждаются менее официально, чем в прочей переписке, а «рамка вежливости» может отличаться поистине дружеской теплотой. Например, в письме главе Комитета Свободной Литвы от 23.05.1967 рабочие вопросы излагаются простым языком, отсутствует типичная для дипломатических писем формульность и «сглаживание углов». Здесь Ю. Балтрушайтис использует менее официальные грамматические формы и конструкции (настоящее время изъявительного наклонения вместо сослагательного: «siunčiu», а не «norėčiau atsiųsti»), простая и «прямолинейная» лексика («уйти в отставку и закончить комедию»), из возможных этикетных формул выбираются менее подчеркнуто-формальные (обращение без этикетного ponas; подпись «сердечно и всегда твой»).

Более четкое соотнесение «один период ↔ один язык» можно наблюдать для научных искусствоведческих изысканий и преподавательской деятельности Ю. Балтрушайтиса (сюжеты работа, образование). Еще в годы обучения в Université de Sorbonne ученый усваивал в качестве «языка искусствоведения» французский, учился не просто говорить об искусстве, но говорить об искусстве по-французски. По-французски были сделаны его первые доклады, написаны первые научные работы, проходили лекции и семинары. Ю. Балтрушайтис-искусствовед в двадцатые годы был – в широком смысле – франкофоном. Такая же ситуация наблюдается и после сороковых годов. Как «исключение» интересны тридцатые годы, когда ученый преподавал в университете Литвы в г. Каунасе и должен был читать лекции по истории искусств по-литовски. Усвоив литовский уже в сознательном возрасте, искусствовед чувствовал себя при использовании этого языка недостаточно уверенно: введя теоретический материал на литовском, для описания конкретных примеров он обыкновенно переходил на язык, которым владел более свободно, – русский. Выбор русского языка в данном случае, помимо степени языковых компетенций самого говорящего, был обусловлен как минимум двумя причинами. С одной стороны, общенаучная и научная терминология на литовском языке в то время еще только начинала формироваться, язык искусствоведения как

науки также еще не был сформирован, для русского же языка такой проблемы не существовало. С другой стороны, большинство литовцев в то время владели русским как вторым родным. И при чтении лекций, и при написании учебника к курсу (учебник Visuotinė meno istorija в двух частях написан полностью на литовском языке) Ю. Балтрушайтис сам создавал искусствоведческую терминологию и модели описания, часто используя материал знакомых ему крупных европейских языков как «кальку». Оба тома учебника содержат Словарь технических терминов (Technikinių terminų žodynas), в словнике которого можно найти как заимствования (адаптированные к грамматике и фонетике литовского языка, например podijumas, vitralis, или неадаптированные, как gargouille, repusé, sfumato, особенно интересны здесь «смешанные», адаптированно-неадаптированные варианты (doubleau arka, decorated stilius), так и сформированные на основании литовских корней слова (lipdymas, skliautas, pasagos arka).

По возвращении во Францию, как уже было сказано, ученый вновь стал писать и публиковать работы на французском: в 1955 г. вышли Anamorphoses ou Perspective curieuses (Paris, 1955) и Le Moyen Âge fantastique: antiquités et exotismes dans l›art gothique (Paris, 1955); в последующие годы были изданы Aberrations: quatre essais sur la légende des formes. Les perspectives dépravées (Paris, 1957), Réveils et prodiges : le gothique fantastique (Paris, 1960), La Quête d'Isis. Introduction à l'égyptomanie (Paris, 1967), Jardins en France, 1760–1820: pays d'illusion, terre d'expériences, exposition (Paris, 1977), Le miroir: révélations, science-fiction et fallacies (Paris, 1978). Пожалуй, единственным исключением здесь является монография «Литовское народное искусство» (Jurgis Baltrušaitis. Lithuanian folk art. Münich, 1948), опубликованная на английском и внесшая ощутимый вклад в продвижение литовских культуры и языка в Европе. Из вышесказанного можно сделать важное уточнение: в таблице работа отнесена к сюжетам, для которых в 1950–1980-х гг. конкурировали несколько языков, тогда как фактически конкуренция происходила только в дипломатической части профессиональной деятельности, искусствоведение же существовало на одном языке – французском.

Итак, при рассмотрении конкретных ситуаций очевидно, насколько важны детали для характеристики многоязычной личности. Несомненно, учет принципа комплементарности для такого описания представляется важным – как и более подробное наблюдение за особенностями речевой деятельности мультилингва. Критерии облегчают систематизацию данных, служат опорой для выводов и гипотез – и, конечно, не должны «навязываться» изучаемому, вытеснять из исследования выходящие за поставленные границы явления действительности. Рассматривая и описывая конкретные случаи, особенно такие интересные и «разноликие», как история Юргиса Балтрушайтиса, интересно сопоставлять теоретические положения с «живым» материалом. Тогда, опираясь на сформулированную для принципа комплементарности структуру описания, можно «высветить» в языковой личности интересные детали и замысловатые соположения. Это помогает не потеряться в обилии биографического материала, составить как можно более полное описание личности через его речевую деятельность, что, в конечном итоге, ведет к «познанию себя».

ЛИТЕРАТУРА

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.

Леонтьев А.А. Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. С. 21–28.

Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

Bloomfield L. Language. New York: Holt, 1933. 564 p.

Gasser C. Exploring the Complementarity Principle: The Case of First Generation English-German Bilinguals in the Basle Area: Master's Thesis, English Linguistics, Universität Basel, Switzerland, 2000.

Grosean F. The Bilingual Individual // Interpreting. 1997. Vol. 2: 1/2. P. 163–187.

Grosjean F. Bilingual: Life and Reality. Harvard University Press, 2010. 160 p.

Grosjean F. The Complementarity Principle and Its Impact on Processing, Acquisition and Dominance // Language Dominance in Bilinguals: Issues of Mesurement and Operationalization / Eds.: Carmen Silva-Corvalán and Jeanine Treffers-Daller. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 66–84.

Jaccard R. & Cividin V. Le principe de complementarité chez la personne bilingue: Le cas du bilinguisme français-italien en Suisse Romande. Master's Thesis, Language Pathology Program, Université de Neuchâtel, Switzerland, 2001.

Yumoto K.A. Study of Cognitive Level of Bilingual Proficiency: What Makes Balanced Bilinguals? // The Journal of Asia TEFL. 2004. Vol. 1. № 2. P. 135–160.

REFERENCES

Bloomfield L. (1933) Language. New York. Holt. 564 p.

Gasser C. (2000) Exploring the Complementarity Principle: The Case of First Generation English-German Bilinguals in the Basle Area: Master's Thesis, English Linguistics, Universität Basel, Switzerland.

Grosean F. The bilingual individual. *Interpreting*. 1997. Vol. 2: 1/2, pp. 163–187.

Grosjean F. (2010) Bilingual: Life and Reality. Harvard University Press. 160 p.

Grosjean F. The Complementarity Principle and Its Impact on Processing, Acquisition and Dominance. In: Language Dominance in Bilinguals: Issues of Mesurement and Operationalization / Eds.: Carmen Silva-Corvalán and Jeanine Treffers-Daller. Cambridge. Cambridge University Press. 2016, pp. 66–84.

Jaccard R. & Cividin V. (2001) Le principe de complementarité chez la personne bilingue: Le cas du bilinguisme français-italien en Suisse Romande. Master's Thesis, Language Pathology Program, Université de Neuchâtel, Switzerland.

Leontiev A.A. Language Activity. In: Main Problems of Theory of Language Activity / A.A. Leotiev (ed.). Moscow. Nauka Publ. 1974, pp. 21–28.

Shcherba L.V. (1974) Language System and Speech Activity. Leningrad. Nauka Publ. 428 p.

Weinreich U. (1979) Languages in Contact – Findings and Problems. Kiev. Vysha Shkola Publ. 263 p.

Yumoto K.A. Study of Cognitive Level of Bilingual Proficiency: What Makes Balanced Bilinguals? *The Journal of Asia TEFL*. 2004. Vol. 1. No 2, pp. 135–160.

Сведения об авторе:

Александра Андреевна Фокина,
ассистент кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов» Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksandra A. Fokina,
Assisting Teacher at the UNESCO Chair “International Education and the Integration of Migrants”, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University
MA
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
murmuradova@mail.ru

Библиографии

Bibliography

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-106-114

М.М. Громова (Москва, Россия)

О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 3

M.M. Gromova (Moscow, Russia)

About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 3

1909

– – –*р*. Библиография // Виленский вестник. 1909. № 1826. 16 июля. С. 4.

Отзыв на повесть **«Газават»**: «Среди нахлынувшей за последнее время волны всевозможных литературных “новшеств”, – “новшеств” к сожалению, коснувшихся и детской литературы, книги Л.А. Чарской являются вполне безукоризненными. Они написаны прекрасным языком, живо и увлекательно, чужды какой бы то ни было тенденциозности, столь присущей большинству даже талантливых писателей, скучной морали и слащавой подделки под детский язык и понимание. Книги Л.А. Чарской с удовольствием прочтутся и взрослым читателем, чего, к сожалению нельзя сказать о многих других “детских” книгах. Рассматриваемая повесть отличается присущими вообще повестям симпатичной писательницы достоинствами и горячо может быть рекомендована вниманию юношества».

[Автор не указан]. Детские книги // Голос Москвы. 1909. 23 дек. С. 5.

Хвалебные отзывы о новых изданиях т-ва М.О. Вольф. «**“Сказки голубой феи”** Л.А. Чарской – это книга для детей среднего возраста. Навеянные иностранными образцами (говорим это не в осуждение) сказки г-жи Чарской достаточно красивы, просты для понимания и, конечно, дадут занимательное чтение»; «Две исторические повести из времен Иоанна Грозного – **“Царский гнев”** и **“Грозная дружина”** – принадлежат перу Л.А. Чарской, талантливой пересказчицы исторических событий для детей среднего возраста. Последняя повесть, в 352 страницы, рассказывает о различных подвигах и приключениях дружины Ермака Тимофеевича вплоть до завоевания Сибири.

Те, кто считает, что героические повести могут быть полезны юноше, ребенку, для тех упомянутые книги могут служить отличным подарком».

[Автор не указан.] Чарская, Л. Княжна Джаваха. Повесть для юношества. С рис. М. 1907 г. Изд. 2-е т-ва М. Вольф. 133 стр. Ц. 3 р. в перепл. Чарская, Л. Юркин хуторок. Повесть для детей. С рис. Спб. 1907 г. Изд. т-ва М. Вольф. 187 стр. Ц. 3 руб. в переплете. Чарская, Л. Проданный талант. С рис. Спб. 1907 г. Изд. т-ва М. Вольф. 79 стр. Ц. 45 к. Чарская, Л. Вторая Нина. Повесть для юношества. С рис. Спб. 1907 г. Изд. т-ва М. Вольф. 309 стр. Ц. 3 руб. в пер. // Новые книги для детей от 4 до 16 лет (1907, 1908 и 1909 г.). Первый сборник рецензий, составленный «Комиссией по детскому чтению» при Учебном отделе Общества распространения технических знаний. М.: издание Детской Библиотеки М.В. Бередниковой, 1909. С. 99–100.

«В первой повести – рассказ грузинской девочки о ее детстве на Кавказе, а потом о воспитании в одном из петербургских институтов. У героини натура пылкая, страстная, несдержанная. Она лихая джигитка с дивными очами и чудными кудрями. Ее род знаменит по всему Кавказу.

Другие персонажи повести отличаются или неукротимостью, или самоотверженностью; любовь всегда страстная, ненависть жгучая. Фигурируют грузины, горцы, разбойники, старые князья, баронессы, институтки и пр.

В повести **"Юркин хуторок"** тайный советник Волгин купил хутор и приехал провести в нем лето с своей семьей. У него четверо детей: слепая дочь, Лида, с дивным, ангельским лицом, и 3 мальчика с чудными черными глазами. Дети допускают в свою компанию приемыша ключницы, Митьку, и дружат с дочкой лесничего, шалуньей Маей. Митька и учитель немец, бывший гувернер соседнего помещика, князя, комические персонажи повести, с которыми дети Волгина обращаются возмутительно. Лето прошло. Семья тайного советника уезжает. Дочка лесничего скучает, но князь советует ей от скуки заняться благотворительностью: помогать бедным семьям крестьян, обшивать их детишек, учить их грамоте и вообще быть ангелом-хранителем мужиков.

"И вам будет весело", – говорит он – "и пользу ближним принесете" (!).

В рассказе **"Проданный талант"** – прекрасный юноша, с мечтательными, грустными и глубокими глазами, большой талант, уезжает в столицу учиться живописи, оставляя в нищете свою прекрасную и необычайно красивую мать. Там он делается жертвой авантюриста: пишет ему прекрасные картины, а авантюрист подписывает их своим именем и получает за художника и славу и деньги. Позже является еще жертва – юная, прекрасная девушка, похожая на мать художника. Но является благодетель (князь) и спасает обе жертвы. Кончается очень хорошо: юный талант и его мать в роскошном имении благодетельного князя ожидают приезда прекрасной героини.

Содержание повести **"Вторая Нина"** – совершенно в том же роде.

Детей, особенно девочек, книги г-жи Чарской могут очаровать. Написаны они живо, изданы роскошно, рисунки с массой красивых лиц и поз, главы имеют такие заманчивые названия: "Паж и королева", "Башня смерти" и т.п. Но во всех произведениях этой писательницы нет ни одного реального описания, ни одного правдивого характера, ни одной жизненной сцены. Во всем фальшь, поза, сентиментальность и истеричность. С такими произведениями детской литературы надо серьезно бороться, тем более, что они усердно рекламируются.

Не реком.»

[Автор не указан.] Чарская, Л. Рыжик и Чернушка. Приключения маленьких коташек. Рассказ для малюток. С хромолитограф. рисунками А. Гейера. Спб. 1907 г. Изд. т-ва М. Вольфа. 24 стр. Ц. 1 р. 50 к. в папке // Новые книги для детей от 4 до 16 лет (1907, 1908 и 1909 г.). Первый сборник рецензий, составленный «Комиссией по детскому чтению» при Учебном отделе Общества распространения технических знаний. М.: издание Детской Библиотеки М.В. Бередниковой, 1909. С. 26.

«Котенок, Рыжик, ведет дневник, в котором описывает, как он с сестрой Чернушкой проводит время "без мамочки", уехавшей куда-то с господами.

Небольшие приключение, проказы и шалости котят не представляют ничего интересного, но рассказаны довольно живо. Книга не чужда манерности в тоне и прописной морали. Есть и несообразности: котята, не знающие, что такое лягушка, прекрасно знают, что такое "пароход", "капитан", "тюрьма"; перед завтраком котята подвязывают себе салфетки "по привычке" (так они изображены и на картинке) и стараются вести себя "прилично", иметь "хорошие манеры" и т. п. Издана книжка роскошно: большой формат, прекрасная бумага, хорошие рисунки. Доп.»

[Автор не указан.] Чарская, Л. Сказки голубой феи. С иллюстр. В. Мельникова, А. Больцера и др. Спб. 1908 г. Изд. т-ва Вольф. 182 стр. Ц. 1 р. 75 к. в папке // Новые книги для детей от 4 до 16 лет (1907, 1908 и 1909 г.). Первый сборник рецензий, составленный «Комиссией по детскому чтению» при Учебном отделе Общества распространения технических знаний. М.: издание Детской Библиотеки М.В. Бередниковой, 1909. С. 101–102.

«В вступлении автор говорит, что однажды весной к ней прилетела голубая фея и сказала: "Я расскажу тебе сказки, которые выдумали старый лес и шаловливая речка, и золотое солнце прислало к нам сюда с весенними лучами. И те, которые медведь прорычал в берлоге, и те, что прозвенели серебряными голосами такие же маленькие феи, как я… А ты, большая, передашь эти сказки маленьким людям".

И вот г-жа Чарская рассказывает сказки феи. Особые, должно быть, эти сказки, не похожие на людские, ведь это сказки самой природы.

Их всех 18: Царевна Льдинка. Волшебный оби. Король с раскрашенной картинки. Фея в медвежьей берлоге. Чародей-голод. Дочь сказки. Три слезинки королевны. Дуль-Дуль, король без сердца. Чудесная звездочка. Галина правда. Сказка про Ивана, искавшего счастье. Веселое царство. Мельник Нарцисс. Живая перчатка. Сказка о красоте. Герцог над зверями. Подарок феи. Меч королевы.

Вот содержание некоторых из них:

“Царевна Льдинка” пожелала из гордости выйти замуж за короля Солнце и растаяла от одного его взгляда.

“Волшебный оби” (пояс) имела Хана, дочь японского вельможи. Он был некрасив, но обладал волшебной силой исполнять все желания девушки. На богатом пиру Хана устыдилась скромного пояса и захотела иметь роскошный. Получив нарядный оби, девушка потеряла все, что имела раньше.

“Король с раскрашенной картинки” пожелал стать настоящим королем, чтобы дать счастье подданным. Его желание исполнилось, но он ничего не смог сделать для своего народа, так как сановники скрывали от него правду, а слуги притесняли народ.

“Дочь сказки”, Правда, была не любима ни матерью, ни окружающими за то, что всегда изобличала их ложь. Мать решила выдать ее замуж, но так как Правда не обладала ни красотой, ни привлекательностью – все женихи отказывались от нее, пока не явился “Король Справедливости и Правосудия”, который и взял Правду в жены, чтобы отвезти ее в свое “большое людское царство”.

“Дуль-Дуль, король без сердца” (сердце украдено чародеем Гаем) воспитывается солдатом Иваном (!), другом умершего отца королевича. Иван обладает “солдатской честью”, “солдатской преданностью” и, когда Дуль-Дуль, благодаря своему бессердечию, начинает совершать жестокие дела, – Иван идет к чародею и за королевское сердце отдает свои глаза. Вернувшись, он вкладывает сердце в грудь короля, и Дуль-Дуль, мгновенно переродившись, говорит народу: “Теперь я обещаю править тобою не только мудро, но и добро и кротко”!

Есть еще сказка о Галиной правде, которая преследовалась повсюду и нашла пристанище только в небесах; о мельнике Нарциссе, который, побывав королем и увидав, как много у него забот, ответственности и стеснений, пожелал опять стать мельником; о красоте, которая захотела быть полезной людям и стала покровительницей муз; о герцоге, который был королем зверей и из жалости к ним не захотел вернуться к людям, и много других в том же роде. И ничего-то нет в них такого, что выходило бы из рамок обычного “сочинительства”.

Мотивы сказок серьезны, но разработка их слаба и манерна. Мораль – традиционная, не получившая переработки или углубления в творчестве автора, а в некоторых случаях – и не заслуживающая симпатии (“Галина правда”, “Мельник Нарцисс”, “Герцог над зверями” и др.). В изложении и образах много вычурности.

Обо всем этом можно пожалеть, потому что нельзя автору отказать в уменьи завладевать вниманием читателей, и сказки читаются с интересом.

Изданы они роскошно.

Доп.»

Василевич В. Книги для детей // Речь. 1909. № 350. 21 дек. (3 янв. 1910). С. 3–4.

Отзывы на книги Чарской. **«Царский гнев»**: «“Царский гнев” – одна из неудачных повестей популярной детской писательницы.

Г-жа Чарская извлекла только один небольшой этюд из истории опричнины и растянула его на 112 страниц. Дать историческую картину быта, понятную и интересную детям, автор не сумел. Весь исторический фон не только фантастичен, но и не интересен. Г-жа Чарская сосредоточила свое внимание на занимательности рассказа.

Г-жа Чарская выводит здесь, выбрав его в герои рассказа, восьмилетнего мальчика Ваню, она заставляет совершать его какие-то сказочные чудеса, неуместные в исторической повести. Дети, разумеется, прочтут повесть г-жи Чарской с интересом, но следов от этого чтения никаких не останется. Автора можно похвалить только за доброе желание внушить юным своим читателям отвращение к злодействам Грозного Царя. Издана книга роскошно, иллюстрирована многими рисунками, относящимися к жизни и царствованию Иоанна IV»; **«Сказки голубой феи»**: «У Л.А. Чарской бойкое перо, и несомненно, что маленькие дети (лет до 10) любят читать ее произведения, хотя, с точки зрения взрослых, г-жа Чарская сусальная, неискренняя, ходульная писательница, у которой нет ни настоящего таланта, ни искренней любви к детям. Но надо признать, что часть детей держится другого мнения, и среди читателей “Задушевного Слова”

г-жа Чарская пользуется большой популярностью. “Сказки голубой феи” написаны занимательно и оживляются очень хорошими иллюстрациями».

В. Ю. Б. Детская литература // Новое время. 1909. № 12132. 19 дек. (1 янв. 1910). Иллюстрированное приложение. С. 1(409)–10(418).

«**“Сказки голубой феи”**, по словам автора, г-жи Л.А. Чарской, это те, которые “выдумали старый лес и шаловливая речка и золотое солнце прислало к нам сюда с весенними лучами; и те, которые принес орел на своих крыльях, медведь прорычал в берлоге” и т. д. Оставляя вопрос о сотрудничестве с лесом, речкой, орлом и медведем на ответственности автора, заметим, что сказки написаны красивым языком и грациозны, хотя темы некоторых из них заимствованы и лишь переработаны автором на иной лад. Так, “Царевна Льдинка”, пожелавшая стать невестой короля Солнца и погибшая в блеске его лучей, – это вариант сказки о Снегурочке. В описании того, как любивший хорошо покушать мельник стал королем и как на первых же порах ему пришлось умерить свой апетит(sic!), так как придворный врач отнимал от него все вкусные кушанья, якобы вредные для его здоровья, слишком явственно слышатся отголоски истории губернаторства Санчо-Пансо(sic!). Попадаются и несообразности: в сказке о “Короле без сердца” чародей Гай представлен мудрым и всезнающим, а между тем при виде плачущего солдата Ивана он восклицает: “В первый раз вижу, чтобы вода текла из глаз человека!” Книга нарядно илюстрирована(sic!), хотя, например, в сказке “про Ивана, искавшего счастье”, герой сказки, который с первого взгляда пленяет девушку, как писаный красавец, смахивает почему-то на тех “безработных”, которые в глухих переулках назойливо пристают к прохожим с просьбою дать “на пропитание”» (с. 6).

«Девочкам-гимназисткам посвящена новая книга Л. Чарской **“Гимназистки”**. Тут и “девочка с длинными зеленовато-серыми глазами”, по прозвищу “сфинкс”, и “красивая, стройная Нина Соболева с густой белокурой косой”, и “худенькая, рябоватая, смуглая девочка с туго заплетенной черной косичкой за плечами Маня Дадурова”, и много других, белокурых и темных, худеньких и полных девочек. Изображая их быт и нравы, г-жа Чарская на этот раз, по-видимому, старалась более или менее отрешиться от своей привычки к ложному пафосу, хотя это и не всегда ей удается. Описывается, напр., посещение школы сановником “в синем виц-мундире, со звездой на груди”.

“Почетный гость! Вельможа! Большой государственный человек! – пронеслось по классу шепотом, исполненным благоговейного ужаса”, и т. д.

Вложить в уста гимназисток, хотя бы и старших классов, такое “благоговейное” восклицание, как “большой государственный человек”, – для этого нужна немалая доза изобретательности» (с. 7);

«**“Царский гнев”** г-жи Л. Чарской – это довольно слабая компиляция из исторических учебников и многочисленных романов, относящихся к эпохе Иоанна Грозного, лишний раз долженствующая напомнить о беспричинной жестокости царя. Характеристики как самого царя, так и других действующих лиц довольно бледны. Переложение из учебников сделано языком подчас довольно курьезным. Так, заводя речь об опричниках, г-жа Чарская говорит, что “для их существования (?) были назначены многие города”; что “всюду оставались за ними пустота (?) и разорение”; что “на седла за спиною они привязывали мертвые собачьи головы”, и т. д. Книга илюстрирована снимками с многих картин, относящихся к эпохе Грозного, но и здесь не обошлось без курьезов. В картине Новоскольцева “Опричники в боярском доме” труп распростертой на полу обнаженной девушки, очевидно, по цензурным соображениям, нашли необходимым убрать. Но ведь картина большинству читателей известна по репродукциям. И не является ли исчезновение молодой девушки подчеркиванием: смотрите, мол, – мы не спроста убрали женское тело. Не проще ли было вовсе не помещать шокирующую издателей картину?

Не то можно сказать о повести **“Грозная дружина”**. Повесть эту можно смело рекомендовать для детей в возрасте 13–15 лет. Содержание ее относится ко времени покорения Сибири; вымысел удачно сплетен с историческими фактами и картинами; написана повесть вполне литературно и хорошим языком; симпатии автора – на стороне всех храбрых, любящих свою родину и свободу. Приятно отличает эту повесть и то ее качество, что жестокие, кровавые или грубые сцены не привлекают особого внимания автора, а, напротив, всю повесть проникает стремление выдвинуть лучшие качества человеческой души у всякого человека, независимо от того, счастлива и чиста, или грустна и даже ужасна его жизнь» (с. 8–9).

Е. **–. Библиография // Виленский вестник. 1909. № 1745. 9 апр. С. 4.**

Отзыв на повесть **«Смелая жизнь»**: «Имя Л.А. Чарской пользуется заслуженной популярностью среди юных читателей. Повести ее живы, картинны, образны и увлекательны. Рассматриваемая повесть из жизни известной “девицы кавалериста” является одним из лучших про-

изведений симпатичного автора. Издана книга очень изящно и иллюстрирована прекрасными рисунками».

***Е– –.* Библиография // Виленский вестник. 1909. № 1943. 6 дек. С. 3.**

Отзыв на повесть **«Записки маленькой гимназистки»**: «Отличительною чертою большинства произведений симпатичной писательницы – является их искренность, и этим главным образом объясняется успех ее книг, пользующихся в настоящее время громадной популярностью среди подрастающего поколения. Л.А. Чарская не придумывает, не сочиняет сюжеты своих повестей, а берет их из действительной, настоящей жизни, и это чутко улавливается юными читателями. Рассматриваемая повесть написана с искренностью и правдивостью и, несомненно, прочтется детьми с громадным интересом. Книга смело может быть рекомендована, как прекрасный подарок. Издана она роскошно и иллюстрирована изящными рисунками художника А. Бальдингера».

***Евг.* – – –.* Библиография // Виленский вестник. 1909. № 1849. 13 авг. С. 4.**

Отзыв на книгу **«Веселая дюжинка»**: «Прекрасная книжка талантливой писательницы может служить отличным подарком малышам. Стишки звучны, хорошо усваиваются и заучиваются детишками. Все они написаны на темы, близко знакомые детям, что делает их еще более интересными. Издана книжка опрятно».

Евг-р. Библиографические заметки // Псковская жизнь. 1909. № 168. 22 июля. С. 3.

Отзыв на повесть **«Газават»**: «Л.А. Чарская за короткое сравнительно время сделалась популярнейшею и любимейшею детскою писательницею. Это впрочем и не мудрено: маленький народец чутко улавливает искренность рассказчика и остается равнодушным ко всем слащавым подделкам под детский язык и понимание. Повести же Чарской отличаются своей простотою, жизненностью и правдивостью. Этим и объясняется их популярность. Рассматриваемая книга принадлежит к числу лучших произведений симпатичной писательницы и может занять почетное место в любой детской библиотеке».

Евг-р. Библиографические заметки // Псковская жизнь. 1909. № 185. 29 авг. С. 3.

Отзыв на книгу **«Веселая дюжинка»**: «Литература для малышей очень и очень небогата и объяснить это следует тем, что настоящие писатели пренебрежительно смотрят на этот уголок литературы и редко заглядывают в него. Такие книги как “Аленушкины сказки” Мамина-Сибиряка составляют редкость и в большинстве случаев этот существенный пробел заполняет(sic!) всевозможный guasi(sic!)–литературной стряпней различных литературных неудачников. Талантливая писательница Л.А. Чарская отнеслась однако иначе к этому игнорируемому уголку и написала немало прекрасных произведений, которые могут быть причислены к образцовым детским книгам. Рассматриваемый сборник “Веселая дюжинка” является одним (sic!) из таких прекрасных книжек, которые смело могут быть даны ребенку. Книжка эта доставит искреннее удовольствие малышам, так как написана она живо и увлекательно, с тонким пониманием детской психологии».

Ев-р. Библиографические заметки // Псковская жизнь. 1909. № 178. 21 авг. С. 3.

Отзыв на повесть **«Записки сиротки»**: «Рассматриваемая книга может быть горячо рекомендована вниманию родителей. Это прекрасный вклад в любую детскую библиотеку.

“Записки сиротки” увлекательно, живо написанная повесть, выхваченная целиком из жизни и чуждая какой бы то ни было придуманности и слащавой тенденции столь присущих большинству детских повестей. Вообще произведения Л.А. Чарской отличаются задушевною искренностью, столь чутко улавливаемой маленькими читателями – обстоятельство, сделавшее в короткое сравнительно время, книги этой писательницы – любимейшими детскими книгами».

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 2. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. **«Сказки голубой феи»**: «Как по содержанию, так и по художественности иллюстраций обращают на себя внимание “Сказки голубой феи”» (Южный край. 08, 9517) (с. 2).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 1. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. **«Задушевное слово»**: «…в 1908 г. журнал… напечатал… очередную повесть талантливой писательницы Л. Чарской “Лесовичка” и ряд других литературно написанных очерков и рассказов, приноровленных к пониманию юных читателей» (Россия. 1908. № 945) (с. 1). **«Паж цесаревны»**: полностью приведен отзыв [Слово

1908] и соответствующий фрагмент [Новое время 1908]; **«Записки маленькой гимназистки»**: «Содержание повести несложно, но жизненно… Книга издана красиво, иллюстрирована довольно удачно и может быть рекомендована в качестве ценного вклада в детскую библиотеку и прекрасного подарка» (Россия. 1908. № 945) (с. 4); **«За что?»**: «Чистый, благородный дух, который проходит через все работы известной детской писательницы, в связи с привлекательным способом рассказа, доставляет г-же Чарской с полным правом большой круг читателей» (С.-Петерб. Герольд. 1908. № 352) (с. 5).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 3. Отд. пагинация.

Перепечатка фрагментов отзывов на издания книг Чарской – **«Газават»**, **«Записки сиротки»**, **«Лизочкино счастье»**, **«Вторая Нина»** [Правительственный вестник 1906]; **«Вторая Нина»**: «Повесть изящно издана и иллюстрирована. Нарядно и само изложение ее» [Налимов 1908] (с. 3).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 5. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. **«Смелая жизнь»**: полностью приведен отзыв [Е. – 1909]; **«Паж цесаревны»**: [Журнал Министерства Народного Просвещения 1909] (с. 3).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 6. Отд. пагинация.

Перепечатка фрагмента из [Фаресов 1905] (с. 2).

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 8. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. **«Веселая дюжинка»**: полностью приведен отзыв [Евг. – – – 1909]; **«Газават»**: фрагмент [Евг-р 1909a]; «Настоящая повесть отличается присущими вообще произведениям Л.А. Чарской достоинствами: написана она живо, увлекательно на тему, взятую из действительности, и с удовольствием может быть рекомендована, как прекрасный вклад в любую библиотеку» (Жизнь и сцена. 1909. 21. VII); «Рассматриваемая повесть отличается присущими вообще повестям симпатичной писательницы достоинствами и горячо может быть рекомендована вниманию юношества» [– – –р 1909]; Повести и рассказы для юношества: фрагмент [Евг-р 1909a]; фрагмент [– – –р 1909].

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 9. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. **Повести и рассказы**: фрагмент [Ев-р 1909], [Евг-р 1909a]; **«Вторая Нина»**: «Генкель Г. Этот дивный роман из кавказской жизни, полный благоухания магнолий и роз, живо переносит вас в роскошную Карталинию и может увлечь любого читателя» (Товарищ. 1907. 21. XII); «Большая часть произведений нашей талантливой и неутомимой писательницы г-жи Чарской предназначена для девушек среднего и переходного возрастов. Написаны они безусловно красиво и даже художественно и всегда проникнуты высоко-моральной, облагораживающей тенденцией» (Одесские новости. 1907. 21. XII); **«Веселая дюжинка»**: фрагмент [Евг-р 1909b].

Из отзывов и рецензий о новых изданиях // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 10. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. «Записки сиротки»: фрагмент [Ев-р 1909] (с. 2); «Рыжик и Чернушка»: выбранные места из рецензии в сб. «Новые книги для детей от 4 до 16 лет» (1909, см.); «Записки маленькой гимназистки»: фрагмент [С-в 1909: 66] (с. 4).

Книжные новости // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 4. Стлб. 74.

«Издаваемый Т-вом М.О. Вольф первый сборник стихотворений для юношества Л.А. Чарской п. з. “Голубая волна” появится в изящном виде в типографском отношении, в обложке по рис. худ. Курило».

Книжные новости // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 5. Стлб. 85.

«Историческая повесть для юношества Л.А. Чарской “Паж цесаревны” признана Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения заслуживающей внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений и при пополнении бесплатных народных читален и библиотек.»

Книжные новости // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 7. Стлб. 121.

«Ученый Комитет Министерства Народного Просвещения признал книгу Л.А. Чарской “Записки сиротки, повесть для детей” заслуживающей внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений.»

Локтин А. Новости детской литературы за итекший год. Книги для детей среднего возраста (11–12–13 лет). Окончание // Нижегородский листок. 1909. № 352. 24 дек. С. 2.

«Приведем еще несколько названий книг, которые по своему содержанию и внешним данным заслуживают одобрения… Л. Чарская. **“Сказки голубой феи”**. С рис. в кол. пер. Ц. 1 р. 50 коп. Красивые и поэтические сказки…»

Налимов А. **Смелая жизнь. (Подвиги загадочного героя). Историческая повесть Л.А. Чарской. С 12-ю оригин. иллюстр. Е.П. Самокиш-Судковской, 4 сн. со старин. портретов и 1-м видом. Издание Товар. М.О. Вольф. С.-Петербург-Москва // Воспитание и обучение. 1909. № 5. С. 174–175.**

«Это – “историческая” повесть, потому что главная ее героиня – Н.А. Дурова, действительно жившая на Руси в 1783–1866 г.г. женщина-кавалерист.

Автор взял сюжет выигрышный, занятный для всех возрастов. Вопрос о смысле и назначении книги мы тут оставим в стороне. Разве не любопытный, не редкостный случай – воинские подвиги молоденькой девушки, отличающейся в наших столкновениях с самим Наполеоном Первым?

Все это – более или менее истинные происшествия, картинки и сцены: Надюша “воспитывается усатой нянькой, денщиком-гусаром, выходившим ее с первых дней ее раннего детства”; подростком она зачитывается рассказами о великих деяниях Жанны д’Арк; ведет удивительную дружбу с бурным, горячим конем Алкидом. Юная девушка Дурова убегает из дому родителей, надолго пропадает для них без вести. Добивается, под видом юноши-добровольца, определения в полк, и там дивит всех своею отважностью, заслуживает “Георгия”! А когда тайна ее разоблачается, объясняется с императором Александром I, который и признает ее российским офицером. Уже в немолодых годах женщина-кавалерист выходит в отставку с пенсией.

Г-жа Чарская, с своей стороны, вводит в “историческую” нить приключений и событий недурно подчас воссозданны(sic!) эпизоды. Напр., знакомство мнимого молодого офицерика с пылкой барышней-полькой, встречу Дуровой, во время битвы, с раненым солдатом, который напоминает о покинутых и далеких милых родных местах и др. В “заключении” г-жа Чарская излагает вкратце все подлинные биографические данные о Дуровой, сообщая и об ее позднем, недолговременном, но успешном писательстве… “Сам великий Пушкин отличает ее”, говорит автор повести.

Из этих уже беглых указаний наших, думается, видно, что книга г-жи Чарской найдет себе молодую читающую публику, даже снабдит ее некоторыми сведениями. Но мы не можем сказать, что г-жа Чарская справилась со своею историко-психологическою темою (впрочем, и нелегкою вне одних чисто наружных эффектов). Она опять как-то вырисовывает, отделывает своего рода *мозаикой* красочную природу, вспышки чувства, сложные *ситуации*.

Но мало-мальски целой фигуры интеллигентного солдата-женщины не выливается под пером автора.»

Новости детской литературы // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 1. Стлб. 16.

«Первое издание “Записок сиротки” Л.А. Чарской разошлось в короткое время полностью. Приступлено к печатанию второго издания.»

Новости детской литературы // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 6. Стлб. 112.

«Ученый Комитет Министерства Народного Просвещения, рассмотрев книги Л. Чарской “Записки маленькой гимназистки” и “За что? Моя повесть о самой себе”, признал их подлежащими внесению в список книг, заслуживающих внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений (преимущественно женских). Главное Управление Военно-учеб-

ных заведений решило допустить книги… Чарская “За что?” в ротные библиотеки кадетских корпусов для чтения кадет VI-VII классов.»

Определения основного отдела Ученого комитета Министерства Народного Просвещения // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1909. № 4. С. 62–68.

«Признать заслуживающими внимания при пополнении ученических библиотек средних учебных заведений следующие книги <…>: Чарская, Л.А. Паж цесаревны. Историческая повесть. Издание т-ва М.О. Вольф. С.-Пб. и М. Стр. 329. Цена в перепл. 3 р 50 коп.» (с.65); «Список книг, рассмотренных ученым комитетом и признанных заслуживающими внимания при пополнении бесплатных народных читален и библиотек: <…> Чарская, Л.А. Паж цесаревны. Историческая повесть. Издание т-ва М.О. Вольф. С.-Пб. и М. Стр. 329. Цена в перепл. 3 р 50 коп.» (с. 68).

Разные известия // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 5. Стлб. 96.

«Главное Управление военно-учебных заведений, рассмотрев историческую повесть для юношества Л.А. Чарской “Паж цесаревны”, постановило допустить означенную повесть в ротные библиотеки кадетских корпусов для чтения кадет VI–VII классов.»

Рукавишников Г. Профанация стыда. Л.А. Чарской (“Задушевное воспитание”. Вып. 8). Стр. 15. Ц. 15 коп. // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 8. Стлб. 145–146.

«Это первый дебют известного автора повестей для детей и юношества – в роли публициста-педагога. В отмеченном этюде картинно, легко и изящно, но в то же время и больно, г-жа Чарская касается старого, избитого, но еще живого вопроса о телесном наказании детей. Ярко изобразив господство плети в древней русской семье, автор психологически рассматривает и современное значение телесных наказаний в воспитании. И для окончательного унижения этого варварского обычая автор не жалеет слов и нещадно его бичует. Автор – друг детей и знает их душу. “Этика души ребенка – это целая наука, целая поэма и целое откровение. К ней надо подступать нежно, чуть слышно, осторожными, ласковыми руками. Надо дать расцвести свободно и красиво этому благоухающему, прекрасному цветку. И одним из непременных условий здорового, трезвого, этичного, вполне “человеческого” воспитания я считаю удаление, *полное и безвозвратное удаление, изгнание розог и плетки*, этих орудий умерщвления стыда, собственного достоинства, составляющего залог будущего гордого человеческого “я” в ребенке”. Так говорит автор, и рядом живых примеров доказывает жестокие результаты наказания детей. “Стыд – красота, стыд – добродетель”. Всяким телесным наказанием унижается, профанируется стыд. И тем самым унижаются красота и добродетель. А “имеем ли мы право принижать красоту… разрушать добродетель? Двух ответов на это быть не может”.»

С-в М.В. **Л. Чарская. Записки маленькой гимназистки // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1909. № 7. С. 65–66.**

«Для вящшей (sic!) ли обрисовки прекрасных душевных качеств девочки или по неосмотрительности автор поместил ее в такую жизненную обстановку, знакомство с которой никакой пользы детям не принесет. Лена, выросшая под крылышком любящей и разумной матери, после ее смерти попадает в семью своего столичного дяди, где старшая дочь злая горбунья, младшая – избалованная эгоистка, старший сын – фатоватый гимназист, младший – добродушный мальчик, скоро полюбивший Лену, тетя – светская дама, презрительно относящаяся к деревенщине, дядя – занятый службою чиновник; дети издеваются над Леной, делают ей неприятности и сваливают на нее свои шалости, в чем им помогает гувернантка. Не лучше родственников и гимназистки-одноклассницы; он встретили Лену насмешками, щипками и разными прозвищами; когда же учитель русского языка, по прозвищу “Яшка”, похвалил ее, то гимназистки обиделись и решили “Яшку травить”, отвечая ему вместо заданной басни другие. Лена не приняла участие в этой выходке, за что была изгнана из класса и заперта в пустой библиотеке. Классная дама, заведывавшая этим отделением, авторитетом не пользовалась, девочки в глаза издевались над нею. Такая домашняя и гимназическая обстановка естественно привела к тому, что сердечные запросы Лены нашли себе удовлетворение в чужой семье, в семье железнодорожного кондуктора, приласкавшей ее. Случайно из газет Лена узнает, что потерпел крушение поезд, на котором ездил знакомый кондуктор; она сама-не-своя: в гимназии получает впервые единицу, отсиживает до шести часов, потом бежит на квартиру кондуктора, сбивается с пути, и ее полузамерзшую находит знакомый барин и спасает. Благодаря этому случаю родные наконец поняли

девочку. Признавая повесть неудовлетворительной с педагогической стороны, все-таки скажу, что написана она недурно и читается с интересом, конечно, младшим возрастом.»

Rossica // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 6. Стлб. 107.

«Переводы русских сочинений на иностранные языки. Повесть Л.А. Чарской “Записки институтки” выходит в Праге в чешском переводе, п. з. “Mezy druzky” (Между подругами). Появление перевода вызвано огромным успехом, которым пользуется в Чехии перевод повести той же писательницы “Княже Джевало” (sic!).»

Rossica // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1909. № 10. Стлб. 173.

«Издатель Вилимек в Праге, в виду успеха, каким пользуются чешские переводы повестей Л.А. Чарской “Записки институтки” и “Княжна Джаваха”, приступил к изданию повести того же автора “Вторая Нина” в чешском переводе, с оригинальными иллюстрациями чешского художника Урбана.»

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
мл. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru

Научная жизнь

Academic Life

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-116-119

К 270-летию Московского университета

Е.Л. Бархударова, О.Ю. Дементьева, О.В. Зубова,
Ф.И. Панков, Т.Е. Чаплыгина (Москва, Россия)

Наши Учителя. О тех, кто стоял у истоков специальности «Русский язык как иностранный»

Аннотация: 11 декабря 2024 г. на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова была проведена тематическая встреча «Наши Учителя. О тех, кто стоял у истоков специальности “Русский язык как иностранный”», приуроченная к празднованию 270-летия Московского университета. В рамках встречи состоялись выступления преподавателей кафедры, поделившихся воспоминаниями о творческой жизни и фактах личной биографии известных лингвистов, которые внесли значительный вклад в разработку теории и методики преподавания русского языка как иностранного, – Г.И. Рожковой, Е.А. Брызгуновой, М.В. Всеволодовой.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвистика, лингводидактика, Г.И. Рожкова, Е.А. Брызгунова, М.В. Всеволодова

E.L. Barkhudarova, O.Yu. Dementieva, O.V. Zubova,
F.I. Pankov, T.E. Chaplygina (Moscow, Russia)

Our Teachers. About Those Who Stood at the Origins of the Specialty “Russian as a Foreign Language”

Abstract: December 11, 2024, the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, held a thematic seminar “Our Teachers. About those who stood at the origins of the specialty ‘Russian as a foreign language’ ”, dedicated to the celebration of the 270th anniversary of Moscow University. During the meeting, the faculty of the department made presentations, sharing their memories of the creative life and personal biographies of famous linguists who made a significant contribution to the development of theory and methodology of teaching Russian as a foreign language – G.I. Rozhkova, E.A. Bryzgunova, M.V. Vsevolodova.

Key words: Russian as a foreign language, linguistics, linguodidactics, G.I. Rozhkova, E.A. Bryzgunova, M.V. Vsevolodova

В декабре 2024 г. на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного была проведена тематическая встреча

«Наши Учителя. О тех, кто стоял у истоков специальности “Русский язык как иностранный”», посвященная 270-летию Московского университета.

Встреча, подготовленная и организованная сотрудниками кафедры, проходила в теплой, дружеской атмосфере. Преподаватели поделились воспоминаниями о жизненном и творческом пути своих старших коллег и учителей, тех великих ученых, которые внесли огромный вклад в развитие теории и методики преподавания русского языка как иностранного.

Встречу открыла заведующая кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного профессор Е.Л. Бархударова. Она отметила, что вклад в развитие науки исследователей, о которых планируется рассказать, трудно переоценить. Их научные открытия подробно анализируются в теоретических курсах, читаемых учащимся по специальности «Русский язык как иностранный», однако в рамках данной встречи организаторы ставят своей целью познакомить гостей с отдельными фактами личной биографии ученых, создать в воображении слушателей реальные образы наших предшественников.

Далее Е.Л. Бархударова рассказала о жизни заслуженного профессора МГУ, члена Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, одного из основателей направления «Русский язык как иностранный» Галины Ивановны Рожковой. Отмечалось, что Галина Ивановна была не только заведующей первой в СССР кафедрой русского языка для иностранных учащихся (кафедра была открыта на филологическом факультете МГУ в 1951 г.), но и первым признанным профессором в данной области. Г.И. Рожкова написала внушительное количество работ, посвященных русской практической грамматике, практической фонетике, лингвистическим и методическим основам преподавания русского языка как иностранного. На занятиях со студентами, будущими преподавателями РКИ, она не только анализировала языковой материал, но также разбирала своеобразные «задачи», проблемные ситуации, которые могут возникнуть при обучении русскому языку как иностранному, учила будущих коллег решать эти задачи.

Научное подвижничество Галина Ивановна сочетала с активной и самоотверженной гражданской позицией. Еще до окончания обучения в МГУ, в 1942 г., Г.И. Рожкова ушла добровольцем на фронт, позднее была награждена орденами и медалями за боевые заслуги. Исполняя обязанности военного переводчика, она не отсиживалась в штабе, была активной участницей боевых действий, а во время битвы на Курской дуге помогала раненым выбраться с поля боя, будучи на последнем месяце беременности. После окончания войны вела большую общественную работу, являлась членом Совета ветеранов МГУ, помогала бывшим фронтовикам.

Г.И. Рожкова умело сочетала качества невероятно доброго, мудрого человека и серьезного, требовательного руководителя. За внешней строгостью, порой даже жесткостью по отношению к подчиненным скрывалось желание защитить их в те непростые для истории нашей страны годы. Будучи уже человеком преклонного возраста, она, несмотря на неутешительные диагнозы врачей, продолжала работать в прежнем, очень напряженном режиме до конца. Галина Ивановна была и остается в нашей памяти человеком, беззаветно преданным своему делу.

Воспоминаниями о другом ярком лингвисте, Елене Андреевне Брызгуновой, поделился ее ученик профессор Ф.И. Панков. Е.А. Брызгунова всю жизнь проработала на филологическом факультете МГУ, занималась исследованием русской фонетической и интонационной систем с позиции лингводидактики. Благодаря своему научному руководителю П.С. Кузнецову она прекрасно знала историчес-

кую грамматику, диалектологию, фольклористику, однако по окончании университета стала работать преподавателем русского языка как иностранного и по просьбе Г.И. Рожковой, посетовавшей на нехватку фонетистов, занялась фонетикой. Диссертацию Е.А. Брызгунова не писала, однако получила степень кандидата филологических наук за монографию «Практическая фонетика и интонация русского языка». Ф.И. Панков отметил, что Елена Андреевна является автором трех серьезных открытий в русистике: она выстроила и описала систему интонационных средств русского языка, заложила основы коммуникативного анализа русской звучащей речи, разработала концепцию полифункциональных слов и высказываний.

Е.Л. Бархударова отметила позитивный перфекционизм Елены Андреевны, всегда уделявшей внимание не только содержанию, но и форме: в любой сфере деятельности, в любой работе оба эти компонента должны гармонировать друг с другом на высоком уровне, будь то монография или поздравительный адрес.

Елена Андреевна участвовала в написании «Русской грамматики» (1980), за что была удостоена Государственной премии СССР, а позже, в 2001 г., получила премию МГУ имени М.В. Ломоносова второй степени за педагогическую работу. 24 октября 2024 г. Елена Андреевна отметила 93-летие. Будучи уже несколько лет на пенсии, она продолжает интересоваться и заниматься наукой, увлеченно обсуждает со своими бывшими учениками новые научные идеи, вкладывает в своих собеседников непобедимое стремление к научному поиску.

В завершение тематической встречи доценты О.Ю. Дементьева и Т.Е. Чаплыгина рассказали о своем учителе, выдающемся ученом-лингвисте, заслуженном профессоре МГУ имени М.В. Ломоносова, почетном профессоре Шанхайского университета иностранных языков Майе Владимировне Всеволодовой. М.В. Всеволодова разработала теорию функционально-коммуникативной грамматики, занималась вопросами аспектологии, глагольного вида, русской звучащей речи. Она является автором ряда монографий, учебников и учебных пособий, не теряющих актуальности и в настоящее время.

Майя Владимировна была великим ученым, видела перспективы научных исследований в тех областях, на которые многие ее коллеги не обращали внимания. Именно ее научная смелость и прозорливость привели к созданию многотомного словаря русских предлогов, содержащего богатый и интересный языковой материал.

М.В. Всеволодова была не только известным ученым, но и прекрасным педагогом. О том, что дальнейшую судьбу она хочет связать с преподаванием, Майя Владимировна знала уже по окончании университета, однако обучать студентов польскому языку, как того хотела молодая преподавательница, не получилось: при распределении М.В. Всеволодовой сказали, что вакансий преподавателя польского языка для русских нет, но есть вакансия преподавателя русского языка для поляков. Так Майя Владимировна стала обучать русскому языку иностранцев. М.В. Всеволодова была человеком увлеченным, отдавала любимому делу практически все свое время, и большая педагогическая нагрузка ее не смущала. Толерантная и терпимая, простая в общении, Майя Владимировна была беззаветно предана науке и очень не любила отсутствие у людей интереса к тому, чем следует заниматься «для пользы дела». Она не жалела времени на общение с учениками, которые всегда ощущали огромную помощь и поддержку своего учителя, однако требование полностью погрузиться в науку распространялось и на них: Майя Владимировна направляла их работу, но свой научный путь каждый из учеников должен был найти и пройти сам.

М.В. Всеволодова жила на улице Бутлерова в небольшой квартире на первом этаже, окна которой не пропускали достаточное количество солнечного света. Тем не менее, как отмечают ее ученики, в квартире всегда казалось невероятно светло и уютно. Вокруг Майи Владимировны как будто была аура, согревающая душевным теплом всех близких ей людей.

Тематическая встреча, прошедшая на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, собрала большое количество гостей. Состоявшиеся в рамках встречи выступления получили широкий отклик благодарных слушателей – студентов бакалавриата и магистратуры отделения «Русский язык как иностранный».

Сведения об авторах:

Елена Леоновна Бархударова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena L. Barkhudarova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
e.barhudarova@mail.ru

Ольга Юрьевна Дементьева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga Yu. Dementieva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olgadem18@mail.ru

Ольга Владимировна Зубова,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga V. Zubova,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zubova.olgavlad@yandex.ru

Федор Иванович Панков,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Fedor I. Pankov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pankovf@mail.ru

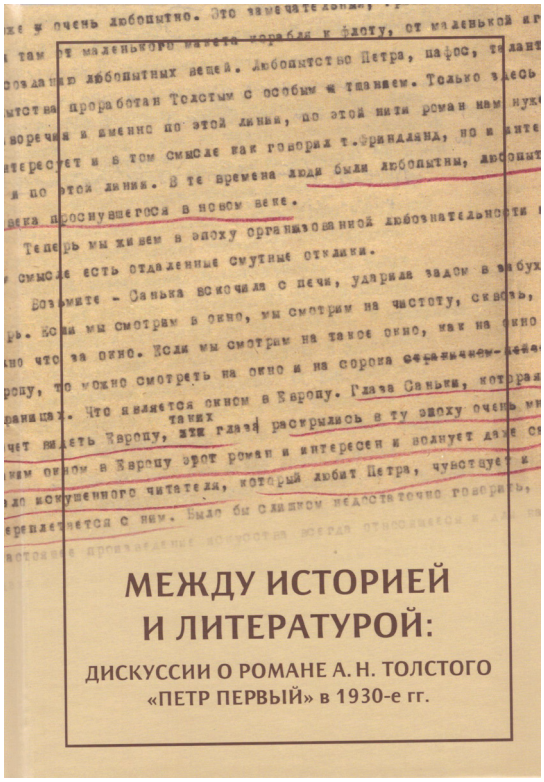
Татьяна Евгеньевна Чаплыгина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana E. Chaplygina,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
chtatiana@mail.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-121-122



Е.А. Певак (Москва, Россия)

Между историей и литературой: дискуссии о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. / Институт российской истории Российской академии наук; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; отв. ред. А.С. Акимова, В.В. Тихонов; подготовка текстов: А.С. Акимова; составители, авторы статей и комментариев: А.С. Акимова, М.Г. Иванова, О.А. Плех, В.В. Тихонов. М.: Совпадение, 2024. 416 с.

E.A. Pevak (Moscow, Russia)

Between History and Literature: Discussions about A.N. Tolstoy's Novel "Peter the Great" in the 1930s / Institute of Russian History, RAS; A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS; Executive eds.: A.S. Akimova, V.V. Tikhonov; Preparation of texts: A.S. Akimova; Compilers, authors of articles and Comments: A.S. Akimova, M.G. Ivanova, O.A. Plekh, V.V. Tikhonov. Moscow. Sovpadenie Publ. 2024. 416 p.

В ноябре 2024 вышел в свет подготовленный сотрудниками ИРИ РАН и ИМЛИ РАН сборник, включающий материалы дискуссии об историческом романе «Социалистический реализм и исторический роман» (май 1934 г.), стенограммы дискуссий о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» (9 и 16 января 1935 г.), а также 4 статьи (в разделе «Дополнения»), важные как для уяснения ключевых точек в развернувшихся спорах о судьбе исторического романа в советской России, так и для понимания сути происходивших в начале 1930-х гг. изменений в сфере государственной политики, что привело к смене ориентиров в художественной литературе и в отечественной историографии. И если сопровождающая публика-

цию архивных материалов статья ст. научного сотрудника ИМЛИ, работающего в группе подготовки Полного собрания сочинений А.Н. Толстого, А.С. Акимовой, посвящена, что вполне логично, предпосылкам и истории создания одного из самых ярких произведений писателя, критическим отзывам на него современников, то историк В.В. Тихонов (ИРИ РАН) расширяет границы комментирования литературных споров и выходит на уровень «российского и советского исторического нарратива», охватывающего большой период существования российской государственности – от XVIII в. до 1930-х гг. Рассмотренная, таким образом, с двух ракурсов полемика об историческом романе вообще и романе Толстого в частности заставляет задуматься о «рефлекторном» характере гуманитарного знания, реализующего себя в форме художественного или научного текста. А это в свою очередь позволяет по-новому взглянуть на события сегодняшнего дня и увидеть в них отражение объективного хода истории, вызывающего к жизни тенденции, которым суждено стать в данных реальностью обстоятельствах государствосберегающими.

К этому добавим, что представленные в сборнике материалы добротно откомментированы, сопровождаются интересными иллюстрациями и именным указателем.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru

In Memoriam

In Memoriam

DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-124-126

И.Н. Исакова (Москва, Россия)

Памяти Лилии Валентиновны Чернец (22.03.1940–24.05.2025)

I.N. Isakova (Moscow, Russia)

In Memory of Lilia Valentinovna Chernets (03.22.1940–05.24.2025)

24 мая 2025 года ушла из жизни Лилия Валентиновна Чернец, Заслуженный профессор МГУ, замечательный ученый, прекрасный преподаватель, а самое главное – очень-очень светлый, душевный человек. Все, кто знал Лилию Валентиновну, в один голос скажут, что она в полной мере обладала таким редким и очень ценным качеством – **доброжелательностью.** При этом Лилия Валентиновна была доброжелательна ко всем, в том числе и к студентам, хотя принимала экзамены очень строго. Но даже с двоечниками она разговаривала так, что на нее невозможно было ни рассердиться, ни обидеться.

Лилия Валентиновна родилась в семье военных врачей. В 1957 окончила с золотой медалью московскую среднюю школу № 282 и поступила на русское отделение филологического факультета Московского университета. И с этого момента вся дальнейшая жизнь Лилии Валентиновны оказалась связанной с филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова, где она занималась в спецсеминаре Г.Н. Поспелова «Творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского». Закончив с отличием филологический факультет (1962), Лилия Валентиновна работала учителем русского языка и литературы в московской средней школе № 273 (1962–1965). В 1963 поступила в заочную аспирантуру по кафедре теории литературы МГУ (научный руководитель Г.Н. Поспелов).

Лилия Валентиновна гордилась тем, что училась у Г.Н. Поспелова, всегда отзывалась о нем с глубоким уважением и искренней любовью. Впоследствии Л.В. Чернец написала о своем учителе биографический очерк, вошедший в книгу

«Живая мысль: К 100-летию со дня рождения Г.Н. Поспелова» (М., 1999). Своим ученикам, уже не заставшим Геннадия Николаевича, всегда много рассказывала о нем, подчеркивая, что как ученый и преподаватель она состоялась именно благодаря Поспелову. Здесь проявлялась еще одна характерная черта Лилии Валентиновны – **скромность**. Лилия Валентиновна никогда не рассказывала о своих заслугах, но всегда говорила о том, что еще ей нужно сделать.

В 1971 г. Л.В. Чернец защитила кандидатскую диссертацию «Типология литературных жанров по содержанию», на основе которой позднее написала монографию «Литературные жанры (вопросы типологии и поэтики)» (1982). С 1969 Лилия Валентиновна работала на кафедре теории литературы филологического факультета МГУ в качестве преподавателя, в 1977 вошла в штат кафедры, получила ученое звание доцента (1988), затем профессора (1996). Докторскую диссертацию «Функционирование литературных произведений как теоретическая проблема» защитила в 1992 г. (монография опубликована в 1995).

Работая более 50 лет на кафедре теории литературы, Л.В. Чернец ежегодно читала студентам курсы «Введение в литературоведение», «Теория литературы», спецкурсы и спецсеминары по стиховедению и стилистике, анализу и критической интерпретации произведения, творчеству Л.Н. Толстого и др. Работала она и на других факультетах МГУ, в частности в ИСАА. С 2001 г. была одним из руководителей специализации «Сравнительное литературоведение», преобразованной в 2011 в одноименную магистерскую программу; совместно с А.Я. Эсалнек вела курс «Теоретическое введение в сравнительное изучение литератур». С 2008 г. по инициативе Лилии Валентиновны в программу был включен курс по сопоставлению русской литературы с восточными, и с этого момента начали развиваться связи кафедры теории литературы с филологическими кафедрами ИСАА. А восточный компонент занял прочное место в бакалаврских и магистерских исследованиях. Это была принципиальная позиция Л.В. Чернец – сравнивать русскую литературу не только с западными, но и с восточными.

Под редакцией и при авторском участии Л.В. Чернец вышли учебные книги для студентов филологов: «Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины» (1999; 2-е изд.: 2000), «Введение в литературоведение» (2004; 6-е изд.: 2022), а также книги «занимательного литературоведения» – «Русская литература в вопросах и ответах. XIX век» (1998; 4-е изд.: 2019). И здесь в полной мере проявились организаторские качества Лилии Валентиновны. Она прекрасно находила общий язык с самыми разными людьми. Выпустить учебник, соавторами которого являются около 30 человек, – казалось бы, нереальная задача! Как можно объединить самых разных авторов? Ведь у каждого своя концепция, своя принципиальная научная позиция. И здесь проявилась редчайшая черта Лилии Валентиновны – умение окружить себя **доброжелательными, светлыми людьми**, такими, какой была и сама Лилия Валентиновна. И в диалоге рождалась общая концепция учебника, где главы и параграфы, написанные одним автором, соотносились (или как минимум не противоречили) содержанию глав, написанных другим автором. Учебнику Лилия Валентиновна посвятила более 25 лет жизни, и каждое издание выходило дополненным, появлялись новые статьи, дополнялись старые. Наука не стоит на месте – какие-то статьи приходилось фактически переписывать. Лилия Валентиновна без преувеличения жила своим учебником, жила наукой, любовь к которой пронесла через всю жизнь. До последнего интересовалась новыми подходами, новыми концепци-

ями, ей было очень **интересно жить.** Она всегда что-то рассказывала: какой интересный доклад послушала, какую интересную книгу прочла. Когда мы слушали ее, невольно заражались ее интересом, и часто по следам разговоров с Лилией Валентиновной читали те монографии и сборники, которые так понравились ей. Может быть, поэтому у нее всегда было хорошее настроение, а может быть, это был ее природный **оптимизм**. Встречая коллег и знакомых, она всегда улыбалась, казалось, что она каждого рада видеть. Что бы ни происходило, она всегда была в хорошем настроении, всегда шла вперед, а все неприятности как-то рассеивались сами собой. Лилия Валентиновна умела создавать позитивную атмосферу, где бы она ни появлялась, и навсегда оставалась в памяти коллег удивительно легким человеком.

А закончить мне хотелось бы одним эпизодом, в котором так ярко проявилась удивительная теплота и доброжелательность Лилии Валентиновны. Я тогда училась на первом курсе, ходила к ней на лекции, а на семинарские занятия попала в группу к другому преподавателю, но договорилась с Лилией Валентиновной, чтобы ходить к ней (со мной была еще одногруппница). А экзамен по «Введению в литературоведение» у меня совпал с другим. Мы подошли к Лилии Валентиновне, стали объяснять ситуацию. «Когда вам удобно сдавать?» – спросила она. Мы растерялись, но назвали какую-то дату. «Хорошо. Я приеду к вам. Только, девочки, вам будет удобно начать экзамен часа в два? Я поеду с дачи, поэтому к 10.00 не смогу». Конечно, мы были готовы сдавать и в 2, и в 3, и в 4. Преподаватель специально готов приехать к нам двоим!

Думаю, что каждый, кто общался с Лилией Валентиновной, вспомнит какую-то свою историю. Лилия Валентиновна всю жизнь жила для других.

Сведения об авторе:

Ирина Николаевна Исакова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina N. Isakova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mandala-1@yandex.ru

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-1-127

STEPHANOS

2025
№ 3 (71)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2025
Май – May